

А.Б. Бодэ

**ДЕРЕВЯННЫЕ ХРАМЫ
РУССКОГО СЕВЕРА.
АРХИТЕКТУРА
И МЕСТНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ**

**МГСУ
Москва 2011**

УДК 72.03

Рецензенты:

доктор архитектуры, профессор **В.Н. Ткачев**

(Международный славянский институт);

кандидат искусствоведения, доцент **Е.В. Ходаковский**

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Бодэ А.Б. Деревянные храмы Русского Севера. Архитектура и местное своеобразие: Монография / ГОУ ВПО Моск. гос. строит. ун-т. – М.: МГСУ, 2011. – 128 с.

ISBN-978-5-7264-0510-0

Русские деревянные церкви составляют уникальную часть отечественного культурного наследия. В монографии рассматриваются основные типы деревянных церквей и варианты архитектурно-конструктивных решений. Внимание заостряется на локальных традициях, развивавшихся на различных территориях Русского Севера. Дается общее систематизированное представление об архитектуре деревянных церквей XVI–XVIII вв. во всем ее типологическом и региональном многообразии.

Монография адресована не только специалистам, но и всем, интересующимся культурным наследием Русского Севера.

Рекомендовано Научно-техническим советом МГСУ.

ISBN-978-5-7264-0510-0

© Бодэ А.Б., 2011

© МГСУ, 2011

ВВЕДЕНИЕ

Русское деревянное зодчество относится к наиболее ярким и самобытным явлениям в русской культуре. По масштабу распространения и многообразию композиций, приемов и форм оно не имеет себе равных среди мировых аналогов. На протяжении многих веков дерево в России было господствующим строительным материалом, накапливался огромный опыт, совершенствовалось мастерство. К сожалению, в силу недолговечности материала до нас дошла лишь небольшая часть этой колоссальной строительной культуры. Если архитектура традиционного жилища представлена постройками XIX – начала XX вв., то памятники церковного зодчества относятся к значительно более раннему времени, в основном, к XVII–XVIII вв.

Исторически обстоятельства сложились так, что деревянные церкви в наибольшем числе сохранились только на Русском Севере. Архитектура русских деревянных храмов удивительно многообразна. На примерах известных и сохранившихся построек отчетливо прослеживаются местные традиции, свойственные различным территориям, обычно ограниченным какой-либо водной системой. Вместе с тем, деревянное зодчество, благодаря использованию одинаковых архитектурных и конструктивных приемов, обладает стилистическим и художественным единством.

Цель настоящей работы – дать общее представление об архитектуре деревянных церквей (решения основных и соподчиненных объемов, их компоновка, развитие в высоту, устройство деталей) и вместе с тем позволить читателю углубиться в исследование нескольких наиболее сильных региональных традиций с подробным рассмотрением их происхождения, эволюции, вопросов взаимовлияния деревянного и каменного зодчества.

Книга подготовлена в рамках большой научно-исследовательской работы, нацеленной на выявление в деревянном культовом зодчестве отголосков древних новгородских и московских традиций. Поэтому при рассмотрении местных особенностей внимание заостряется на характере их распространения, различиях в архитектурных решениях в зависимости от местоположения объекта и времени его строительства, аналогиях с характерными особенностями каменного зодчества древнего Новгорода и Москвы, на основании чего собственно и определяется принадлежность к той или иной традиции.

Вопрос о возможности выявления в деревянном зодчестве Севера древних традиций, связанных с основными направлениями освоения и заселения региона, долгое время оставался вне сферы внимания исследователей. Впервые попытка выявления и относительно подробного рассмотрения некоторых архитектурных приемов, предположительно восходящих к периоду самостоятельности

Новгорода, была предпринята автором. В.П. Орфинский в нескольких публикациях недавних лет заострял внимание на тенденциях формообразования, связанных с восточными (новгородскими) и западными (московскими) влияниями. Таким образом, отдельные направления изучения древних архитектурных традиций, связанных с основными потоками освоения региона, оказались намеченными, но в целом тема не изучена.

Культура Русского Севера, как известно, по своим истокам неоднородна – регион заселялся выходцами из разных земель. В период раздробленности Руси северные земли, в основном, находились во владениях Новгорода, отдельные его части принадлежали среднерусским княжествам. Два основных колонизационных потока – новгородский и ростовский (позднее московский) – определяют две основные составляющие, формировавшие культуру региона в период его освоения. В новгородский период все северо-русские территории были соединены основным водно-волоковым путем, проходившим с запада на восток. После объединения русских земель под властью Москвы приоритетными стали радиальные по отношению к новому центру направления. Один из самых оживленных периодов в жизни Русского Севера приходится на XVI – XVII вв. Активные торговые связи, очевидно, создавали благоприятные условия для быстрого проникновения культурных традиций на Север из среднерусских земель.

Местные особенности в деревянном зодчестве Русского Севера отличались консервативностью. Пример тому – развитие деревянного культового зодчества Севера в течение всего XVIII в., происходившее практически независимо от стилей, господствовавших в архитектуре Нового времени. В этот период северорусские деревянные храмы в большинстве своем воспроизводили выработанные ранее архитектурные решения, появившиеся в XVIII в. новые композиции образованы полностью на основе форм, восходящих к позднему Средневековью. Важное свойство традиционного деревянного зодчества – устойчивая преемственность развития.

Русские деревянные храмы интересны не только как объекты истории. Их архитектура демонстрирует многообразие решений, достигнутых умелым сочетанием одних и тех же достаточно простых форм, многие из которых наполнены символическим содержанием. Конструктивное устройство деревянных зданий поражает своей простотой и рациональностью. Прекрасно найденные пропорции и сила художественных образов ставит русские деревянные церкви в ряд лучших произведений не только отечественной, но и мировой культуры.

ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРНЫХ РЕШЕНИЙ ДЕРЕВЯННЫХ ЦЕРКВЕЙ

Архитектура деревянных церквей отличается особым богатством и многообразием решений. Основой каждой деревянной церкви является сруб молитвенного помещения, он же и доминирует по высоте над остальными объемами. По форме плана основные срубы могли быть прямоугольные (квадратные), восьмигранные, реже крещатые.

Простейшее решение основного объема — клеть, покрытая на два ската. Отсюда и название — клетские церкви, которые по своим формам наиболее приближены к жилым домам. Древнейшим сохранившимся памятником русского деревянного зодчества является клетская Лазаревская церковь Муромского монастыря, построенная во второй половине XIV в. (рис. 1, вклейка). При одинаковом общем решении клетские церкви могли существенно различаться между собой. Во-первых, по пропорциям: небольшие по высоте церкви, действительно, очень напоминают крестьянское жилище, но есть постройки довольно высокие,

башнеобразные. Во-вторых, клетские церкви различаются по форме и высоте покрытия. В этих различиях отчетливо прослеживаются местные традиции. Так, в Костромской, Ивановской и отчасти Владимирской областях известен ряд памятников XVIII в. с островерхими прямоскатными покрытиями. Среди них – Никольская церковь (1766) из села Глотова, перевезенная в Суздаль (рис. 2, вклейка). Несколько западнее, в Тверской и Новгородской областях, клетские церкви по пропорциям другие: стены – немного выше, а покрытия, наоборот, пониженные. Примером тому – Казанская церковь (1709) в селе Сурушино (утрачена), церкви Знаменская (1742) из села Пылево и Спасо-Преображенская (1738) из села Спас на Сози, перевезенные в музей близ Торжка, Никольская церковь (XVII в.) из деревни Мякишево, перевезенная в музей «Витославицы» (рис. 3, вклейка).

Характерной особенностью церковных срубов являются повалы – расширения в верхней части. У клетских церквей повалы имеют обычно только продольные стены основного сруба, у центрических четвериковых и восьмериковых церквей повал охватывает весь периметр основного объема. Завершаются повалами и стены алтаря. Стены церковных трапезных, напротив, повалов не имели, хотя есть и исключение – трапезная Ильинской церкви (1692) в селе Самино. По-видимому, устройство повалов служило не только усилению художественной выразительности и лучшему отводу влаги от стен, но и имело какое-то смысловое значение – выделение главного, священного.

Среди северорусских клетских церквей немало построек с высокими так называемыми клинчатыми покрытиями. В отличие от церквей Средней России их скаты в нижней части имели переломы – полицы, служившие лучшему отводу влаги от стен и создававшие более выразительный силуэт. Причем эти формы покрытия встречаются не по всему Северу, а главным образом в Поонежье, в бассейне Северной Двины и Поморье. Одна из древнейших русских церквей – Ризоположения (1485) из села Бородава, перевезенная в Кирилло-Белозерский монастырь, имеет подобное покрытие (рис. 19, вклейка).

Для северо-западных земель характерны клетские церкви с каскадными (ступенчатыми) покрытиями, каждый скат которых состоял из двух или трех ступеней. Самая древняя подобная постройка сохранилась в селе Юксовичи – Георгиевская церковь (1495) (рис. 26, вклейка). Есть предположение, что каскадные покрытия являются отголоском ярусных поперечно уступчатых завершений, о существовании которых свидетельствуют старинные изображения. Среди храмов с каскадными покрытиями Никольская церковь (XVII в.) из деревни Тухоль в музее «Витославицы» (рис.

Рис. 1. Спасская церковь (XVII–XVIII вв.) в селе Нижний Починок, Кировская обл. Фотография А.С. Панкратова

Рис. 2. Никольская церковь (1708) в селе Уйма. Фотография начала XX в.

28, вклейка) отличается достаточно большим промежутком стены между скатами кровли, что, действительно, напоминает ярусное завершение.

Редким и очень эффектным было покрытие основного храмового сруба бочкой. Такие постройки известны в районе верхнего и среднего течения Онеги, например, Благовещенская церковь (1719) в деревне Пустынька (рис. 24, вклейка). Независимо от решения верха и высоты клетские церкви, как правило, были невелики и не играли значительной роли в организации больших пространств.

Кроме коньковых форм покрытий, квадратные в плане срубы церквей могли покрываться сомкнутыми четырехскатными покрытиями. Усиление вертикальной композиционной оси придавало постройке большую статичность, значимость, образ церкви получался уже несколько иным. Примером подобных построек с покрытием на четыре ската могут служить Спасская церковь (XVII–XVIII вв.) в селе Нижний Починок на реке Моломе (рис. 1) или Пятницкая церковь (1831) в заонежском селе Онежаны. В их образах есть что-то от каменных храмов, но еще более напоминают каменные постройки четвериковые церкви с крещатым вось-

мискатным покрытием. Деревянных храмов с подобным покрытием известно сравнительно немного. Среди них Троицкая церковь (1694) в селе Помялово, Никольская церковь (1708) в селе Уйма (рис. 2), церковь Флора и Лавра (1613) в селе Мегрега (рис. 4, вклейка). Большинство из них было расположено на северо-западных территориях, что наводит на мысль об их взаимосвязи с каменным зодчеством древнего Новгорода.

Лаконичное четвериковое основание во многих деревянных церквях выразительно сочеталось со сложной формой завершения. Таковы церкви с кубоватым верхом и церкви, завершенные шатром на крещатой бочке. Те и другие в основании имели высокий четверик, заканчивающийся крутым повалом. Основная масса сруба оставалась глухой, поскольку окна обычно располагались в нижней части. Церкви, завершенные кубом, строились в Поморье и Поонежье. Известные постройки относятся к последней трети XVII–XIX вв. Обычно кубоватые покрытия завершались пятью главами, но есть примеры и одноглавых завершений. Ранним кубоватым церквям свойственны стройные пропорции и богатое декоративное убранство верха, например, Воскресенская церковь (1669) из села Кушерека, перевезенная в музей «Малые Корелы» (рис. 36, вклейка), утраченная Сретенская церковь (1677) в селе Чекуево. В XVIII в. строительство четвериковых кубоватых церквей в основном сместилось в район верхней Онеги. Их архитектурно-художественный облик был уже не столь выразителен: четверики занижены, декоративные детали отсутствуют.

Храмы, завершавшиеся шатрами на крещатой бочке, наиболее широкое распространение получили на Пинеге и Мезени, хотя отдельные подобные постройки известны в Поважье и в районе нижнего течения Двины. Самый активный период строительства шатровых церквей на крещатой бочке в пинежско-мезенском крае приходится на конец XVII — начало XVIII в. Шатры пинежско-мезенских церквей отличаются стройностью, что подчеркивается боковыми главами на удлиненных слегка сужающихся кверху шеях.

Восьмигранные в основании церкви более вместительны. Они нередко назывались «круглыми». Самым распространенным покрытием восьмигранных срубов был шатер. На наиболее древних церквях, таких как Никольская в селе Лявля (1584) (рис. 5, вклейка), Ильинская (1600) в селе Усть-Выя (утрачена), шатры вместе с шеями и главами выполнялись рублеными, за счет чего формы завершений приобретали особую массивность. По образу подобные храмы напоминали крепостные башни. Восьмигранные храмы XVII–XVIII вв. обладали более стройными пропорциями, как, например, Сретено-Михайловская церковь в бывшей деревне Красная Ляга (1665) (рис. 6, вклейка). Восьмигранные в осно-

Рис. 3. Воскресенская церковь (1630) в селе Важины,
Ленинградская обл. Фотография П.В. Степанова

вании церкви наиболее широкое распространение получили в северо-восточных землях (бассейн Северной Двины). Встречаются они и на северо-западных землях, но здесь они отличаются ярусным решением основного храмового сруба в сочетании с ломаным покрытием – так называемым фронтонным поясом. Именно такова Никольская церковь (1696) в селе Согиницы (рис. 7, вклейка). Говоря о «круглых», церквях нельзя не упомянуть об исключениях. Так, Воскресенская церковь (1630) в селе Важины имеет в основании не привычный восьмимерик, а десятигранный сруб (рис. 3). Известен также единственный пример шестигранного храмового столпа — Богородицкая церковь (начало XVII в.) в селе Пянтег.

Церкви с крещатым в плане основанием относительно редки. Все они отличаются ярусным построением верха. Самые древние известные подобные постройки завершались шатрами, для чего на крещатое основание ставился восьмимерик. Это утраченные Климентовская церковь (XVI или XVII вв.) в селе Уна, Богородицкая (XVI (?) в.) в селе Верховье, сохранившаяся Успенская Александро-Куштского монастыря, перевезенная в Спасо-Прилуцкий монастырь (рис. 8, вклейка). Завер-

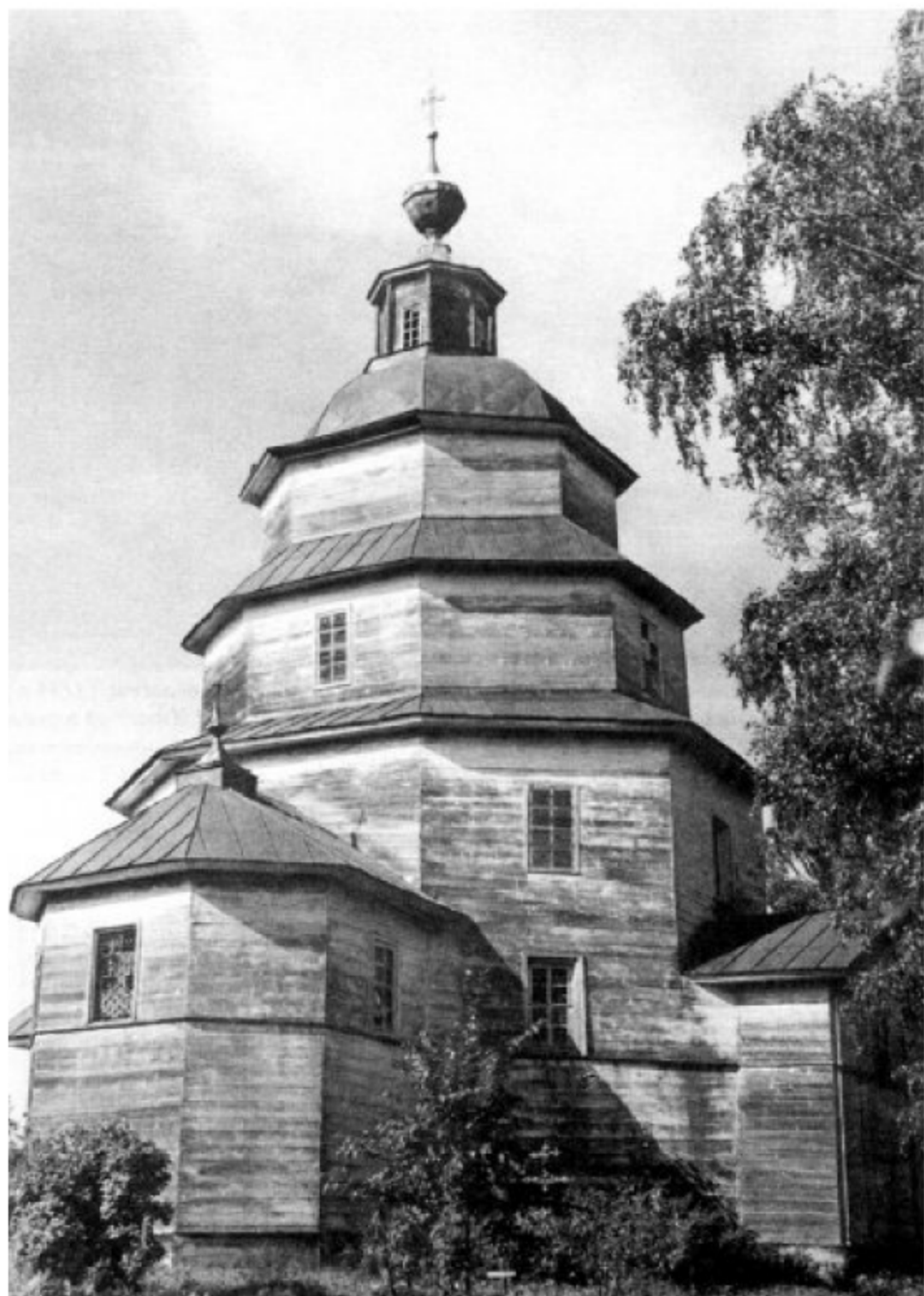

Рис. 4. Ильинская церковь (1755) Цыпинского погоста. Фотография С.С. Подъяпольского, 1940-е гг., предоставлена И.Н. Шургиным

шенный шатром основной храмовый столп крещатых церквей иногда решался в виде восьмерика на четверике, как на Вознесенской церкви (1654) в селе Пияла (рис. 10, вклейка). Известен ряд построек, где над крещатым основанием возвышался четверик, завершенный кубом или крещатой бочкой, примером чего служит Успенская церковь (1694) в селе Нелазское-Борисоглебское (рис. 9, вклейка). Крещатые храмы зафиксированы в среднерусских областях, Поонежье и Поморье.

Ярусные завершения сочетались с любой формой основания: четвериковой или восьмериковой. Основной сруб шатровых церквей, которые принято называть «восьмерик на четверике», в сущности, тоже состоит из двух

ярусов, слитых воедино на большинстве построек. Эти храмы были очень популярны и имели повсеместное распространение на Русском Севере в XVII–XVIII вв. Церкви, состоящие из восьмерика на четверике, имея принципиально одинаковое решение, различались по пропорциональному строю. При различных соотношениях основания и шатрового верха получались совершенно разные архитектурно-художественные образы.

Церкви с ярусными завершениями, состоящими из нескольких убывающих по величине срубов, строились преимущественно в среднерусских областях, сменив собою шатровые храмы примерно с конца XVII в. Наиболее распространенным вариантом решения была постановка на основной четверик одного или нескольких восьмериков. Это могли быть как сравнительно небольшие, так и очень высокие постройки, например, Вознесенская (Тихвинская) церковь (начало XVIII в.) в Торжке (рис. 11, вклейка). Завершались они обычно одной главой на пологом сомкнутом

покрытии или в более позднее время — куполом. Известны и восьмериковые ярусные церкви. Среди них Ильинская церковь (1755) Цыпинского погоста (рис. 4), где число ярусов достигает пяти, включая основание. Распространение восьмериковых ярусных церквей тяготеет к северо-востоку, где преобладали восьмериковые шатровые храмы. Несколько особняком стоят четвериковые ярусные церкви. Это самые древние известные ярусные храмы. Судя по иконописным изображениям, такова была церковь Нилово-Столобенской пустыни, построенная в конце XVI в. Она имела покрытие каждого яруса на восемь скатов. Ярусные четвериковые церкви достаточно редки, зафиксированы они в основном в северо-западных областях. Из сохранившихся памятников можно отметить церковь Иоанна Предтечи (1694) в деревне Ширково (рис. 12, вклейка).

Особую разновидность ярусных решений представляют церкви, называемые в исторических документах «древяна клецки вверх шатром». До наших дней таких построек не сохранилось. Очевидно, это были прямоугольные в основании храмы, над двухскатным покрытием которых возвышался небольшой восьмерик, несущий шатер. Подобную постройку мы можем увидеть на одном из рисунков в альбоме А. Мейерберга (в селе Чашниково близ Москвы). Среди достоверно известных аналогичных объектов можно отметить церковь в Лондухе начала XVIII в. Клетское с двухскатным покрытием основание могло сочетаться и с более сложной ярусной структурой верха, состоявшей, например, из небольшого восьмерика на четверике с шатровым покрытием. Изображение таких построек можно увидеть на рисунках в альбоме Мейерберга (церкви в Едрово, Медном). Похожая церковь, датируемая XVII в., некогда стояла в Повенце.

Рис. 5. Преображенская церковь (XVII–XVIII вв.) в деревне Ижма, Архангельская обл. Фотография автора

Рис. 6. Успенская церковь (1667) в селе Суланда, Архангельская обл. Фотография М.П. Волковой, 1970-е гг.

Многоглавие, будучи одним из самых выразительных признаков русских деревянных церквей, сочеталось с различными плановыми решениями и типами завершений. Наиболее приближены к образу канонического каменного храма четвериковые церкви с пологим четырехскатным покрытием и пятью главами, например, Преображенская церковь (XVII–XVIII вв.) в деревне Ижма (рис. 5). Необычайно величественны и монументальны девятиглавые северодвинские церкви с массивным четвериковым основанием второй половины XVII в.: Ильинская в Чухчерьме (утрачена) и Сретенская (1683) в селе Заостровье (рис. 13, вклейка). Многогла-

вые завершения, как правило, свойственны развитым в плане постройкам, когда симметричные прирубы венчались дополнительными главами. Блестящее воплощение многоглавие получило в архитектуре церквей Обонежья XVIII в., ряд которых открывает утраченная Покровская церковь (1708) Вытегорского погоста. Великолепны кубоватые многоглавые церкви в Турчасове и Подпорожье второй половины XVIII в., развитые на основе крещатых композиций.

Основной храмовый сруб окружался соподчиненными объемами — прирубами. Их могло быть от одного (только восточного) до четырех. Компоновка объемов развивалась по двум основным направлениям: по линии восток-запад или во все стороны симметрично относительно вертикальной оси. Первый прием, как правило, характерен для клетских или четвериковых в основании высотных церквей, второй — для центральных восьмериковых и крещатых в плане храмов.

Алтарь обычно размещался в восточном прирубе по площади несколько меньшем, чем основной сруб. Алтари наиболее древних известных церквей отличаются простотой решения: в плане прямоугольны и покрыты на два

ската. У церквей конца XVII–XVIII вв. преобладают пятистенные алтарные прирубы, выполнявшиеся явно в подражание апсидам каменных храмов. Многопрестольные церкви нередко имели многогранные, сложные в плане алтари. Наиболее часто используемым покрытием алтарного прируба была бочка, а вообще алтари могли покрываться всеми теми же формами, что и основные срубы клетских церквей. Известно несколько примеров, когда молитвенное помещение и алтарь размещались в едином вытянутом срубе, внешне расчлененном разновысоким покрытием. Такова церковь Ризоположения из села Бородава.

Если алтарный прируб располагался строго по продольной оси здания, то трапезная могла пристраиваться и с некоторым сдвигом в сторону. Обычно она превышала по величине молитвенное помещение. Во многих постройках трапезная конструктивно не связана с церковью и представляет собой отдельный сруб, что свидетельствует о разновременной их постройке. Примерами служат храмы Иоанна Златоуста (1665) в селе Саунино, Рождества Христова (1745) в Большой Шалге, где трапезная, правда, утрачена (рис. 32, вклейка). Известны случаи, когда возведение трапезной предшествовало самой церкви. Так было при строительстве Богоявленской церкви (1852–1857) в селе Поле. Служившая местом мирских сходок трапезная почти всегда отапливалась, что было причиной более частых ремонтов или переборок сруба, в отличие от «холодных», т.е. не отапливаемых помещений церкви, которые могли служить значительно дольше.

Рис. 7. Воскресенская церковь (1673)
в селе Селецком на р. Емце,
Архангельская обл. Фотография
М.П. Волковой, 1970-е гг.

Рис. 8. Храмовый комплекс в селе Ненокса, Архангельская обл. Никольская церковь (1763), колокольня (XIX в.) и Троицкая церковь (1727) (справа).

Фотография И.Н. Шургина, 1989 г.

Постановка разновеликих объемов, выстроенных по продольной оси, придает всей композиции церкви определенную динамику. Устройство симметричных прирубов, напротив, статично и уравновешенно. Очень выразительны четвериковые церкви с ярусным или шатровым верхом, имеющие два одинаковых прируба: алтарь и притвор, например, Иоанна Богослова в селе Богослов на реке Ишне (рис. 14, вклейка). Церкви Вознесенская (1752) в селе Конецдворье, Успенская (1667) в селе Суланда (рис. 6) отличались четырьмя симметричными прирубами, примыкавшими к четвериковому основанию, переходившему в восьмерик и завершенному шатром. Но наиболее впечатляющи восьмериковые шатровые церкви с четырьмя симметричными покрытыми бочками прирубами (Богородицкая (1726) в селе Заостровье (Яковлевское), Введенская (1589) в селе Сура). В боковых прирубах нередко размещались приделы, тогда к каждому из них примыкал свой алтарь, как, например, в Воскресенской церкви (1673) в селе Селецком на реке Емце (рис. 7).

Архитектурное решение храмов усложнялось также устройством приделов в виде самостоятельных срубов, которые могли компоноваться симметрично относительно оси восток-запад или пристраиваться с одной из сторон. Примером симметрично развитой композиции может быть утраченная Благовещенская церковь в Турчасове, где между основным

храмовым объемом и просторной трапезной были встроены два придела со сквозным проходом в середине.

Симметричные композиции могли сочетаться с завершением в виде нескольких шатров. Среди сохранившихся памятников необходимо отметить пятишатровую Троицкую церковь (1727) в селе Нёнокса, где прирубы к основному восьмерику венчались шатрами, создавая удивительное по выразительности решение (рис. 8). Еще один сохранившийся пример — Успенский собор (1711–1717) в Кемі (рис. 15, вклейка). Здесь основной столпообразный объем, завершенный величественным шатром, дополняется двумя другими, аналогичными по структуре, расположенными по бокам.

Один из примеров асимметричного решения — утраченная Троицкая церковь (1727) в селе Подпорожье. Основной храм состоял из четверика, завершенного кубом с пятиглавием. Придел был пристроен позже с юго-западной стороны и представлял собой тоже четверик, но поменьше и венчавшийся одной главой. Оба сруба с западной стороны были объединены широкой трапезной. В среднерусских землях встречаются клетские церкви с боковым приделом под одной асимметричной крышей с основным храмом. Это утраченная Рождественская церковь (1768) в селе Талицы и Знаменская церковь из села Пылево. При восприятии с разных ракурсов подобные постройки отличаются живописной композицией объемов и выразительным силуэтом.

В традиционных деревянных церквях обращает на себя внимание соотношение внешнего объема и внутреннего пространства. В сравнительно небольших клетских постройках эти характеристики вполне соразмерны. В храмах высотных, напротив, наружная величина здания несравненно больше внутренних размеров. Это получается за счет устройства высоких завершений и низких потолков, скрывающих большую часть основного храмового столпа. Открытые внутрь завершения получили распространение в ярусных церквях с XVIII в., видимо, под влиянием украинского зодчества, хотя предполагается, что некоторые шатровые церкви XVII в. и более раннего времени не имели потолков.

Молитвенное помещение, в отличие от остальных, было наиболее освещенным и преобладало по высоте. Нередко оно было двусветным. В северорусских церквях, особенно шатровых, широкое распространение получили каркасные потолки, называемые «небом» (рис. 16, вклейка). С одной стороны, в рисунке элементов каркаса отчетливо просматривается стилизованное солнце, на основании чего многие видят в «небесах» деревянных церквей отголоски язычества. С другой стороны, такие потолки напоминают переработку формы сомкнутого свода каменных построек. Потолки-«небо» расписывались. В центральном круге изображался Бог, в

окружающих его косяках — фигуры ангелов. Подобные потолки устраивались не только в больших храмах, но и в часовнях.

Самым ярким и привлекающим внимание элементом церковного интерьера был, разумеется, иконостас. Старинные иконостасы деревянных церквей состояли из тябл — узких полок, на которые устанавливались иконы. Края тябл покрывались росписью. Более поздние иконостасы делались в виде стоечно-балочной конструкции с лепниной и позолотой. Особенно богато оформлялись царские врата. Правда, до наших дней дошли в основном относительно поздние образцы, где мотивы народного зодчества причудливо переплетаются с ордерными элементами.

Значительную роль в художественном оформлении церковного интерьера играла резьба, которой украшались клиросы, подзоры лавок, протянувшихся вдоль стен. Очень выразительны церковные порталы (рис. 17, вклейка), где резьба могла сочетаться с раскраской и росписью. В трапезных при больших пролетах потолочные балки поддерживались резными столбами (рис. 18, вклейка). Рисунок резьбы традиционен и очень устойчив: дыньки, перехваченные жгутами. Подобные столбы напоминают то ли фигуры идолов, то ли связки стеблей растений. Не исключено, что они несут отголосок каких-то древних языческих культов. Столбы-опоры в некоторых церквях имели резные кронштейны, напоминающие поднятые вверх руки, что еще более усиливает их сходство с человеческими фигурами.

Интерьеры деревянных церквей легко поддавались переделкам и поновлениям, поэтому исторических фотоматериалов, и уж тем более, подлинных элементов сохранилось немного. При реставрации памятников деревянного зодчества в интерьерах многое не воссоздается вообще, и помещения остаются полупустыми. Первоначальные интерьеры традиционных деревянных церквей, насыщенные резными и расписанными предметами, такими как скамьи, лари, столики, подсвечники, несомненно, выглядели очень колоритно.

КЛЕТСКИЕ ЦЕРКВИ С КЛИНЧАТЫМ ПОКРЫТИЕМ С ПОЛИЦАМИ

Одной из разновидностей завершений клетских деревянных церквей были островерхие, так называемые клинчатые покрытия. Название этого типа покрытия заимствовано из исторических источников. В старинных документах, связанных со строительством деревянных церквей, так и писалось: «верх сводить клином», «верх клинчатой». Клетские храмы с островерхим покрытием распространены на значительной части Русского Севера. Их отличительными особенностями являются выразительный повал и полицы – переломы в нижней части скатов, имеющие более пологий уклон. Ряд клетских церквей с подчеркнуто островерхими покрытиями зафиксирован и в восточных районах средней России. Они отличаются от северных аналогов отсутствием полиц и слабо выраженным повалом. Основными объектами нашего рассмотрения будут северорусские храмы с клинчатыми с полицами покрытиями, представленные в достаточно большом количестве и имеющие сложную географию распространения.

Древнейшая известная постройка с клинчатым покрытием – церковь Ризоположения (1485) из села Бородава, ныне перевезенная в Кирилло-Белозерский монастырь (рис. 19, вклейка). Храм очень маленький: молитвенное помещение и алтарь уместаются в едином прямоугольном срубе, который внешне разделен разновысоким покрытием. Над молитвенным помещением возвышается клинчатое с полицами покрытие, формы которого повторяются на большинстве более поздних аналогичных построек. Угол, образуемый «клином», составляет около 50 градусов, основные скаты по длине в несколько раз превышают полицы.

Необычно покрытие алтарной части. До реставрации и перевозки в музей оно было прямоскатным с изломом над коньком, наподобие стилизованной бочки¹. Это сходство, видимо, и подтолкнуло реставратора Б.В. Гнедовского к воссозданию «настоящей» бочки с округлыми скатами, что можно увидеть на фотографиях 1960–1970-х гг. Позже при очередном ремонте кровель вернулись к прямоскатным очертаниям, которые заданы самой конструкцией покрытия. Эту форму нельзя определенно назвать бочкой или клинчатым покрытием. Более всего она напоминает попытку формирования бочки на основе клинчатого с полицами покрытия. В развитии деревянного зодчества известно явление, когда отжившие приемы и формы не исчезали, а занимали место в решениях менее значительных (подсобных) построек². Не исключено, что и форма покрытия алтаря церкви Ризоположения относится к каким-то архаичным приемам, либо уже исчезавшим к концу XV в., либо к местным, не имевшим широкого распространения.

Богоявленская церковь Елгомского погоста, датируемая 1643 г.³, отличается очень высоким покрытием основного сруба и таким же покрытием алтаря (рис. 9). Это одна из немногих известных на Севере клетских построек, где клинчатое покрытие по высоте преобладает над основанием. Выделяется несколько церквей, близких друг к другу по архитектурному решению и пропорциональному строю. Их основные срубы и прямоугольные алтарные прирубы покрыты одинаковыми по очертаниям клинчатыми с полицами покрытиями. К ним относятся Успенская

1. Максимов П.Н. Особенности русского деревянного зодчества // История русской архитектуры. М., 1965. С. 112.

2. Например, в архитектурно-конструктивных решениях карельских бань выявлены приемы, в прошлом присущие жилым постройкам (Орфинский В.П., Гришина И.Е. Простейшие деревянные постройки как источник для изучения крестьянского жилища // Народное зодчество. Петрозаводск, 1992. С. 19-31).

3. Забело С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942. Ил. 169-172.

церковь (1675) в селе Задняя Дуброва, известная нам по старинным фотографиям и графической реконструкции⁴, Георгиевская церковь (XVII–XVIII вв.) в селе Порженское (рис. 21, вклейка).

Перечисленные выше объекты, начиная с церкви Ризоположения, очевидно, представляют достаточно устойчивый вариант архитектурного решения. Одной из его отличительных особенностей является ступенчатое построение объемов, образуемое одинаковыми по форме покрытиями основного сруба и прямоугольного алтарного прируба.

Заметное отличие от этого решения мы видим в архитектуре Успенской (до 1893 г. Воскресенской) церкви (1675) в Усть-Паденье (рис. 10).⁵ Здесь клинчатое покрытие основного объема сочеталось с двумя одинаковыми бочками, покрывавшими западный и вос-

точный прирубы, причем последний из них был пятистенный. Введенская церковь в селе Осиново (1684 (1776?)) представляет единственный достоверно известный пример сдвоенного клинчатого покрытия (рис. 11).⁶ За счет более измельченных форм завершения высота покрытия здесь почти вдвое уменьшилась относительно основания, но уклон «клина» и его пропорциональное соотношение с полицами – примерно такое же, как и в предшествующих рассмотренных постройках. Аналогичное архитектурное решение реконструировано М.И. Мильчиком и Ю.С. Ушаковым по порядным записям на постройку Благовещенской церкви Троицкой волости (на Северной Двине) в 1637–1639 гг. Правда, в процессе строительства, как зафиксировано в документах, первоначальный замысел был изменен и от устройства завершения «на двое» отказались из-за

Рис. 9. Богоявленская церковь (1643) Елгомского погоста. Фотография начала XX в.

4. Марков Б.Г., Сацук Е.Ю., Степанова О.А. Графическая реконструкция погоста Задняя Дуброва // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей. Петрозаводск, 1985. С. 75-79.

5. Красовский М. Курс истории архитектуры. Вып. 1. Деревянное зодчество. Пг., 1916. С. 200-201.

6. Забело С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. Ил. 177-180.

Рис. 10. Успенская (до 1893 г. Воскресенская) церковь (1675) в селе Усть-Паденьга. Фотография начала XX в.

возможного промокания на стыке скатов⁷.

Большинство известных нам клетских церквей с клинчатыми с полицами покрытиями относится к XVII в. В следующем столетии, судя по известным объектам, подобные церкви строились значительно реже. Их архитектурные решения принципиально не изменились. Церковь в селе Лабакша Белозерского уезда (1703) отличается вытянутыми вверх пропорциями, впечатление от чего усиливается за счет повышенного основания.

Покрытие прямоугольного в плане

алтаря по форме повторяет покрытие основного сруба.⁸ Сретенская церковь Шалякушского прихода (1711) на старой фотографии запечатлена лишь фрагментом, по которому можно определить, что здание было покрыто клинчатым с полицами покрытием (возможно сдвоенным).⁹ XVIII столетием, видимо, можно датировать Никольскую церковь Пабережского прихода, которая в 1842 г., будучи уже обветшавшей, потребовала перестройки. Ее первоначальный облик прочитывается по чертежу XIX в.¹⁰ Очень архаична частослеговая конструкция покрытия, если, конечно, она достоверно изображена. По пропорциям основного объема храм в Пабережском близок к церквям в Порженском и в Задней Дуброве. Поэтому нельзя исключить ее датировку и XVII в.

В числе рассматриваемых объектов – Васильевская церковь в селе Чухчерьма. Сведения о ее постройке относятся к 1824 г., хотя исследователи склоняются к датировке памятника значительно более ранним вре-

7. Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура Русского Севера. Страницы истории. Л., 1981. С. 47-48.

8. Известия Императорской археологической комиссии. В. 50. СПб., 1913. С. 74.

9. Известия... В. 52. Пг., 1914. С. 166.

10. Макаров Н.А. Церковные приходы и монастыри Кенозерья и Среднего Поонежья. Архангельск, 2007. Ил. 66.

менем – XVII в.¹¹ Действительно, архитектурное решение церкви вплоть до деталей, таких как оконные и дверные проемы, полностью соответствует традициям XVII–XVIII вв. В 1824 г. Васильевская церковь была, по-видимому, реконструирована, может быть, перебрана, но трудно поверить, что она была в то время построена.

Еще одна известная нам постройка с клинчатыми с полицами покрытиями – опубликованная М.В. Красовским Никольская церковь без указания местоположения.¹² По архитектурному решению эта церковь более всего близка к рассмотренному выше храму села Лабакша. Можно даже подумать, что одна из них служила образцом для строительства другой.

Клинчатое покрытие алтарного прируба зафиксировано на Никольской церкви в Ковде конца XVI–XVII вв. Правда, здесь покрытие заметно пониженное, угол между скатами приближен к прямому, и полицы выражены настолько слабо, что при ремонтах перелом оказался скрытым под позднейшим слоем простой прямоскатной кровли. Сходным по очертаниям покрытием алтаря, только сомкнутым пятискатным, обладает церковь Андрея Первозванного (1702) на Заяцком острове.

Самую многочисленную типологическую группу рассматриваемых построек составляют часовни, особенно интересные тем, что по ним можно наиболее отчетливо проследить трансформации клинчатых покрытий, происходившие со временем. Ряд подобных часовен находится в районе верхнего течения Онеги. Датировки многих из них точно не известны и определены разными исследователями ориентировочно. К наиболее ранним постройкам относится Никольская часовня в селе Вершинино

Рис. 11. Введенская церковь
(1684 (1776 ?)) в селе Осиново.
Фотография начала XX в.

11. Красовский М. Указ. соч. С. 203; Забело С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. С. 78; Ополовников А.В. Сокровища Русского Севера. М., 1989. С. 172-174.

12. Красовский М. Указ. соч. С. 188.

Рис. 12. Никольская часовня (XVII – XVIII вв.) в селе Вершинино, Архангельская обл. Фотография И.Я. Билибина, начало XX в.

(XVII–XVIII вв.) (рис. 12), Духовская часовня в деревне Глазово (начало XIX в.) (рис. 20, вклейка), часовня в селе Конёво XVIII в. Это достаточно крупные сооружения, состоящие из основного сруба и притвора, с островерхими покрытиями по высоте приближенными к основанию. Форма их покрытий такая же, как и на рассмотренных выше церквях XVII – XVIII вв.

Часовня в деревне Луги¹³ и часовня Зосимы и Савватия в деревне Варварской (конец XVIII – начало XIX вв.) несколько меньше по величине, но островерхая форма клина роднит их с часовнями в Вершинино, Глазово, Конёво. Часовни, сохранившиеся в деревнях Авдотьино, Кириллово (рис. 13), Карель-

ском первой половины XIX в., а также часовня из деревни Мамонов остров XVIII в., перевезенная в музей «Малые Корелы», по архитектурному решению принципиально не отличаются от перечисленных выше, но обладают несколько

пониженными покрытиями. Они состоят только из одного сруба, окруженного с двух или трех сторон галереей. Полицы, увеличенные из-за устройства галереи, придают их покрытиям более распластаный силуэт. Кроме того, верхние скаты (собственно «клин») на этих часовнях образуют не столь острый угол. Такое же пониженное покрытие имела часовня Всех Святых в деревне Вахновская Ямецкого прихода.¹⁴ Две часовни с клинчатыми покрытиями известны в районе нижней Онеги: в деревне Клещевское 1732 г., имевшая в основании высокий четверик, окруженный галереей,¹⁵ и в деревне Остров XIX в., отличающаяся пониженным покрытием с увеличенными полицами¹⁶.

В бассейне Северной Двины подобных часовен зафиксировано значительно меньше. Среди них, наверное, самая ранняя – часовня в деревне Чарострово Шенкурского уезда, датируемая XVII в.¹⁷ Это доста-

13. Гнедовский Б.В. Русский Север. М., 1972. С. 279.

14. Макаров Н.А. Указ. соч. Ил. 73.

15. Известия... В. 26. Спб., 1908. С. 40.

16. Гунн Г.П. Каргопольский озерный край. М., 1984. С. 153.

17. Известия... В. 41 Спб., 1911. С. 216.

Рис. 13. Георгиевская часовня (начало XIX в.) в деревне Кириллово, Архангельская обл. Фотография автора

точно приземистая постройка с галереей и пристроенной звонницей. Часовня в деревне Алферовское Черевковского района, напротив, отличается высоким стройным покрытием при сравнительно низком основании¹⁸. Часовня в селе Ракулы по пропорциям напоминает чаростровскую часовню, но с еще более пониженным покрытием.

Еще три объекта сохранились на Пинеге. Часовни в деревнях Чушела и Березник близки друг к другу по островерхим силуэтам. Если время постройки первой ориентировочно XVIII – первая половина XIX в., то Вознесенская часовня в Березнике датируется началом XVIII в.¹⁹ Часовня Петра Митрополита в деревне Чешегора, датируемая также началом XVIII в. напоминает башенку, где высокое срубное основание контрастно сочетается с низким покрытием.²⁰

Имеется немало примеров использования клинчатых с полицами покрытий на соподчиненных объемах – главным образом на алтарных прирубках. Шатровые храмы с основанием в виде восьмерика на четверике и с

18. Забело С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. Ил. 188.

19. Мильчик М.И. По берегам Пинеги и Мезени. М., 1971. С. 60, 62.

20. Там же. С. 67-69.

Рис. 14. Никольская церковь (1638)
в деревне Малошуйка,
Архангельская обл. Фотография
С.М. Ивановского

Рис. 15. Воскресенская церковь
(1643) в селе Малая Немнюга.
Фотография начала XX в.

клинчатым покрытием алтаря встречаются в Поморье, например, Никольская церковь (1638) в деревне Малошуйка (рис. 14). На некоторых церквях подобным образом были покрыты два одинаковых прируба (рис. 15).

На распространении клинчатых с полицами покрытий в литературе по деревянному зодчеству внимание не заостряется вообще. Расположив объекты на географической карте, мы видим, что оно охватывает главным образом бассейны реки Онеги и Северной Двины. Наибольшее сосредоточение храмов с клинчатыми покрытиями наблюдается в районе верхнего течения Онеги. В бассейне Двины исследуемые постройки равномерно рассредоточены по берегам реки и ее основных притоков Ваги и Пинеги. В районе Онежского озера и в Посвирье, относящихся к бассейну Балтийского моря, не зафиксировано ни одного подобного примера.

Прослеживается некоторая закономерность в использовании клинчатых покрытий на различных частях зданий в зависимости от местоположения объектов. В южной части ареала композиционная роль рассматриваемого приема в архитектурном решении храмов значительнее, чем на севере. Это свидетельствует, что распространение клинчатых с полицами покрытий шло с юга на север и следовало двумя основными путями, ведущими из среднерусских областей к морю, – по Онеге и по Двине, причем по первому направлению оно проходило заметно интенсивнее.

Первое, что можно предположить – это то, что очагом распространения рассматриваемой традиции было Белоозеро, теснее связанное с Онегой, чем с Двиной. Однако, если было бы справедливо это предположение, то логично было бы ожидать распространение клинчатых покрытий и в южной части Онежского озера, откуда до Белоозера совсем недалеко. Кроме того, подобные формы можно встретить и весьма далеко от Белозерской земли, например, в Пермском крае. Примером тому известная по старинным фотографиям церковь в селе Монастырь, датируемая 1614 г.²¹, церкви Богородицкая из села Тохtareво (1694) и Преображенская из села Янидор (1702), перевезенные в Пермский областной архитектурно-этнографический музей «Хохловка». Также можно упомянуть часовню XVIII в. в деревне Вятчанино Соликамского района,²² церковь Серебринского рудника²³.

Поэтому наиболее правдоподобным представляется предположение, что клинчатые с полицами покрытия распространялись из центра к окраинам. Отсутствие объектов на северо-западных территориях и отчетливое следование их направлениям путей, ведущих из центра страны на север к морю, склоняет к мысли, что распространение этой традиции связано с периодом образования русского централизованного государства. Быстрое распространение клинчатых с полицами покрытий по Онеге могло происходить в XVI в., когда река играла важную роль в связях центральной России и Беломорья, чему свидетельствует активная соляная торговля, быстрый рост поонежских поселений²⁴.

Клинчатые с полицами покрытия, будучи распространены на северных и восточных окраинах европейской части России, в центре страны так и не зафиксированы. Неизвестными здесь они не могли быть, но, по-видимому, составляли традицию достаточно древнюю, исчезнувшую значительно раньше, чем на Севере.

В среднерусских землях известна группа клетских церквей, отличающаяся также подчеркнуто островерхими покрытиями. Среди них церкви Воскресенская из села Билуково (1699), Спасская из села Фоминское (1712), Спасо-Преображенская церковь из села Спас-Вежи (1713)²⁵,

21. Бубнов Е.Н. Русское деревянное зодчество Урала. М., 1988. С. 27.

22. Там же. С. 31.

23. Даль Л.В. Древние деревянные церкви в России // Зодчий. 1875. № 6. Лист 30.

24. Алферова Г.В. Каргополь и Каргополье. М., 1979. С. 16; Гемп. К.П. Каргополь. Архангельск, 1968. С. 25.

25. Кудряшов Е.В. О времени постройки церкви Спаса Преображения из села Спас-Вежи Костромской области // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Материалы и исследования. М., 1980. С. 100-102.

Георгиевская из села Егория (1719), Никольская из села Глотова (1766) (рис. 2, вклейка), Рождественская в селе Талицы (1768).²⁶ Расположенные на географической карте они образуют группу, тянущуюся от Москвы на северо-восток и охватывающую современные Ивановскую, частично Владимирскую и Костромскую области. По архитектурному решению основного объема все перечисленные постройки близки друг к другу. Сруб молитвенного помещения имеет слабо выраженный повал и высокое островерхое покрытие, венчающееся главкой на постаменте. Пятистенные алтари покрыты такими же высокими крышами на пять скатов. Исключение составляет церковь села Спас-Вежи, пятистенный алтарь которой посредством консолей переходит в прямоугольную верхнюю обвязку и покрыт на два ската. Кроме того, что различия между среднерусскими и северными церквями с клинчатыми покрытиями очень четки, по местоположению объекты нигде не перемешиваются друг с другом: ареалы их распространения отдельные.

Среднерусские церкви с клинчатыми покрытиями по архитектуре имеют много общего со всеми клетскими храмами центральных областей. Для них характерны пятистенные алтари с наружной отеской бревен и пятискатными покрытиями, сравнительно небольшие трапезные. Если мы сравним клетские церкви, например, Тверской области и Ивановской, то при одинаковой форме и компоновке объемов, покрытия первых оказываются достаточно невысокими, а покрытия последних, напротив, резко вытянуты вверх. Большинство среднерусских клетских церквей объединяет устройство постамента под главой, чего мы практически не наблюдаем на Севере. Среднерусские церкви с островерхими покрытиями производят впечатление локальной традиции, зафиксированной на протяжении конца XVII – первых двух третей XVIII в. Среди северорусских клетских церквей не известно ни одного примера прямого (без полиц) клинчатого покрытия.

В отличие от прямых островерхих покрытий клинчатые покрытия с полицами – традиция значительно большего масштаба, о чем говорит и ареал ее распространения, и хронологический разброс объектов (конец XV – XIX вв.). При внешнем сходстве клинчатые покрытия северных и среднерусских церквей представляют различные традиции, поскольку основным признаком первых является форма (клин с полицами), широко изменяющаяся по пропорциям, а основным признаком вторых – только

26. Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. Памятники шатрового типа. Памятники клетского типа и малые архитектурные формы. Памятники ярусного, кубоватого и многоглавого типа. М., 1986. С. 143-148.

пропорции. Тем не менее, в своих истоках они, несомненно, имели единые тенденции формообразования, выразившиеся в увеличении высоты покрытия. Что касается соотношений высот оснований и покрытий деревянных храмов в целом, В.П. Орфинским отмечалось, что высотность культовых построек достигалась двояко: путем повышения покрытия или основания. Первая тенденция свойственна северо-восточным районам, вторая – северо-западным²⁷.

Изменения в пропорциях самих клинчатых с полицами покрытий прослеживаются на различных частях построек. Покрытия основных срубов церквей XVII–XVIII вв., так же как и единственного известного объекта конца XV в., в общем одинаковы: в форме покрытия отчетливо преобладает вертикаль. Завершения прирубов как клетских, так и шатровых церквей заметно понижены. Причем на большинстве построек угол, образуемый скатами, остается прежним, меняется лишь размерное соотношение между верхней частью покрытия и полицами. Еще более низкие покрытия мы видим на некоторых часовнях.

На первый взгляд может показаться, что понижение покрытий и увеличение полиц свойственно поздним постройкам, что и подтверждается рядом часовен XIX в. (в деревнях Авдотьино, Карельское, Кириллово). Несомненно, эта тенденция имела место в период исчезновения рассматриваемых покрытий. С другой стороны, есть достаточно ранние примеры пониженных, словно распластанных двухскатных с полицами покрытий (церкви в Ковде, Шуерецком, Малой Немнюге, часовня в Чешегоре), которые свидетельствуют о существовании и таких решений наряду с наиболее распространенными высокими покрытиями. Заметим, что местоположение этих построек приходится на северные окраины ареала распространения клинчатых с полицами покрытий. Подобные трансформации могут объясняться удаленностью от очагов распространения традиции и соответственно ослаблением влияния образцов.

Место клинчатых покрытий в процессе развития русского деревянного зодчества в литературе практически не рассматривается. Единственное, что можно упомянуть, это предположение В.В. Суслова о том, что клинчатые с полицами покрытия были одной из форм, на основе которых образовались бочки.²⁸

27. Орфинский В.П. Отголоски храмостроительных традиций Древнего Новгорода на восточной периферии бывшей Новгородской земли (XVI – XIX вв.) // Православие в Карелии: материалы 2-й научной конференции, посвящённой 775-летию крещения карелов. Петрозаводск, 2003. С. 17-23.

28. Красовский М. Указ. соч. С. 201.

Свое происхождение клинчатые с полицами покрытия, понятно, ведут от простых двухскатных. Основной формообразующей тенденцией здесь является увеличение высоты покрытия, что характерно для северо-восточных районов, как мы отмечали выше. Появление полиц объясняется необходимостью отвода воды от сруба, когда при высоких покрытиях свесы кровли оказываются приближенными к стенам, этой же цели служат и повалы²⁹.

Заметим, что устройство полиц и крутых повалов сочетается в основном с достаточно высокими срубами, тогда как на невысоких срубах, например, в средней России даже при повышенных покрытиях полицы отсутствуют и повалы выражены слабо. Правда, нельзя сказать, что это сочетание строго закономерно, поскольку остаются примеры, ему не соответствующие. Кроме того, практически на всех рассматриваемых постройках выпуски бревен, поддерживающие кровлю на восточной и западной стенах, невелики, из-за чего самые высокие торцевые стены оставались открытыми и подверженными увлажнению осадками. На жилых домах и на церковных трапезных эти выпуски значительно больше. Поэтому нельзя однозначно сказать, что при устройстве клинчатых с полицами покрытий строители руководствовались лишь соображениями рациональности, хотя эффективный отвод дождевой воды от боковых стен, действительно являлся одним из практичных свойств этой формы.

На каменных церквях подобные покрытия встречаются очень редко, например, на алтарях западной надвратной церкви архиерейского комплекса в Ростове Великом, Благовещенской надвратной церкви Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале. Предположение о происхождении клинчатых с полицами покрытий деревянных церквей под влиянием каменного зодчества, наверное, неправдоподобно. Слишком различны формы покрытий с полицами в дереве и в камне, место в архитектурных решениях зданий, да и само назначение построек (жилые и культовые). Единственный известный пример использования двухскатного клинчатого с полицами покрытия в каменном зодчестве – алтарная часть Воскресенского собора (1544) Белозерского Горицкого монастыря.³⁰ Показательно, что эта постройка находится в Белозерской земле, где клинчатые с полицами покрытия известны наиболее давно.

Некое образное сходство с архитектурой каменных храмов можно увидеть в постановке клинчатых с полицами покрытий одного над другим, что наиболее отчетливо выражено в решении церкви Ризоположения. Прием устройства ступенчатой системы закомар характерен для ранне-

29. Там же. С. 188.

30. Подъяпольский С.С. Собор Белозерского Горицкого монастыря // Древнерусское искусство. Русский Север. М., 1989. С. 334-339.

московского зодчества, с периодом развития которого мы и сопоставляем распространение клинчатых с полицами покрытий.

Итак, размышляя о происхождении клинчатых с полицами покрытий, мы видим, что на этот вопрос не дают исчерпывающие ответы ни стремление к практическим усовершенствованиям, ни влияние решений, выработанных в каменном зодчестве, хотя эти факторы, несомненно, в какой-то мере имели место.

Сочетание клинчатых с полицами покрытий с выразительным повалом закономерно и представляет собой устойчивую композицию. Этот тип покрытия применялся только на храмах. Нам не известно ни одного примера его использования на жилых постройках или даже на церковных трапезных. Отсюда очевидно символическое значение этой формы, служившей в архитектуре храма выделению главного, священного. Использование клинчатых с полицами покрытий и на основном храмовом объеме, и на алтаре, несомненно, означало усиление сакральной значимости сооружения.

Не найдя удовлетворительного объяснения происхождению клинчатых с полицами покрытий, попытаемся ориентировочно определить их место в общем ходе развития русской архитектуры. В раннемосковском каменном зодчестве отчетливо присутствует стремление композиционно усилить и повисить завершающую часть здания, но эта тенденция еще не развилась в полной мере, выразившись позже в устройстве высоких шатровых покрытий. Так же и в форме клинчатого с полицами покрытия видится некая промежуточная стадия в развитии высотных архитектурных решений. Начальный этап этого процесса отражает покрытие алтаря церкви Ризоположения, имеющее небольшую верхнюю часть. К примерам, где тенденция к увеличению высоты покрытия получила наибольшее выражение, можно отнести церковь Елгомского погоста, и, наконец, предельно возможной для двухскатного покрытия высоты достигает завершение церкви из села Билуково.

Таким образом, мы предполагаем, что широкое использование клинчатых с полицами покрытий в деревянном культовом зодчестве Севера связано с периодом становления русского централизованного государства и распространением московских влияний. Эти формы нашли наибольшее укоренение по направлениям основных торговых путей, связывавших центральные земли страны с северными окраинами. В более позднее время, когда изменилось значение Севера в экономической жизни государства и торговые связи утратили былую активность, традиции, распространившиеся в древности, продолжали еще долго существовать наряду с позднейшими архитектурными приемами и формами.

КЛЕТСКИЕ ЦЕРКВИ С ПОКРЫТИЕМ ОСНОВНОГО ОБЪЕМА БОЧКОЙ

Двухскатное покрытие с выпуклыми криволинейными очертаниями и килевидным завершением, называемое бочкой, – одна из самых выразительных и самобытных форм в русском зодчестве. Использование бочки в качестве покрытия основного объема клетских церквей встречается довольно редко. Это было отмечено еще М.В. Красовским, который в своей фундаментальной работе по русскому деревянному зодчеству представил церкви, покрытые бочкой, лишь одним памятником. Сравнительно чаще, как пишет исследователь, крыши бочкой применялись для покрытия прирубов³¹. Действительно, бочки были наиболее часто используемой формой покрытия алтарей деревянных храмов.

Наиболее ранний известный пример покрытия бочкой основного объема – Благовещенская церковь Троицкой волости на Северной Двине (1637–1639). Архитектурное решение этой церкви реконструировано

31. Красовский М. Курс истории архитектуры. Вып. 1. Деревянное зодчество. Пг., 1916. С. 199-200.

по порядным записям на ее строительство.³² Это была прямоугольная в основании постройка, по-видимому, объединявшая в одном срубе молитвенное помещение и алтарь, к которой примыкала трапезная. Покрытие основного объема, согласно порядной, первоначально было задумано «на двое», т.е. сдвоенным островерхим. Пример подобного решения – расположенная сравнительно недалеко Введенская церковь в селе Осиново (1684 (1776?)).³³ Но в процессе строительства замысел заказчиков изменился, и в итоге решили «верх свести бочкою... оную срубить во всю церковь на восток».³⁴ Из последнего уточнения следует, что покрытие бочкой могло иметь и иное устройство: не во всю церковь и не по продольному направлению. Самой необычной особенностью завершения Благовещенской церкви была постройка двух глав по сторонам конька на скатах бочки.

Казанская церковь-часовня (1679) Илимского острога, ныне перевезенная в музей под открытым небом «Тальцы» близ Иркутска (рис. 22, вклейка), – памятник широко известный, запоминающийся в силу своего оригинального внешнего вида, но обойденный вниманием во многих изданиях по деревянному зодчеству. В плане постройка представляет собой компактный прямоугольный объем, в котором располагается молитвенное помещение и небольшие сени. Над его восточной половиной, но не над всем молитвенным помещением, находится повышенная часть сруба, завершенная повалом и бочкой с главой.

Обращает на себя внимание одна интересная деталь в устройстве покрытия Казанской церкви. Торцевые стены бочки немного заглублены относительно стен нижележащего сруба так, что под свесами ее покрытия образуются ниши. Отметим сразу, что другие рассматриваемые объекты этой особенностью не обладают. Такое решение напоминает пустотелые бочки, иногда ставившиеся над крыльцами. Примерами тому – покрытие верхней площадки крыльца царского дворца в Коломенском (1667–1668),³⁵ Никольской церкви в Малошуйке (1638).³⁶ Возможно, подобных примеров было больше, но подлинных крылец на памятниках XVII – XVIII вв. нам известно немного, поскольку эти наименее капитальные части здания подвергались перестройкам или оказывались вовсе утраченными. О распространенно-

32. Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура Русского Севера. Страницы истории. Л., 1981. С. 46-50.

33. Забело С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942. Ил. 177-180.

34. Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Указ. соч. С. 48.

35. Забело С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. Ил. 454.

36. Там же. Ил. 252.

сти пустотелых бочек не только в деревянном, но и в каменном зодчестве свидетельствует использование этой формы в архитектурном решении Благовещенской церкви (1675–1677) в селе Тайнинском под Москвой.

Внутри бочки помещалась икона, как это видно, на фотографии церкви в Малошуйке. Возможно, заглубленная стена или внутренняя поверхность бочки покрывалась росписью. Кроме того, пустотелые бочки, несомненно, имели и символическое значение, соответствующее их ключевому положению в структуре храма – входу в здание. Форма бочки по очертаниям близка к церковной главе, а образуемая ею внутренняя поверхность напоминает образ небесного свода. Подобные подшивные своды цилиндрических или бочкообразных очертаний, расписанных звездами по синему фону, мы часто находим в декоративном убранстве фасадов крестьянских домов.

Во всяком случае, сейчас для нас важно уяснить, что ниши на торцах бочек Казанской церкви являются исключением в ряду рассматриваемых архитектурных решений и, по-видимому, связаны с традицией устройства элементов входа в храм и навесов-укрытий над иконами или росписями.

Покрытая бочкой церковь была в Челмогорской обители под Каргополем. Этот объект выявлен и атрибутирован Л.Г. Шаповаловой. Церковь запечатлена на иконе св. Кирилла Челмогорского, датируемой XIX в. Но, поскольку, в XIX в. монастырские постройки были уже каменными, икона, видимо, списана с более раннего образца. Стены церкви на иконе показаны побеленными, как будто это каменное здание, но сами ее формы убедительно свидетельствуют, что перед нами деревянная постройка. Бочками покрыт основной четверик и прямоугольный в плане алтарь. Существование этой церкви подтверждается старой фотографией с видом Кирилло-Челмогорского монастыря. По историческим источникам выявлено, что это была Успенская церковь, построенная вскоре после 1673 г.³⁷ Примечательно, что изображенная на иконе церковь в общих чертах похожа на ту, что зафиксирована на фотографии. Здание небольшое, одноэтажное, основной четверик двухсветный, с западной стороны примыкает равная ему по ширине трапезная.

Еще одна постройка с покрытием бочкой, относящаяся к XVII в., – Преображенская церковь Ольховского погоста, датируемая 1690 г. (рис. 16). Она была в составе храмового комплекса, включавшего также кубоватую Покровскую церковь (1758) и колокольню.³⁸ Преображенская церковь

37. Шаповалова Л.Г. Каргопольские храмы с бочечным завершением // Историко-культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения, сохранения, использования. Каргополь, 2006. С. 208-209.

38. Забело С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. Ил. 325.

была теплой, т.е. отапливаемой. Основной четверик имел трапезную и небольшой пятистенный алтарь с пологим прямоскатным покрытием. Молитвенное помещение и алтарь по ширине были равны. По выпускам бревен, выступающих над плоскостью обшивки, похоже, что стены между ними не было. Есть упоминание, что обе церкви соединялись переходом, правда, как он располагался, мы не знаем.³⁹

Рис. 16. Преображенская церковь (1690)

Ольховского погоста. Фотография начала XX в.

По пропорциям покрытия Преображенская церковь отличается от храмов Илимского острога и Челмогорской обители. Оно заметно крупнее по отношению к четвериковому основанию. Кроме того, если на илимской церкви мы отметили заглубленные торцы бочек и соответственно увеличенный свес, то на Преображенской церкви свес над торцевыми стенами бочек совсем мал. Такие же небольшие свесы мы наблюдали на церквях с клинчатыми с полицами покрытиями. Здесь тоже торцевые стены, имевшие наиболее выразительные завершения, словно специально оставлены открытыми. В дальнейшем, как мы увидим, подобных примеров будет немало.

Ансамбль Елгомского погоста состоял из Богоявленской церкви (1643), рассматривавшейся в предшествующем разделе, колокольни (XVII–XIX вв.) и Троицкой церкви (1714) (рис. 17). Последняя известна по обмерам и фотографиям Д.В. Милева.⁴⁰ Постройка отличается несколько необычным решением. Молитвенное помещение и алтарь не разделены бревенчатой стеной и находятся в одном срубе, так же как и в Преображенской церкви Ольховского погоста. Восточная стена имеет сложную конфигурацию, соответствующую двум престолом. Алтарная часть и возвышающийся над молитвенным помещением четверик покрыты двумя массивными бочками. Под стать им и единственная крупная главка. Трапезная, по ширине несколько превосходящая основной объем, имеет ин-

39. Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 55. Пг., 1914. С. 100.

40. Забело С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. Ил. 173-175.

Рис. 17. Троицкая церковь
(1714) Елгомского погоста.
Фотография начала XX в.

тересную особенность – один столб, стоявший посередине и подпиравший перекрытие вместо привычных двух. И.Н. Шургин связывает этот прием с традициями строительства монастырских трапезных.⁴¹

Следующий близкий по времени строительства объект – Благовещенская церковь (1719) в деревне Пустынька в среднем течении Онеги (рис. 24, вклейка). Здесь у Емецкого (Ямецкого) волока существовала пустынь, впервые упоминаемая в XVI в.⁴² Церковь строилась как монастырская, но позже, после упразднения обители, была обращена в приходскую. По величине она заметно выделяется среди рассмотренных выше храмов. Здание двухэтажное: нижний храм Бла-

говещенский, верхний – Вознесенский, освященный позже в 1725 г. К высокому основному срубу примыкает пятистенный алтарь и трапезная. Последняя по ширине равна молитвенному помещению, об-

разуя с ним единый монолитный объем. Завершающие здание бочки частично сохранили старую кровлю коротким гонтом, напоминающим лемех. Сейчас стены церкви покрыты позднейшей обшивкой, глава утрачена. Благовещенская церковь уникальна тем, что это единственная постройка, где покрытие бочкой сохранилось в подлинном виде.

Следующий рассматриваемый объект – одна из церквей Почозерского погоста, ансамбль которого включает три компактно стоящие сооружения, соединенные переходами. Доминирующей постройкой комплекса является шатровая церковь Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня. С юго-западной стороны к ней примыкает небольшая покрытая бочкой Иоанно-Предтеченская церковь, в связи с которой по продольной оси стоит колокольня (рис. 23, вклейка).

В некоторых работах мы встречаем датировку почозерских храмов 1700 г.⁴³ Согласно данным письменных источников, уточненным Е.Б. Заручевской,

41. Шургин И.Н. Исчезающее наследие. М., 2006. С. 34-35.

42. Гунн Г.П. Каргопольский озерный край. М., 1984. С. 129-130.

43. Известия... Вып. 57. Пг., 1915. С. 176; Гунн Г.П. Каргополье – Онега. М., 1989. С. 110-111.

церковь Происхождения Честных Древ была построена в 1783 г. вместо обветшавшего шатрового храма XVII в. и перестроена в 1883 г. без больших изменений ее архитектурного облика. Предтеченская церковь была освящена в 1880 г.⁴⁴

Предтеченская церковь обладает простой и наиболее распространенной среди клетских церквей компоновкой срубов. Алтарь, молитвенное помещение и трапезная образуют ряд последовательно увеличивающихся четвериков. В этой постройке подлинными являются только срубные основания, а покрытия бочками воссозданы в результате недавней реставрации. Облик памятника с еще не разрушившимися бочками зафиксирован на фотографии И.Я. Билибина начала XX в. (рис. 18).⁴⁵

Архитектурное решение Предтеченской церкви заставляет полагать, что выявленная по документам дата освящения фиксирует, скорее всего, не новое строительство, а перестройку существовавшей ранее церкви. Во второй половине XIX в. в церковном строительстве традиционные для деревянного зодчества формы, такие как бочки, уже практически не использовались, тем более для покрытия крупных объемов. Архитектура Предтеченской церкви полностью соответствуют традициям деревянного зодчества. При сопоставлении с известными в Поонежье аналогами она может быть датирована XVIII в.

Еще одна подобная церковь была в Спасозерской пустыни, расположенной на одноименном озере недалеко от Елгомского погоста

Рис. 18. Храмовый комплекс Почозерского погоста (деревня Филипповская). Церковь Усекновения Главы Иоанна Предтечи XVIII–XIX вв. (слева). Фотография И.Я. Билибина, начало XX в.

44. Бодэ А.Б. Храмовое зодчество Кенозерского края // Небеса и окрестности Кенозерья. Расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка Кенозерский. М., 2009. С. 68-69.

45. Известия... Вып. 57. Пг., 1915. С. 176.

Рис. 19. Церковь (XVIII (?) в.)
в Спасозерской пустыни.
Фотография начала XX в.

(рис. 19). Церковь запечатлена на фотографии начала XX в.⁴⁶ Алтарь, молитвенное помещение и небольшая трапезная имели равную ширину, т.е. в плане здание представляло собой вытянутый прямоугольник. Над западной частью возвышалась шатровая звонница. Бочками были покрыты молитвенное помещение и алтарь. Торцевые стороны бочек на спасозерской церкви, так же как и на храмах в Елгомском погосте и Пустыньке, почти не имели свесов кровли.

Церковь завершалась единственной главой, основание которой было декорировано двумя кокошниками, ориентированными по поперечной оси. Подобные кокошники имели широкое распространение в последней трети XVII в. на кубоватых церквях, строившихся в то время преимущественно в районе нижней Онеги. Последняя по времени кубоватая постройка, где был ис-

пользован этот архитектурный прием, – Троицкая церковь (1727) в селе Подпорожье.⁴⁷ Хронологический ареал распространения кокошников в основании глав на поонежских церквях позволяет приблизить предполагаемое время постройки спасозерской церкви к началу XVIII в.

Нельзя не упомянуть часовню в деревне Нижние Маркомусы, которая была расположена на берегу Онеги недалеко от Пустыньки (рис. 20). Это была небольшая приземистая постройка, состоящая из одного сруба, покрытого крупной бочкой. По старой фотографии видно, что свес кровли над торцом бочки совсем невелик – западная стена почти плоская. С трех сторон сруб огибает галерея с маленькой звонницей, видимо, надстроенной позднее. Часовня датируется XVIII в.⁴⁸ Также покрытие бочкой имела Преображенская часовня в деревне Сулецкой на Пинеге.

Список известных храмов с покрытием основного сруба бочкой этим практически исчерпывается, но перед нами предстает огромное число церквей, где бочками покрыты прирубы, главным образом алтари. Среди них и восьмигранные и четвериковые в основании храмы. Объекты различаются по количеству прирубов и по их форме.

46. Известия... Вып. 52. СПб., 1914. С. 16.

47. Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. Л., 1982. С. 119.

48. Забело С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. Ил. 189.

По очертаниям большинство бочек между собой схожи, различаясь более или менее выпуклыми боками, остротой килевидного завершения. Выделяются вытянутые вверх бочки Введенской церкви в Суре, по очертаниям напоминающие шлем бочки Владимирской церкви (1642) в Белой Слуде,⁴⁹ бочки с сильно вытянутым килевидным завершением Сретенской церкви (1688) в Заостровье (рис. 13, вклейка).

Рис. 20. Часовня (XVIII в.) в деревне Нижние Маркомусы. Фотография начала XX в.

Бочки имеют рубленую конструкцию, но, так же как и другие формы коньковых покрытий, различаются по частоте слег, врубаемых в торцевую стену. Пластичные очертания скатов бочек не позволяют врубить слег редко (через 2–3 венца), как это нередко делается на прямоскатных покрытиях. На бочках мы наблюдаем два варианта врубок слег: в каждый венец и через один. На древнейших постройках слег врубаются в каждый венец (Ильинская церковь (1600) в Усть-Вые),⁵⁰ на более поздних – через один венец (Успенская (1774) в Кондопоге).

Устройство пятистенных алтарных прирубов несколько изменило структуру покрытия, которое теперь должно было представлять собой половину сомкнутой центрической формы. Однако пятистенные алтари многих церквей, например, Флора и Лавра (1755) в Ростовском,⁵¹ продолжали покрываться бочками, установленными на верхнюю обвязку, углы которой опирались на консоли. При этом сама бочка по ширине обычно сокращалась, а длина ее по-прежнему достигала восточной стены алтаря.

Пятигранные покрытия предполагали постановку относительно небольшой бочки, которая по сравнению с бочками прямоугольных прирубов, сокращалась по длине и по ширине (Воскресенская церковь (1712)

49. Там же. Ил. 201, 202.

50. Там же. Ил. 198.

51. Там же. Ил. 245.

Рис. 21. Никольская церковь (1748) в деревне Едома, Архангельская обл. Фотография А.С. Панкратова

в Кевроле,⁵² Петропавловская (XVII–XVIII вв.) в Вирме). Иногда бочка уменьшалась настолько, что становилась похожей на декоративный кокошник. Таковы бочки на алтарях церквей Дмитрия Солунского (1784) в Верхней Уфтюге, Никольской (1748) в деревне Едома (рис.

21). На алтарях некоторых построек бочка трансформировалась в

половину восьмигранной луковицы, что можно видеть на примере Васильевской церкви (XVII–XIX вв.) в Чухчерьме, Никольской церкви (1727) в Ратонаволоке.⁵³

Обращает на себя внимание покрытие алтаря придела Дмитриевской церкви (1685) в селе Челмохта.⁵⁴ Сама церковь представляет собой высокий четверик, завершенный шатром на крещатой бочке. К нему примыкает пятистенный алтарь, над полицами которого установлена достаточно крупная бочка. Алтарь северного придела поставлен рядом с алтарем основного храма и в точности повторяет его формы с тем отличием, что завершается главой. Таким образом, бочка алтаря придела, возвышаясь отдельно, выглядит как самостоятельная форма.

Нередко единой бочкой покрывались сдвоенные пятистенные алтари. При этом бочки различаются по величине. Например, на онежских церквях, таких как Никольская (1678) в деревне Бережная Дубрава, Троицкая (1714) Елгомского погоста, бочки отличаются очень большими размерами. Бочка Троицкой церкви (1724) в селе Пабережское⁵⁵ еще более велика. Она объединяет основной алтарь и придельный. Не исключено, что эта форма покрытия не первоначальная, но появилась в результате реконструкции – пристройки северного придела. На аналогичных по

52. Там же. Ил. 297.

53. Известия... Вып. 41. СПб., 1911. С. 161.

54. Там же. С. 177–178.

55. Там же. С. 108.

структуре алтарей церквей в верховьях реки Кокшеньги (бассейн Северной Двины) бочки делались небольшими, по величине они уступали полам. Примером тому Георгиевская церковь (1700) из деревни Поча, воссозданная в музее «Семеново» под Вологдой.

Более сложную форму покрытия смежных алтарей представляют так называемые трехлопастные бочки, которые объединяли два или три алтарных прируба. Трехлопастные бочки можно увидеть на церквях Владимирской (1757) в селе Подпорожье и Преображенской (1786) в селе Турчасово. Торцевая сторона бочки здесь образует гладкую плоскость. Однако внутри трехлопастные бочки имеют перерубы, которые в сечении образуют очертания трех небольших бочек над каждым алтарным прирубом. Выпуски этих бревен, несомненно, выступали на восточной стене. Таким образом, трехлопастные бочки подпорожской и турчасовской церквей представляли собой сложные композиции из трех бочек, выстроенных торцами в одной плоскости и объединенных сверху четвертой.

Особую группу построек составляют храмы, где простая двухскатная кровля сочетается с небольшой каркасной бочкой, установленной над коньком. Подобные бочки мы видим на двух часовнях, изображенных на старинном плане Выгорецкого Данилова монастыря.⁵⁶ Такая же бочка возвышалась и над коньком покрытия монастырских ворот, зафиксированных на фотографии начала XX в.⁵⁷ По историческим фотографиям также известны часовни в деревнях Березки,⁵⁸ Габсельга,⁵⁹ Широкие Поля.⁶⁰ Отличительной особенностью этих построек было то, что бочки, так же как и на изображениях Выгорецких часовен, располагались не над всей длиной охлупня, а только над его средней частью. Аналогичная бочка над кровлей Ильинской церкви (первоначально часовни) (XVIII в.) в деревне Поля Медвежьегорского района не является подлинной, но восстановленной по следам в процессе реставрации (рис. 25, вклейка).

Кроме того, есть примеры устройства подобных бочек над коньками двухскатных покрытий алтарей, но здесь бочки располагались над всей длиной конька. Впервые этот элемент мы встречаем над алтарем Георгиевской церкви (1650) в селе Песчаное.⁶¹ Здесь покрытие отличается крутизной скатов, а миниатюрная бочка – особым изяществом. Церковь утрачена, поэтому достоверно мы не знаем конструкции ее покры-

56. Известия... Вып. 57. Пг., 1915. С. 168.

57. Забело С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. С. 37.

58. Там же. Ил. 2.

59. Известия... Вып. 57. Пг., 1915. С. 169.

60. Мильчик М.И. Заонежье на старых фотографиях. Спб., 2001. С. 123.

61. Известия... Вып. 57. Пг., 1915. С. 175.

Рис. 22. Петропавловская церковь (XVI–XVIII вв.) в селе Чёлмужи, Карелия. Фотография П.В. Степанова

тия. Не исключено, что бочка была рубленой, а не каркасной, как на более поздних постройках. Каркасные бочки над коньками алтарей сохранились на двух памятниках. Это Петропавловская церковь (XVI–XVIII вв.) в селе Чёлмужи (рис. 22) и Ильинская церковь (1798) Ильинско-Водлозерского погоста. По сути, они представляют собой декоративную надстройку над простым двухскатным покрытием.

Все рассмотренные храмы можно подразделить на те, где бочка составляет все покрытие, и те, где бочка является его частью. В первом случае бочка является доминирующей композиционно наиболее значимой формой, во втором – деталью, частью. Первая группа включает небольшой ряд церквей, две часовни и очень большое число храмов, где бочками покрыты прирубы. Вторая группа подразделяется на храмы с продольными бочками, которые располагались также над основным объемом церквей, часовен или алтарных прирубов, и храмы с поперечными бочками, покоящимися на ярусе-постаменте, которые устраивались только над срубом молитвенного помещения. Сравнивая продольные и поперечные бочки, можно отметить, что композиционная значимость последних, в силу того, что они приподняты на постамент, безусловно, больше.

Церкви и часовни, покрытые бочками, будучи расположенные на географической карте, образуют группу, охватывающую верхнее течение Онеги и растягивающуюся на северо-восток через среднюю Двину к Пинеге. Часовни находятся на северной окраине ареала.

Продольные каркасные бочки над коньками, зафиксированные нами на нескольких часовнях и алтарных прирубках церквей, характерны для северо-восточного Прионежья. Этот прием распространился в Заонежье, отделенном от северо-восточного берега Онежского озера заливом Малое Онего. Здесь известно три часовни с бочками вдоль конька. В отличие от покрытий обычными бочками и поперечно ориентированными бочками, аналоги которых мы находим в Сибири, продольные каркасные бочки, кроме как в северо-восточном Прионежье нигде более не встречаются. Похоже, что это, действительно, местная особенность, развившаяся на основе соединения простого двухскатного покрытия и бочки и получившая распространение на относительно небольшой территории.

Покрытия бочкой алтарей, на первый взгляд, представляются распространенными повсеместно, но при более внимательном рассмотрении этот прием оказывается преобладающим на всей территории Русского Севера за исключением западных окраин. Бочки возвышаются над алтарями подавляющего большинства северодвинских, поморских и поонежских храмов. В районе Онежского озера бочки встречаются наряду с простыми прямоскатными и каскадными покрытиями. Дальше на запад – в Посвирье и Приладожье покрытия бочкой отсутствуют вообще. Такую картину мы видим на примере покрытий прямоугольных алтарей.

Распространение бочек на стадильно более поздних пятистенных алтарях несколько шире. Оно охватывает также всю центральную и восточную части Русского Севера, но, кроме того, – Обонежье. В Посвирье и Приладожье бочек мы по-прежнему не находим. Правда, на примерах покрытий пятистенных алтарей в среднерусских областях отчетливо заметно исчезновение традиционных для деревянного зодчества бочек и преобладание простых пятискатных сомкнутых покрытий.

Рассматривая хронологические ареалы распространения бочек, мы не располагаем древними объектами. Постройки с покрытием бочкой прирубов конца XVI в. на Двине и Пинеге свидетельствуют о том, что этот прием тогда был уже достаточно широко известен. В первой трети XVII в. мы имеем самые ранние свидетельства о том, что бочкой могли покрывать и основной храмовый сруб. Наиболее активный период строительства церквей с покрытием основного объема бочкой приходится на конец XVII – начало XVIII в., правда, как мы видим, на ограниченной территории.

Продольно ориентированные бочки над коньками двухскатных крыш, представленные самым ранним примером середины XVII в. (церковь в Песчаном), в течение всего XVIII в. широко используются в архитектуре часовен и церквей северо-восточного Прионежья. Судя по местоположению объектов, распространение шло в северо-западном направлении.

На примерах покрытия прирубов в Обонежье в течение XVII–XVIII вв. мы наблюдаем более частое применение бочек. Особенно много подобных решений в XVIII в. появляется в Заонежье. Одними из первых построек, в архитектурном решении которых эта форма использована во всей полноте, являются Покровская церковь (1708) Вытегорского погоста, Троицкая церковь (1712) Климецкого монастыря, Преображенская (1714) Кижского погоста (рис. 44, вклейка). Местоположение и время постройки этих объектов отчетливо фиксирует расширение ареала распространения бочек на северо-запад.

Что касается самих форм бочек, то в числе наиболее ранних объектов мы видим такие, где бочки имеют шлемовидные очертания (церкви в Усть-Вые, Белой Слуде). В XVII - начале XVIII в. наиболее крупные бочки встречаются на постройках Онеги и Двины. Со временем происходит измельчение бочек, что особенно хорошо заметно на примере покрытий пятистенных алтарей. Сохранение крупного масштаба бочек и даже их увеличение путем формирования трехлопастных бочек отмечается в Поонежье вплоть до конца XVIII в.

По характеру распространения бочки похожи на клинчатые с полицами покрытия. Они также однозначно преобладают на северорусских территориях, связанных в XVI–XVII вв. оживленными торговыми путями с центром страны, т.е. это формы, распространение которых можно связывать с периодом сложения и существования русского централизованного государства. Северо-западным территориям в целом бочки не свойственны. Особенно четко это проявляется в XVII в. В следующем столетии в Обонежье бочки становятся уже самой распространенной формой покрытия алтарных прирубов.

В пределах выявленного ареала применение бочек в архитектурных решениях деревянных храмов не одинаково. Территорией, где бочки нашли наиболее широкое применение, является Поонежье. О популярности бочек в зодчестве Поонежья свидетельствуют два уникальных примера использования этой формы в архитектуре каменных церквей. Первая из них – Рождества Иоанна Предтечи (1751) (рис. 23). Покрытие алтарной части храма выполнено в виде трех бочек. Другой пример – церковь Сошествия Святого Духа (1772), построенная на месте Святодуховского мо-

настыря, упраздненного еще в XVII в. Покрытие ее алтарной части также состоит из трех бочек.

Связь бочек с решениями, характерными для каменного зодчества, и их происхождение от позакомарных покрытий сомнения не вызывает. Бочка, по сути, повторяет форму цилиндрического свода с заостренным вверх ребром для предохранения от промокания.⁶²

Рис. 23. Покрытие алтаря церкви Рождества Иоанна Предтечи (1751) в Каргополе. Фотография автора

Подобные покрытия известны в каменном зодчестве домонгольского времени. Предполагается, что килевидный верх имели трехлопастные покрытия притворов церкви Спаса на Берестове, покрытия закомар собора Бельчицкого монастыря.⁶³ В XII – первой трети XIII вв. этот прием не имел широкого распространения. Например, закомары сохранившихся храмов Владимиро-Суздальского княжества килевидных завершений не имеют. Единственное место, где мы их находим, это притвор Георгиевского собора в Юрьеве Польском. Притвор близкого по времени строительства Рождественского собора в Суздале имеет цилиндрическое покрытие.

Позакомарные покрытия с заостренным верхом нашли наиболее широкое применение в раннемосковском зодчестве. Килевидные завершения присутствуют на всех раннемосковских постройках начала XV в. и составляют их яркую характерную особенность (Спасский собор Андроникова монастыря, Троицкий собор Троице-Сергиевого монастыря, собор Саввино-Сторожевского монастыря и др.).

Появление килевидного верха на цилиндрическом своде легко поддается логическому объяснению. При деревянном покрытии это место, будучи приближено к горизонтальной плоскости, наиболее подвержено промоканию. Упадок каменного строительства и преобладание деревянного, что имело место в период татаро-монгольского владычества, способствовали укоренению приемов, свойственных дереву. Велика ве-

62. Красовский М. Указ. соч. С. 93, 201.

63. Раппапорт П.А. Древнерусская архитектура. СПб., 1993. С. 47, 63.

роятность, что именно эти обстоятельства повлияли на распространение килевидных завершений в раннемосковском зодчестве.

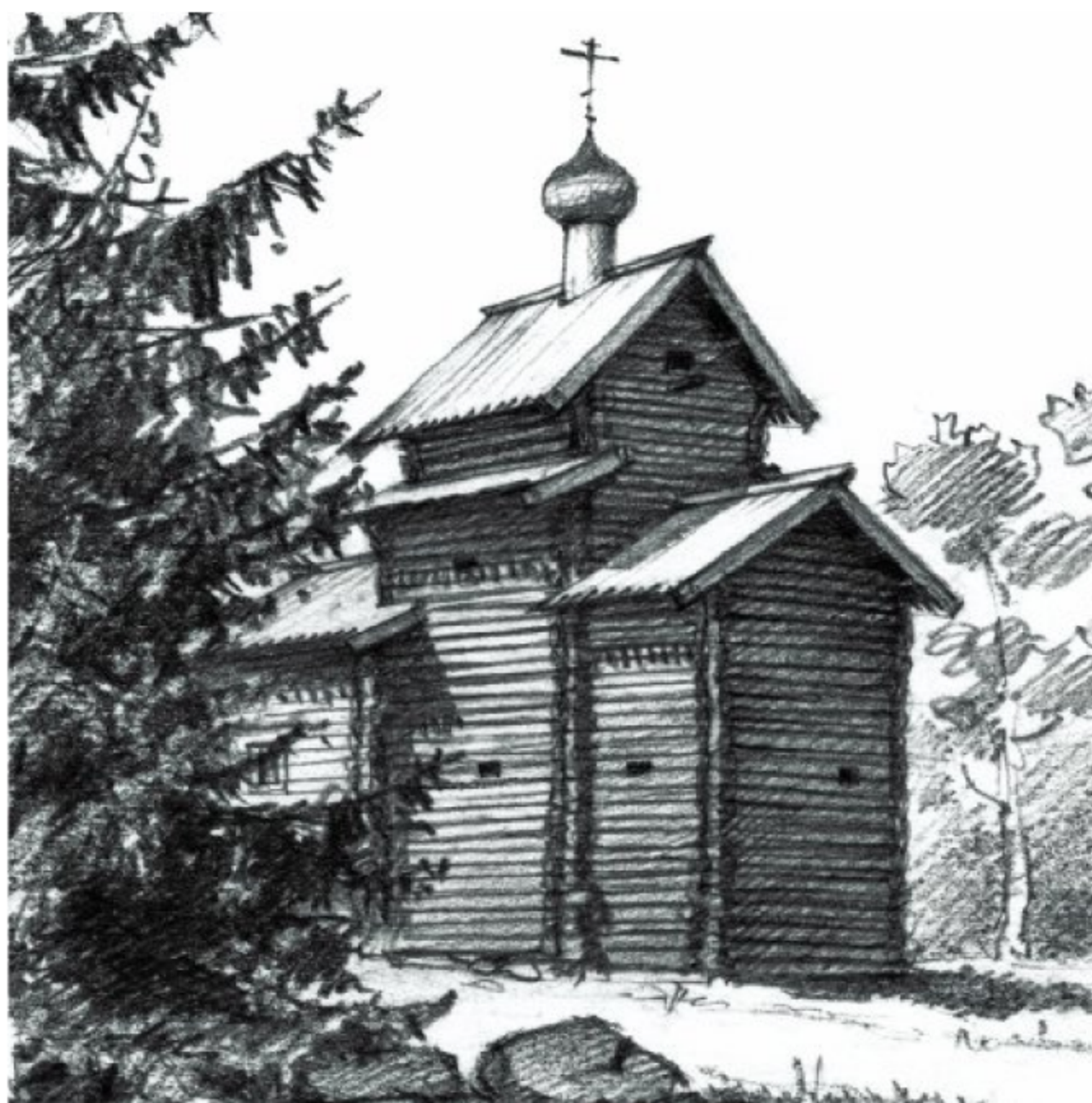
Очертания бочки сродни церковной луковичной главе. Увеличение выпуклости церковных глав (преобразование шлемовидной формы в луковичную) в русском зодчестве также связано с объединением разрозненных земель вокруг Москвы. Возможно, в деревянном зодчестве это произошло и раньше, но в силу отсутствия древнейших деревянных построек, вопрос остается открытым.

Распространение бочек в зодчестве Поонежья представляется закономерным. В период становления русского государства под властью Москвы каменное строительство продвинулось на север именно по направлению, ведущему к Онеге. Каменные храмы с присущими им особенностями раннемосковского зодчества строятся в Ферапонтовом и Кирилло-Белозерском монастырях. Белозерская земля находится в непосредственной близости от верховьев Онеги. В дальнейшем с 1540-х гг. Каргополь переживает самый активный период в своей экономической жизни, связанный с торговлей поморской солью.⁶⁴ Объем ежегодно взвешиваемой здесь соли достигал пятисот тысяч пудов.⁶⁵ С 1550-х гг. начинается бурный расцвет Соловецкого монастыря, который входит в число крупнейших в России и становится основным землевладельцем в западной (внутренней) части Беломорья. Оживленные торговые связи не могли не способствовать быстрому проникновению на север культурных традиций. В Каргополе, стоящем у истока Онеги, в середине XVI в. возводится монументальный шестистолпный собор Рождества Христова, построенный несколько раньше, чем Благовещенский собор в Сольвычегодске.

После присоединения северорусских земель – бывших новгородских владений – к Москве в Поонежье сложились все условия для распространения и укоренения традиций, пришедших из центральной России. Об этом мощном импульсе свидетельствует развитие деревянного зодчества края в XVII–XVIII вв. Все архитектурные формы, характерные для Поонежья, – трехлопастные бочки, кубы, кокошники, которые мы будем рассматривать чуть позже, образовались на основе бочки.

64. Алферова Г.В. Каргополь и Каргополье. М., 1979. С. 16.

65. Гемп К.П. Каргополь. Архангельск, 1968. С. 25.

КЛЕТСКИЕ ЦЕРКВИ С КАСКАДНЫМИ ПОКРЫТИЯМИ

Каскадные или, как их еще называли, ступенчатые, уступчатые покрытия использовались на основных срубах клетских церквей и часовен или на соподчиненных объемах – прирубам. Есть примеры, когда каскадами покрывались алтарные прирубы высотных шатровых храмов.

Георгиевская церковь в селе Юксовичи датируется 1495 г. (рис. 26, вклейка). Это один из древнейших сохранившихся памятников русского деревянного зодчества. Основу здания составляет четверик с двумя симметричными прирубам. Самая яркая отличительная особенность храма – вытянутые вверх пропорции. Основной сруб отличается выразительным плавным повалом. Все три объема имеют каскадные покрытия. На центральном срубе оно состоит из трех скатов, на прирубам – из двух. Промежуточная стена между скатами небольшая – в два-три бревна. В 1632 г. церковь реконструировалась. Была пристроена широкая трапезная, огибающая основной сруб с трех сторон. Чтобы внутренне пространство тра-

пезной сделать более просторным, стены притвора в нижней части были разобраны, а оставшийся верх поддержан столбами. Тем самым первоначально доминировавшая в облике постройки вертикаль оказалась выраженной не столь явно. Георгиевская церковь, безусловно, самый яркий образец постройки с каскадными покрытиями, архитектурное решение которой демонстрирует весь диапазон применения этой формы.

Утраченная Георгиевская церковь (1522) в селе Шеменском (Шеменичи) представлена на нескольких старых фотографиях.⁶⁶ Это клетская постройка с высоким, характерным для Посвирья башнеобразным основным срубом. На одной из фотографий, опубликованной И.Н. Шургиным, Георгиевская церковь запечатлена с юго-восточной стороны.⁶⁷ С этого ракурса хорошо виден свес покрытия алтаря, снизу подшитый досками, на котором отчетливо просматривается небольшой излом. Подобная деталь может свидетельствовать только о существовании первоначального каскадного покрытия. Высота между скатами всего одно бревно, разница в уклоне тоже незначительная, что и позволило, видимо, при очередном ремонте сверху уложить простую прямоскатную кровлю.

Никольская церковь Ребовского погоста Тихвинского уезда, датируемая 1523 г., известна по чертежу XIX в., где изображен ее план и южный фасад.⁶⁸ Постройка невелика, она представляла собой высокий четверик с двумя симметричными прирубами с востока и запада. По изображению южного фасада похоже, что четверик имел двухкаскадное покрытие. Видно, что кровля состоит из двух рядов теса, между ними небольшой затененный промежуток. Предположим обратное: перед нами не каскадное покрытие, а простая прямоскатная кровля, но сделанная из коротких тесин, уложенных в два состава. Аналогичные по общему решению и близкие по месту положения объекты – Георгиевская церковь в селе Шеменичи, Покровская церковь (1667) Шаменского погоста⁶⁹ и несколько других построек имели кровли из целых тесин. Как было выявлено В.П. Орфинским, прямоскатные кровли, выполненные из укороченных досок в несколько составов (до восьми), характерны для северо-восточных районов, тогда как на северо-западе преобладают кровли, состоящие из целых тесин, или при большой длине скатов (на шатрах) – из двух-трех рядов длинных

66. Максимов П.Н., Воронин Н.Н. Деревянное зодчество XIII – XVI вв. // История русского искусства. Т. III. М., 1955. С. 263.

67. Шургин И.Н. Исчезающее наследие. М., 2006. Рис. 1.4. Фото Д.В. Милеева, 1913 г.

68. Там же. Рис. 1.5.

69. Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942. С. 81, ил. 176.

досок.⁷⁰ Исходя из этого, с большой долей вероятности можно предполагать, что изображенная на старинном чертеже церковь Ребовского погоста имела каскадное покрытие.

Сохранившаяся церковь Рождества Богородицы в деревне Лиственка была построе-

на в 1599 г., о чем свидетельствует надпись на тябле иконостаса (рис. 27, вклейка).⁷¹ Несмотря на то, что церковь невелика, в ее пропорциональном строе отчетливо присутствует вертикаль. Высокий основной сруб и алтарный прируб завершаются слабо выраженными повалами и каскадными покрытиями. В отличие от церкви в Юксовичах здесь уклон кровли значительно более пологий. Так же контрастно соотношение верхнего и нижнего скатов. Высота между скатами составляет три бревна. Церковь в Лиственке представляет собой пример использования каскадного покрытия на очень небольшой по масштабу постройке.

Никольская церковь в селе Ковда Мурманской области достоверно определенной датировки не имеет (рис. 24). Здание включает прямоугольное в плане молитвенное помещение, алтарь и трапезную в виде отдельного сруба, что свидетельствует о ее неодновременной с церковью постройке. На основании анализа имеющихся архивных сведений и материалов натурного обследования И.Н. Шургиным было высказано предположение, что основная часть памятника построена в конце XVI в. после того, как в 1590 г. в результате набега «свейских немцев» предшествующая постройка была сожжена, а трапезная относится к середине XVIII в.⁷²

70. Орфинский В.П., Гришина И.Е. Типология деревянного культового зодчества Русского Севера. Петрозаводск, 2004. С. 56.

71. Коляда М.И. Реставрация церкви Рождества Богородицы в деревне Лиственка // Народное зодчество. Петрозаводск, 1998. С. 237-238.

72. Шургин И.Н. Указ. соч. С. 18-28.

Рис. 24. Никольская церковь в селе Ковда (XVI–XVIII вв.), Мурманская обл. Фотография М.П. Волковой, 1970-е гг.

Е.В. Вахрамеев, учитывая недостаточную информацию о ранних этапах строительной истории памятника, склоняется к датировке срубов храма и трапезной концом XVII – началом XVIII вв.⁷³ Тем не менее, проведенное И.Н. Шургиным сопоставление Никольской церкви с известными древнейшими клетскими храмами позволяет считать ее датировку концом XVI в. наиболее правдоподобной.

Действительно, в архитектурно-конструктивном решении памятника немало архаичных особенностей. К ним относятся редко расположенные окна: волоковые и косячатые, но совсем небольшие со скругленными внутренними очертаниями, частослеговая конструкция покрытия. Очень своеобразны каскады на основном срубе. Во-первых, оба ската примерно равны по величине, во-вторых, нижний скат чуть круче верхнего, что не отмечено ни на одном известном объекте. Высота между скатами – всего два бревна. В архитектурном решении Никольской церкви прием устройства каскадного покрытия, как мы видим, не получил яркого выражения.

Нельзя обойти вниманием Варваринскую церковь в деревне Яндомозеро, поскольку для нас представляют интерес ранние этапы строительства памятника. Церковь датируется серединой XVII в. по надписи 1650 г. на можжевелевом кресте, находившемся внутри алтаря.⁷⁴ Эта датировка подтверждается архивными источниками, где дважды упоминается о строительстве церкви в 1658 г.⁷⁵ Исследованием памятника в разные годы занимались Л. Петтерсон, А.В. Ополовников, В.П. Орфинский. За годы своего существования церковь неоднократно перестраивалась и достраивалась. А.В. Ополовниковым были выполнены графические реконструкции Варваринской церкви на разные строительные периоды.⁷⁶

Однако наиболее полное освещение ранних этапов строительства памятника представлено в исследованиях Е.В. Вахрамеева. При детальном натурном обследовании архитектором-реставратором было выявлено, что к древнейшим частям здания относится не весь основной храмовый столп, как полагали раньше, а лишь низ четверика примерно до половины существующей высоты. На его северной и южной стенах заметны

73. Вахрамеев Е.В. Концепция реставрации архитектурного комплекса в поморском селе Ковда // Народное зодчество. Петрозаводск, 1999. С. 253, 260.

74. Pettersson L. Aanianiemen kirkollinen puuarkkitehtuuri. Helsinki, 1950. S. 333.

75. Орфинский В.П. Деревянное зодчество Карелии. Л. 1972. С. 79-80.

76. Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. Памятники шатрового типа. Памятники клетского типа и малые архитектурные формы. Памятники ярусного, кубоватого и многоглавого типа. М., 1986. С. 39-49.

следы стесанного повала, свидетельствующего о том, что первоначально церковь была клетская с коньковым покрытием. Видимо в начале XVIII в. покрытия были разобраны с целью увеличения высоты здания. Четверик был надстроен и завершен восьмериком с шатром. На восточной стене четверика сохранились врубки от примыкания каскадного покрытия алтаря, которое в дальнейшем было заменено бочкой. Предлагая графическую реконструкцию Варваринской церкви на первый строительный период, Е.В. Вахрамеев изображает на алтаре каскадное покрытие, а на основном срубе – клинчатое с полицами.⁷⁷

Надо сказать, что клинчатые с полицами покрытия, составляя архитектурные традиции северо-восточных земель, в районе Онежского озера не встречаются. Следовательно, первоначальное покрытие основного объема церкви в Яндомозере могло быть простым двухскатным или каскадным. Учитывая, что на клетских постройках покрытие каскадами алтаря практически всегда сочетается с аналогичным покрытием основного сруба, можно предполагать, что Варваринская церковь первоначально имела каскадное покрытие и на основном срубе.

Самая необычная из рассматриваемых построек – Никольская церковь из деревни Тухоль Крестецкого района, ныне перевезенная в Новгородский музей деревянного зодчества «Витославицы» (рис. 28, вклейка). Памятник датирован концом XVII в. Согласно местным преданиям первоначально церковь стояла в селе Усть-Волма (на берегу реки Мсты) и была перевезена в Тухоль в XVIII в.⁷⁸ Завершение центрального сруба напоминает каскадное, но с тем отличием, что промежуток стены между скатами составляет семь венцов. При такой высоте ступени и заметной разницей в уклоне скаты выглядят уже отдельными формами, а само завершение может претендовать на ярусную структуру, где членение на ярусы выражено только в поперечном направлении. В.П. Орфинский называет такие завершения поперечно-уступчатыми.⁷⁹

Никольскую церковь можно рассматривать в ряду относительно редких построек с ярусными завершениями, состоящими из четвериков. Подобные структуры, кроме поперечно-уступчатых, могли быть строго центрическими (церковь Иоанна Предтечи (1694) в деревне Широково)

77. Вахрамеев Е.В. Новые исследования Варваринской церкви в д. Яндомозеро Карельской АССР (проблемы реставрации) // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 81-94.

78. Филиппова Л.А. Витославицы. Новгородский музей народного деревянного зодчества. М., 2004. С. 38-43.

79. Орфинский В.П., Гришина И.Е. Указ. соч. С. 57.

и продольно-уступчатыми (Никольская церковь середины – второй половины XVII в. из деревни Мякишево в музее «Витославицы»). При всех различиях общим для этих объектов остается единый принцип формообразования завершения.

Интересный пример использования приема поперечно-ярусного членения сруба представляет церковь Рождества Богородицы (1701) в селе Рышево Новгородского района Новгородской области. Памятник утрачен, но в свое время он был зафиксирован в обмерах и графических реконструкциях Л.Е. Красноречьева.⁸⁰ Основной четверик примерно на двух третях своей высоты сужался в поперечном направлении, образуя ступень, покрытую пологими полами. Завершением церкви служило высокое восьмискатное покрытие с пятиглавием. Таким образом, структура основного храмового столпа Рышевской церкви сочетала ярусное линейное и центрическое решения.

Близкое, но менее выразительное решение верха имела церковь 1743 г., бывшая в деревне Новоселки Пестовского района Новгородской области.⁸¹ Здесь боковые полицы значительно больше и круче, а покрытие четверика, напротив, пониженное, пологое с пятью главами. Не исключено, что зафиксированное на старой фотографии, архитектурное решение церкви в Новоселках сложилось в результате перестроек. Во всяком случае, это тоже пример поперечно-ярусного членения основного сруба, сочетавшегося с центрическим верхом.

Владимирская церковь в городе Старая Русса утрачена еще в довоенные годы. Она датируется ориентировочно XVII в.⁸² Постройка была небольшая с традиционной для клетских церквей трехчастной структурой. Невысокий основной сруб был покрыт каскадным покрытием, состоявшим из двухскатов. Нижний скат, как на большинстве аналогичных построек, уступает верхнему по величине и имеет более пологий уклон. Высота ступени, насколько можно судить по старой фотографии, составляет четыре бревна.

Возвращаясь к датировке памятника, отметим, что все известные церкви с каскадными покрытиями относятся к XVII в. и ранее. Исходя из этого предполагаемое время постройки церкви в Старой Руссе правдоподобно. Но, основываясь на таком признаке, как пятистенный алтарь, форма которого не характерна ни для начала, ни для середины XVII в., датировку церкви можно приблизить к концу столетия.

80. Красноречьев Л.Е., Тынтарева Л.Я. ...Как мера и красота скажут. Памятники древнего деревянного зодчества Новгородской области. Л., 1971. С. 45-47.

81. Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 26. СПб., 1908. С.173.

82. Красноречьев Л.Е. Исследование и реставрация памятников деревянного зодчества по опыту работ в Новгородской области. СПб., 1999. С. 41.

Несколько деревянных церквей с покрытиями, напоминающими каскадные, можно увидеть в альбоме А. Мейерберга (1661 г.). Самый известный рисунок церкви в Крестцах неоднократно публиковался и привлекал внимание исследователей (рис. 25). Церковь изображена с тремя каскадами, промежутки стен между скатами настолько велики, что завершение определенно выглядит ярусным поперечно-уступчатым.⁸³ Церковь в Печорах нарисована невысокой с двухкаскадным покрытием основного сруба, выраженной ступенью между скатами и простым прямоскатным покрытием алтаря.⁸⁴ На печорскую постройку похожи церкви в Дубровне и Понедельском монастыре, но их изображения менее отчетливы.⁸⁵ Конечно, старинные изображения нельзя признать достоверным источником, но в совокупности с другими данными они могут служить косвенным подтверждением тех или иных выводов.

Рис. 25. Рисунок церкви в Крестцах из альбома А. Мейерберга, XVII в.

Кроме церквей с каскадными покрытиями, известны четыре аналогичные часовни. Самая ранняя из них – часовня Михаила Архангела из заонежской деревни Леликозеро, перевезенная в музей-заповедник «Кижі» (рис. 29, вклейка). Памятник был обследован и реставрирован в 1960-х гг. А.В. Ополовниковым.⁸⁶ Предполагалось, что часовня строилась в два этапа: сени со звонницей были пристроены позднее. В результате детальных натурных обследований, проводившихся А.Т. Яскеляйненем, выяснилось, что памятник прошел не менее трех строительных этапов. Первоначально это была одночастная постройка с крыльцом. На основе надписей на иконах уточняется датировка часовни – вторая половина XVII в. (не позднее 1671 г.). А.Т. Яскеляйнен предполагает, что первоначальное покрытие было простым прямоскатным, реконструкция верха могла быть произведена вместе с пристройкой трапезной в середине XVIII в.⁸⁷

Действительно, слуги нижних скатов часовни Михаила Архангела врублены в каждое бревно торцевых стен, как это делалось на наиболее

83. Мейерберг А. Виды и бытовые картины России XVII в. СПб., 1903. Л. 9, рис. 27.

84. Там же. Л. 3, рис. 4.

85. Там же. Л. 5, рис. 12; Л. 8, рис. 22.

86. Ополовников А.В. Указ. соч. С. 161-163.

87. Яскеляйнен А.Т. Новое об эволюции часовни Архангела Михаила на острове Кижі // Народное зодчество. Петрозаводск, 1992. С. 155-166.

древних постройках. Слеги верхней части покрытия врублены через одно бревно. Правда, однозначно нельзя признать, что эта особенность склоняет в пользу позднейшей надстройки верхнего каскада. Заметим, что на церкви из деревни Тухоль нижние более пологие скаты тоже имеют врубку слег в каждый венец, слеги верхнего яруса врублены через одно бревно. В этом есть логика: низ более массивен, верх – облегчен. Кроме того, все перечисленные церкви с каскадными покрытиями были построены не позднее XVII в. Рассматриваемый прием, очевидно, очень древний, в XVIII в. на основных объемах церквей уже не использующийся. Исходя из вышесказанного, позднейшая надстройка верхнего каскада часовни из Леликозера представляется маловероятной. К тому же среди всех известных объектов с каскадными покрытиями ни одного примера надстройки не выявлено.

К середине XVII в. относят Ильинскую часовню-церковь в деревне Суйсари (Прионежский район, Карелия). Как и большинство часовен Обонежья, она прошла несколько строительных этапов. К первоначальному основному срубам позже была пристроена трапезная, над западной частью которой поднялась шатровая звонница. Во второй половине XIX в. часовня была преобразована в церковь путем пристройки алтаря.⁸⁸ При реконструкции каскадное покрытие молитвенного помещения было увеличено по длине так, что оно стало общим для всего здания. Высота ступени очень мала – два бревна, скаты расположены очень тесно. Тем не менее, за счет величины покрытия устройство каскадов играет заметную композиционную роль в общем архитектурном решении.

Две другие часовни с каскадными покрытиями по архитектурному решению основного объема очень близки друг к другу. Часовня Зосимы и Савватия (1717) в деревне Загубье Медвежьегорского района Карелии известна по материалам Л. Петтерсона. Имеется ее схематичный чертеж, где хорошо просматривается конструкция покрытия.⁸⁹ Основной сруб приземист, покрытие пологое, нижние скаты совсем не велики и словно спрятаны под увеличенными верхними. Каскады на покрытии, даже при высоте ступени в три бревна, остаются не ярко выраженными элементами здания. Самая поздняя известная часовня с каскадным покрытием – Троицы и Дмитрия Солунского (1753) в деревне Селецкое (рис. 26).⁹⁰ По пропорциям, уклону и величине скатов она очень похожа на часовню в Загубье.

88. Ополовников А.В. Указ. соч. С. 202-207; Орфинский В.П., Гришина И.Е. Народное зодчество села Суйсарь // Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск, 1997. С. 63-68.

89. Pettersson L. Aanianiemen kirkollinen puuarkkitehtuuri. Helsinki, 1950. S. 61.

90. Ополовников А.В. Указ. соч. С. 190-194.

Сравнивая все рассмотренные часовни, отметим, что в решении основного сруба часовни из Леликозера прием устройства каскадного покрытия получил наиболее отчетливое выражение. Вытянутые вверх пропорции основного объема сближают памятник с храмами в Юксовичах, Лиственке, Тухоле.

Нельзя обойти вниманием шатровые церкви, где каскадное покрытие использовано на соподчиненном объеме. В архитектурном решении этих построек доминирует иная тема, каскадным покрытиям отведено второстепенное положение.

Самая ранняя из подобных церквей – Успенская (1595) из села Курицко, перевезенная в музей «Витославицы». Датировка памятника, основанная на исторических источниках, подтверждена дендрохронологическим анализом древесины. В конце XVII в. церковь переносилась на новое место, в XIX в. капитально ремонтировалась, в начале XX в. была близка к разрушению, но в итоге была спасена и отреставрирована. При этом она утратила более половины своих первоначальных форм.⁹¹

Не исключено, что первоначально завершение церкви было иным, но, видимо, не коньковым, а центрическим, о чем свидетельствует симметричный со всех сторон повал четверика. Как отмечает Л.Е. Красноречев, определено древнейшими и не изменившимися частями постройки являются основной четверик и алтарный прируб. Каскадное покрытие алтаря невысокое, нижние скаты короткие и более пологие, чем верхние, высота ступени – три бревна. Если сравнивать его с аналогичными решениями на других объектах, то более всего оно напоминает покрытие основного сруба церкви в Лиственке.

91. Филиппова Л.А. Указ. соч. С. 43-51.

Рис. 26. Часовня Троицы и Дмитрия Солунского (1753) в деревне Селецкое, Карелия.
Фотография П.В. Степанова

Рис. 27. Ильинская церковь (1692–1702) в селе Самино, Вологодская обл.

Фотография автора

ская церковь (1696) в селе Пидьма (Подпорожский район Ленинградской области).⁹² Основу постройки составлял массивный восьмимерик, под стать ему и невысокие прирубы. Каскадное покрытие алтаря имеет ступень в три-четыре бревна, скаты приближены друг к другу по величине и уклону.

Самый необычный пример использования каскадных покрытий на соподчиненном объеме представляет Покровская церковь (1731) из села Старые Ключищи, перевезенная в Нижегородский музей деревянного зодчества (рис. 28). Это ярусный храм, какие нередко строились в XVIII в. в центральных землях России, с четвериковым основанием и рядом убывающих кверху восьмириков. Каскадное покрытие имеет обширная трапезная. При значительной величине параллельных скатов и небольшом в два бревна промежутке между ними ступень оказывается довольно слабо выраженной. Слеги, несущие кровлю, врублены редко, что характерно для позднейших построек.

92. Савандер К.Ю. К вопросу о пропорционировании деревянных шатровых храмов Российского Севера // Народное зодчество. Петрозаводск, 1999. С. 104.

93. Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 57. Пг., 1915. С. 144-145.

Ильинская церковь в селе Самино Вытегорского района Вологодской области датируется 1692 – 1702 гг. (рис. 27). Это шатровый храм с основанием в виде восьмирика на четверике, отличающийся вытянутыми вверх пропорциями, которые еще более обострились за счет увеличения высоты шатра в конце XVIII в.⁹² Алтарный прируб очень строен: его высота превышает ширину более, чем в три раза. Примерно таков же алтарный прируб церкви в Юксовичах. Каскадное покрытие алтаря Ильинской церкви островерхое с выразительными повалами, равным уклоном верхних и нижних скатов и высотой ступени в три бревна. Слеги покрытия врублены в каждый венец.

Каскадное покрытие алтарного прируба также имела Преображен-

При рассмотрении характера распространения каскадных покрытий сразу обращает на себя внимание то, что расположение практически всех представленных построек тяготеет к северо-западу России. Однако нанесенные на географическую карту, они образуют не единый ареал, а несколько групп. Самая большая из них окружает Новгород. Другая охватывает Посвирье и земли, прилегающие к южной части Онежского озера. Третья группа расположена в Заонежье.

Общим для большинства рассматриваемых построек является то, что они расположены в непосредственной близости от Новгорода или на территориях, в прошлом имевших удобное и оживленное сообщение со столицей «боярской республики». Все эти объекты связаны единой системой – реками бассейна Балтийского моря. Их расположение в общих чертах соответствует направлению основного торгового пути, связывавшего в XII–XV вв. Новгород с его северными владениями. За волоками относительно Новгорода постройки с каскадными покрытиями почти не встречаются. Исходя из этого, можно предполагать, что каскадные покрытия, имея распространение на территориях, составляющих основную часть Новгородской земли, относятся к традициям, наиболее давно здесь укоренившимся и в какой-то мере отражающим особенности деревянного зодчества древнего Новгорода.

Обратим внимание на различия в архитектурном решении каскадных покрытий в зависимости от местоположения объектов относительно Новгорода. В целом преобладающее количество примеров из числа

Рис. 28. Покровская церковь (1731) из села Старые Ключищи, перевезенная в Нижегородский музей деревянного зодчества.
Фотография А.Ю. Пономарева

рассмотренных построек представляют храмы с каскадным покрытием над молитвенным помещением. К ним относятся девять объектов, по сравнению с семью примерами использования каскадных покрытий на соподчиненных объемах. Большинство рассмотренных церквей, сгруппированных вокруг Новгорода, отличаются каскадным покрытием на основном объеме, и лишь одна из них имеет каскадное покрытие прируба. В Посвирье и в Обонежье соотношение между использованием каскадных покрытий на основном или соподчиненном объеме меняется в пользу последних. Отсюда видим, что композиционная роль каскадных покрытий в архитектурном решении построек, приближенных к бывшему центру Новгородской земли, значительнее по сравнению с объектами на более удаленных территориях.

Наиболее развитые – трехкаскадные решения известны только на двух объектах (церкви в Юксовичах и Крестцах). Эти постройки находятся не то, чтобы вблизи Новгорода, но прилегают к основным путям, ведущим в Заволочье и в среднерусские земли. Если рассматриваемые объекты сопоставить между собой по высоте между скатами покрытия, заметно, что постройки, где этот промежуток наиболее велик, тяготеют к Новгороду (церкви в Тухоле и Крестцах).

Относительно соотношений величин скатов и их уклонов, рассмотрев все известные объекты, можно сделать вывод, что для каскадных покрытий наиболее характерно преобладание по величине верхних скатов и их чуть более крутой уклон по сравнению с нижними. Также широко распространено параллельное расположение скатов. Исключение составляет церковь в Ковде, где верхние скаты наоборот более пологи так, что силуэт церкви как бы «притупляется». Отметим, что церковь в Ковде относится к одним из самых удаленных от Новгорода объектов, и ее нетипичное для каскадных покрытий решение логично отвечает предположению о распространении данной традиции из центральной части Новгородской земли.

Рассмотренный ряд объектов позволяет ориентировочно определить время распространения каскадных покрытий, но наиболее отчетливо – завершающий этап. Самое раннее свидетельство о существовании каскадных покрытий относится к концу XV в. Другие примеры использования каскадных покрытий на основных срубах датируются XVI–XVII вв. К этому времени относятся и почти все известные постройки с каскадными покрытиями на соподчиненных объемах. Конец XVII в. видится рубежом, после которого возведение каскадных покрытий становится редкостью. Угасание традиций прослеживается на примерах сочетания продольно-ярусного членения основного сруба с иными типами завершений (церкви в Рышево (1700) и в Новоселках (1743)). Причем, если

в архитектуре первой постройки этот прием выражен ясно, то во втором случае он угадывается с трудом. Использование каскадных покрытий на основных объемах церквей после XVII в. не встречается вообще, а на соподчиненных объемах представлено единственным весьма необычным примером, когда каскадами покрыта трапезная (церковь в Старых Ключищах). Каскадные покрытия наиболее долго продолжали применяться в архитектурном решении заонежских часовен (в деревнях Загубье (1717) и в Селецком (1753)). Особую устойчивость древних традиций в Заонежье разные исследователи связывают с этническим самовыражением русских, контактировавших с соседствующими народностями.⁹⁴ Таким образом, объекты первой половины XVIII в. отчетливо иллюстрируют исчезновение каскадных покрытий.

Для общего хода развития деревянного зодчества Севера подобные явления не характерны. В XVIII в. здесь продолжают развиваться выработанные ранее традиционные для дерева архитектурные приемы и формы. Упадок традиций и радикальные архитектурные трансформации наступают позже – на рубеже XVIII–XIX вв., отголоски традиционных решений наблюдаются на протяжении всего XIX в. Например, последняя известная церковь с ярусно-многоглавым завершением в Обонежье (Никольская в селе Ошта) относится к концу XVIII в. На Онеге и в Поморье строительство кубоватых церквей с начала XIX в., в основном, прекратилось, но в отдельных постройках видоизмененная форма куба продолжала использоваться до третьей четверти XIX в. Каскадные покрытия в деревянном зодчестве прекращают использоваться значительно раньше, что не может быть сопоставлено с общим процессом исчезновения традиционных для дерева приемов и форм и, по-видимому, имеет иные причины.

Если верхняя граница хронологического ареала распространения каскадных покрытий прослеживается достаточно четко, то нижняя представляется весьма расплывчато. Время постройки церкви в Юксовичах близко к периоду новгородского владычества. Но была ли она одним из первых примеров использования каскадных покрытий, или данный прием к тому времени уже имел широкое распространение? Если вернуться

94. Иванова Т.Г. Заонежская былинная традиция и проблема географического распространения былин // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры русского Севера «Рябининские чтения – 95». Сб. докладов. Петрозаводск, 1997. С. 82-91.; Орфинский В.П. Отголоски храмостроительных традиций Древнего Новгорода на восточной периферии бывшей Новгородской земли (XVI – XIX вв.) // Православие в Карелии: материалы 2-й научной конференции, посвящённой 775-летию крещения карелов. Петрозаводск, 2003. С. 17-23.

к местоположению объектов, мы видим их очень сильный разброс. Например, между Лиственкой и Ковдой, если следовать древними водными путями около 1000 км, а расстояния между Печорами и Ковдой приближается к 1500 км. Причем, прямых водных сообщений между перечисленными населенными пунктами нет. По-видимому, для столь широкого распространения традиции должно было пройти немало времени. Для сравнения: возведение ярусных многоглавых церквей, начавшееся храмами Вытегорского и Кижского погостов соответственно 1708 и 1714 гг., в течение XVIII в. распространилось на сравнительно небольшой территории южного и западного Обонежья, но так и не вышло за пределы единой акватории. Традиция строительства церквей с кубоватыми завершениями, известная по наиболее ранним поморским постройкам второй половины XVII в., в следующем столетии распространилась по всей Онеге вплоть до верховьев и несколько вышла за пределы бассейна Онеги. Но даже за полтора столетия ареал распространения кубоватых церквей не достиг величины ареала распространения каскадных покрытий.

Значительное рассредоточение объектов в сочетании с их малочисленностью само по себе наводит на мысль о древности рассматриваемой традиции. Широкое распространение каскадных покрытий в конце XVI в., которые мы наблюдаем на примерах церквей в Курицко, Лиственке, Ковде, позволяет предполагать, что эти формы были хорошо известны и в предшествовавшем столетии, и церковь в Юксовичах не была единственным примером. Для распространения каскадных покрытий на столь дальнее расстояние, несомненно, нужны были влиятельные образцы, устойчиво существовавшие в течение длительного времени. Таковыми могли быть церкви Новгорода и центральной части Новгородской земли.

Относительно происхождения каскадных покрытий высказывались разные суждения. Например, предполагалось образное сходство поперечно-уступчатых решений с галереями, огибавшими основной объем не только деревянных клетских храмов, но и древнерусских каменных. Отмечалось сходство с западноевропейскими базиликообразными церквями.⁹⁵ Позже В.П. Орфинский рассматривал поперечно-уступчатые ярусные членения клетских церквей, как одно из проявлений тенденции к высотности культовых построек, и предполагал, что в дальнейшем такие решения преобразовались в каскадные покрытия.⁹⁶ Последнее предположение сомнения не вызывает. Действительно, для народного зодчества

95. Орфинский В.П. Народное деревянное культовое зодчество Российского Севера: истоки развития // Народное зодчество. Петрозаводск, 1992. С. 43, 44.

96. Орфинский В.П., Гришина И.Е. Типология... С. 44.

характерно преобразование архитектурно-конструктивных элементов в декоративные. И.Н. Шургин также предполагает, что каскадные покрытия свидетельствуют о существовании в прошлом клетских храмов с ярусным двухскатным верхом, опираясь в своих выводах на сопоставление особенностей устройства покрытий церкви в Ковде с другими аналогичными памятниками.⁹⁷

Что же побуждало зодчих ступенчато сужать сруб храма? Очевидно, здесь имели место какие-то влияния или аналогии. Не исключено влияние деревянного зодчества стран Балтики, с которыми Новгород связывали тесные торговые отношения. В архитектуре североевропейских деревянных церквей можно найти приемы и формы, которые близки к некоторым решениям русских деревянных храмов, хотя прямых аналогий здесь не наблюдается. Пропорциональный строй деревянных базиликообразных церквей северной Европы и русских церквей с каскадными покрытиями принципиально разный. Первые растянуты в длину, вторые – высотные, церкви-башни.

Как известно, одним из основных факторов, влиявших на формирование русских деревянных церквей, было каменное зодчество. Некоторые исследователи полагают это влияние определяющим, особенно на ранних этапах.⁹⁸ Правда, более корректным представляется мнение о совокупности факторов.⁹⁹ В камне и в дереве одинаковые функциональные элементы храма в соответствии с особенностями строительного материала приобретали разные формы. Но в общих тенденциях формообразования принципиальных различий быть не могло в силу того, что каменное и деревянное зодчество были частями единой культуры. Это отмечалось многими исследователями.¹⁰⁰

В развитии русского деревянного зодчества известного нам периода объяснение появлению каскадных покрытий мы не находим. Попытаемся обратиться к возможным путям формообразования деревянных церквей на более ранних этапах. Церковными канонами определялась компоновка основных помещений: алтарь, кафоликон, притвор (нартекс),

97. Шургин И.Н. Указ. соч. С. 26-27.

98. Иоаннисян О.М. Деревянные храмы домонгольской Руси // Успенская церковь в Кондопоге: сб. статей по материалам конференции. Кондопога – СПб., 1996. С. 4-46.

99. Орфинский В.П. Особенности деревянного культового зодчества Карелии // Архитектурное наследство. Вып. 31. М., 1983. С. 19.

100. Бондаренко И.А. Народное и царственное зодчество Древней Руси. К проблеме общности традиций и идеалов // Народное зодчество. Петрозаводск, 1992. С. 7-18.

Рис. 29. Рисунок церкви в Богородицком из альбома А. Мейерберга, XVII в.

и, вместе с тем, тип клетской церкви в общих чертах приближен к форме жилища. В объемном решении основной сруб выделяется, во-первых, своей высотой, во-вторых, наличием главы. Маловероятно, что ранние деревянные церкви имели каркасные главки, хорошо известные нам по памятникам XVII –

XIX вв. На древних каменных храмах главы крупные, измельченность и выраженная пластичность верха получает распространение примерно с XVI в. Также и главы древних деревянных церквей, по-видимому, должны были отличаться величиной и массивностью.¹⁰¹

Как форма основного объема клетских церквей, по сравнению с каменными постройками, упрощена до клетки с двухскатным покрытием, также и главы древних деревянных церквей могли представлять что-то весьма отдаленно напоминающее барабан с куполом. Самое простое, что можно предположить, это меньшая по величине клеть с прямоскатным сомкнутым покрытием. Кстати именно таково завершение часовни в местности Станчик (низовья Индигирки) XVIII в.¹⁰² Необычное ярусное завершение можно увидеть на изображении XVII в. церкви в селе Богородицкое близ Твери (рис. 29).¹⁰³ Здесь верхний ярус, по объему сопоставимый с главой, полностью повторяет форму основания – четверик с двухскатным покрытием, только в уменьшенном размере. Вызывает удивление использование столь простой формы в качестве церковного верха. Но есть еще один пример завершения ярусной структуры прямоугольным срубом с двухскатным покрытием. Это церковь Нилово-Столобенской пу-

и, вместе с тем, тип клетской церкви в общих чертах приближен к форме жилища. В объемном решении основной сруб выделяется, во-первых, своей высотой, во-вторых, наличием главы. Маловероятно, что ранние деревянные церкви имели каркасные главки, хорошо известные нам по памятникам XVII – XIX вв. На древних каменных храмах главы крупные, измельченность и выраженная пластичность верха получает распространение примерно с XVI в. Также и главы древних деревянных церквей, по-видимому, должны были отличаться величиной и массивностью.¹⁰¹

101. Рубленые главы зафиксированы на древнейших шатровых церквях Никольской в селе Лявля (1584), Введенской в селе Сура (1587), Ильинской в селе Усть-Выя (1600), Никольской в селе Панилово (1600) (Ушаков Ю.С. Народное деревянное зодчество // История русской архитектуры. Л., 1984. С. 39-43).

102. Ополовников А.В. Указ. соч. С. 326, 327.

103. Мейерберг А. Указ. соч. Рис. 43.

стыни, изображенная на иконе XVII в.¹⁰⁴ Несколько двухъярусных, покрытых на два ската церквей, но уже завершенных небольшими главками, мы можем увидеть на плане Твери, выполненном ориентировочно в середине XVIII в.¹⁰⁵

Итак, исходя из рассмотренных архитектурных решений деревянных церквей с каскадными покрытиями, предполагается, что ярусные решения в дереве могли быть связаны с влиянием каменного зодчества. Членение основного объема по вертикали на две части (основание и главу) заложено в архитектурном решении небольшого одноглавого храма, на который, наверное, и ориентировались строители деревянных посадских и сельских церквей. Рассмотренные примеры, известные достоверно и по старинным изображениям, демонстрируют возможность разнообразных компоновок ярусных структур, развитых на основе клетки с двухскатным покрытием. Одними из таких решений являются ярусные поперечно-уступчатые завершения, преобразованием которых стали церкви с каскадными покрытиями.

104. Голашевич А.А. Художественные памятники Селигерского края. М., 1983. С. 88.

105. Комаров Б. Чертеж города Твери до перепланировки XVIII в. // Архитектурное наследство. Вып. 6. М., 1956. С. 153.

ЦЕРКВИ ТИПА «ВОСЬМЕРИК НА ЧЕТВЕРИКЕ» С ШАТРОВЫМ ЗАВЕРШЕНИЕМ

Храмы с основанием в виде «восьмерика на четверике» относятся к одним из самых распространенных на Русском Севере типов деревянных церквей (рис. 32, 33, вклейка). Наибольшее число известных подобных построек относится к XVII–XVIII в. Если на протяжении XVII в. данная форма основания устойчиво сочетается с шатровым верхом, то в XVIII в., особенно во второй его половине, появляется немало примеров ярусных завершений. Рассматривая этот тип построек, мы сосредоточим внимание на шатровых храмах, как на наиболее древних и дающих богатую пищу для размышлений о формообразовании в деревянном зодчестве.

По архитектуре рассматриваемые церкви, будучи принципиально одинаковыми в своей основе, имеют немало различий (рис. 30). Первое из них – это пропорции основного объема. На большинстве построек четверик и восьмерик имеют равную ширину. Храм отличается выраженным башнеобразным характером. Менее распространены церкви, где

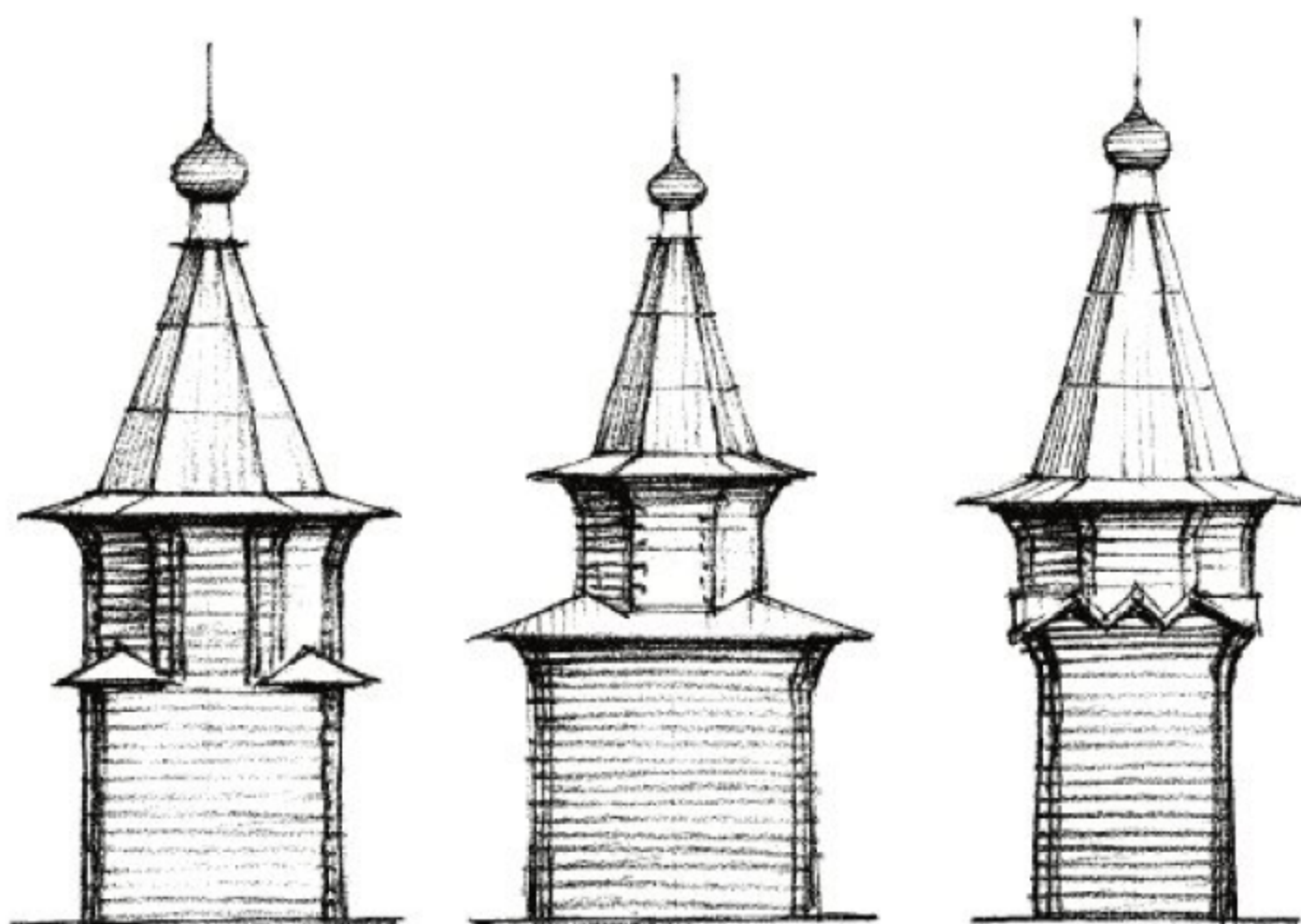

Рис. 30. Принципиальные решения основного объема шатровых храмов типа «восьмерик на четверике». Рис. автора

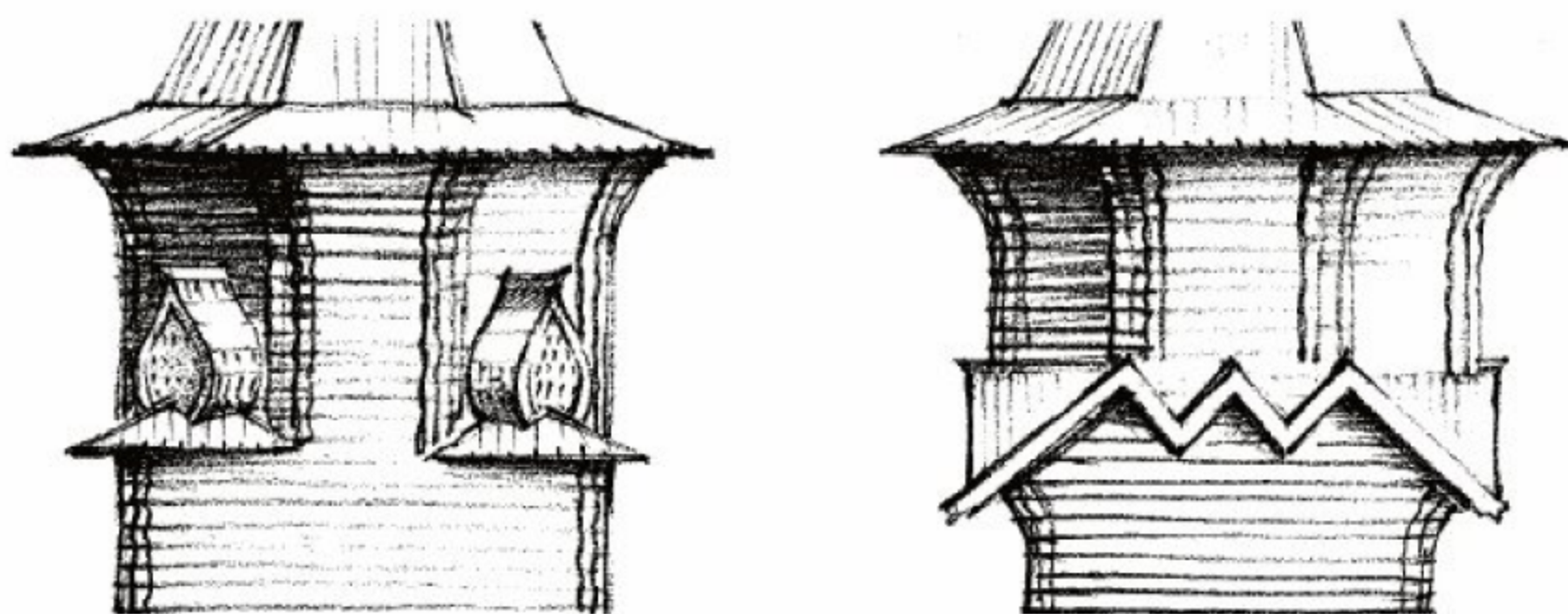

Рис. 31. Основные различия в решении перехода от четверика к восьмерику. Рис. автора

восьмерик по величине уступает четверику. Здание в этом случае приобретает четкую ярусную структуру. И, наконец, наиболее необычны церкви с увеличенным по отношению к четверику восьмериком. На ряде подобных церквей восьмерик делится еще на две части с помощью промежуточного повала. Если первые два варианта встречаются практически на всей территории Русского Севера, то расширяющиеся кверху церкви характерны только для северо-западных областей.

Размерные соотношения четверика и восьмерика определяют еще ряд различий, касающихся сопряжения этих двух объемов (рис. 31). Са-

мый простой и повсеместно распространенный вариант перехода от четверика к восьмерику – это покрытие углов четверика полицами. Подобное покрытие мы встречаем на всех храмах, где восьмерик меньше четверика, и на большинстве церквей с равноширокими объемами. Покрытие углов четверика полицами нередко сочеталось с установленными над ними декоративными кокошниками или, как их еще называют, «теремками». Этот прием получил наибольшее распространение в бассейне реки Онеги и в Поморье, причем он использовался не только на церквях, но и на колокольнях, имевших аналогичную структуру основания. На храмах северо-западных окраин, где основной столп расширялся благодаря промежуточным повалам, углы четверика имеют, в основном, вогнутые с ендовой посередине покрытия. Промежуточные повалы сочетались с фронтовыми поясами – особым устройством перехода от одного яруса к другому, при котором образуется ряд, состоящий из небольших повторяющихся двухскатных покрытий (рис. 32).

Указанные различия в архитектурном решении рассматриваемого типа шатровых храмов имеют достаточно четкую пространственную локализацию, соответствующую, с одной стороны, западной части европейского севера России, с другой, – центральной и восточной. Западная часть (Обонежье, Посвирье) связана прямым водным путем с Новгородом, центральная и восточная части (бассейны Онеги и Двины) имеют исторические водно-сухопутные связи с Московскими землями.

Происхождение шатровых церквей типа «восьмерик на четверике» в литературе по деревянному зодчеству освещается в общих чертах. Считается, что, имея в своих истоках византийские каноны, формы народного жилища и оборонительные сооружения, деревянные храмы соединили в себе все три основные составляющие.¹⁰⁶ Сказанное в общем справедливо и для церквей с основанием в виде «восьмерика на четверике», хотя общая компоновка их основного объема ближе всего к формам каменного одноглавого храма. Четверик сопоставим с основным кубическим объемом, восьмерик – с барабаном. Другое дело, что формы одноглавого каменного храма здесь сильно видоизменены, сохраняя лишь структурную схему. Собственно такие же трансформации мы видим и в каменном зодчестве на примере шатровых храмов XVI в.

Достоверно известные шатровые храмы типа «восьмерик на четверике» не восходят ранее XVII в., поэтому принято полагать, что они и

106. Орфинский В.П. Народное деревянное культовое зодчество Российского Севера: истоки развития // Народное зодчество: сб. науч. трудов. Петрозаводск, 1992. С. 32-62.

Рис. 32. Церковь Рождества Богородицы (1695) в деревне Гимрека, Карелия. Фотография П.В. Степанова

сформировались примерно в это время. К наиболее ранним известным подобным постройкам относятся церкви Никольская в Пурнеме, датируемая концом XVI в.,¹⁰⁷ Петропавловская (1620) в деревне Лычный остров (рис. 30, вклейка), Воздвиженская (1623) в селе Кургоминское¹⁰⁸ и др. Обратим внимание, сколь велик разброс объектов: от западной Карелии

107. Ходаковский Е.В., Курина Н.Н. Никольская церковь в селе Пурнема и деревянная храмовая архитектура Беломорья XVII-XVIII вв. // Архитектурное наследство. Вып. 55. М., 2011. (в печати)

108. Забело С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942. С. 110.

до северо-восточных окраин. Учитывая разорение, принесенное Смутным временем, маловероятно, что в первой половине XVII в. произошло стремительное распространение нового типа храма, сразу охватившее самые удаленные окраины Русского Севера. Как один из ранних примеров компоновки четверика и восьмерика, получившийся в результате надстройки в 1602 г., нередко представляют Никольскую церковь Муезерского монастыря, расположенную на севере Карелии (рис. 31, вклейка).¹⁰⁹ Тем более трудно поверить, что в одной из самых удаленных обителей Севера производили столь значительную реконструкцию существующей клетской церкви, не ориентируясь на какие-то влиятельные образцы.

Более правдоподобным представляется предположение, что шатровые церкви типа «восьмерик на четверике» существовали до XVII в. и были распространены в центральных районах страны, благодаря чему их архитектурное решение в первой половине XVII в. было уже известно повсеместно на Русском Севере. Косвенное подтверждение тому – изображение аналогичной постройки на иконах Александра Ошевенского. Эта церковь атрибутирована как Успенская, построенная в Александро-Ошевенском монастыре в середине XVI в.¹¹⁰ Кроме того, колокольня из села Кулига Дракованово конца XVI в., имеющая в основании восьмерик на четверике, также свидетельствует о существовании в то время аналогичных по структуре церквей в соответствии с известным положением, что архитектура колоколен ориентирована на образные характеристики храмов.¹¹¹

Основываясь на представлении о принципиальном единстве процессов формообразования в древнерусском деревянном и каменном зодчестве, можно предполагать распространение деревянных высотных храмов примерно в первой половине XVI в. – тогда же, когда появились аналогичные каменные постройки. В дереве развитие подчеркнуто высотных композиций могло происходить и раньше, учитывая свойственную деревянному зодчеству большую свободу в переработке каноничных архитектурных решений, что хорошо прослеживается на примере храмов XVII–XVIII вв. Во всяком случае, распространение башнеобразных культовых построек в русской архитектуре связано с периодом сложения централизованного государства.

109. Орфинский В.П. Особенности деревянного культового зодчества Карелии // Архитектурное наследство. М., 1983. Вып. 31. С. 17.

110. Мильчик М.И. Северный деревянный монастырь на иконах XVII–XIX веков // Памятники культуры. Новые открытия: ежегодник 1978. Л., 1979. С. 334.

111. Орфинский В.П., Гришина И.Е. Типология деревянного культового зодчества Русского Севера. Петрозаводск, 2004. С. 147-152.

Возвращаясь к отмеченным выше различиям в архитектуре шатровых храмов типа «восьмерик на четверике», обратимся вновь к аналогиям с формами, развивавшимися в каменном зодчестве. Как в архитектурном решении канонического каменного храма покрытие системой закомар разделяет основание и главу (или главы), так и на основном объеме шатровых церквей переход от одного объема к другому сопровождается поясом кокошников или несколькими соединенными поясами. Тот же прием мы видим и в архитектуре рассматриваемых деревянных церквей, только он решается несколько иначе в соответствии с особенностями строительного материала и упрощением структуры храмового столпа. Равноширокие четверик и восьмерик оставляют место для кокошников только над углами четверика. На каменных постройках отдельных диагонально ориентированных кокошников почти не встречается, разве что на некоторых колокольнях, например, в Ярославле. Фронтонные пояса, создавая сплошной ряд, также напоминают приемы каменной архитектуры в упрощенном виде. Это выражается в изменении самой формы кокошников, которые здесь получают прямолинейные очертания.

Таким образом, одно из основных различий между рассматриваемыми деталями – геометрия очертаний: пластичные формы свойственны центральным и восточным районам Севера, прямолинейные – западным. Эти различия адресуют нас к характерным особенностям каменных новгородских и московских храмов. Как известно, в поздний период самостоятельности Новгорода широкое распространение имели прямые восьмискатные покрытия, а для раннемосковского зодчества характерны закомары с килевидными завершениями. В этом заключается одно из самых заметных различий архитектуры древнего Новгорода и Московского княжества.

Ареал распространения фронтонных поясов соответствует части бывшей Обонежской пятины, наиболее приближенной к Новгороду и связанной с ним удобным водным сообщением. Фронтонные пояса использовались не только на церквях типа «восьмерик на четверике», но и на восьмигранных в основании. Причем в архитектурных решениях последних фронтонные пояса не декоративные, а конструктивные, служившие покрытием для нижележащих более широких ярусов, например, на Никольской церкви 1696 г. в Согиницах (рис. 7, вклейка). Архитектурно-конструктивные элементы по сравнению с аналогичными им декоративными во всех направлениях и стилях, насколько нам известно, первичны. Постройки с конструктивными фронтонными поясами находятся в юго-западной части ареала, которая тяготеет к столице бывшей Новгородской земли. По мере удаления на северо-восток преобладание получают декоративные фронтонные пояса, среди которых встречаются даже не

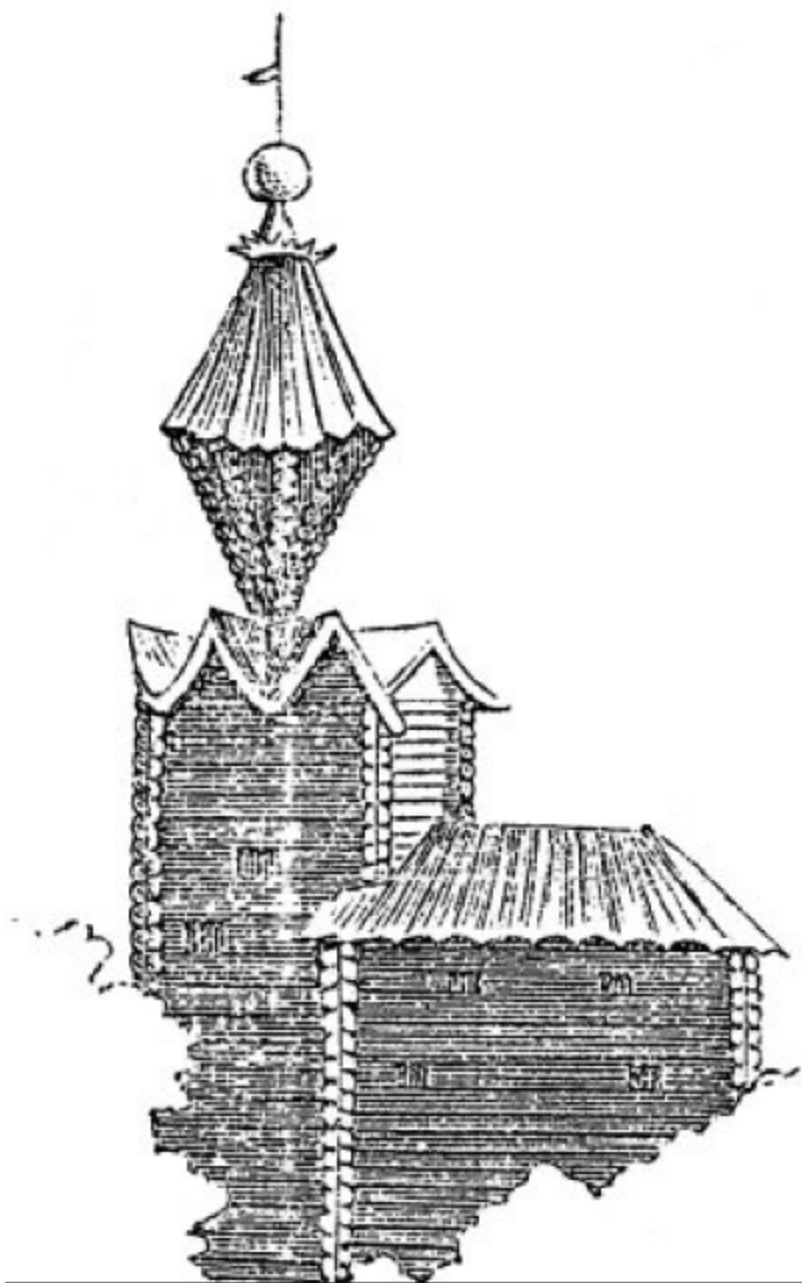

Рис. 33. Изображение церкви в Нарве по А. Олеарию, XVII в.

полные, состоящие из отдельных фрагментов. Различия в решениях фронтовых поясов в зависимости от места положения объектов свидетельствуют о том, что распространение этого приема шло с юга-запада.

Попытаемся реконструировать процесс формирования шатровых храмов типа «восьмерик на четверике» с фронтовыми поясами. В соответствии с аналогичными процессами в развитии каменного зодчества рассматриваемым деревянным церквям должны были предшествовать постройки, где над четвериком возвышался уступающий ему по величине восьмерик, т.е. по пропорциям сопоставимый с главой. Примерно такова церковь Флора и Лавра в Мегре-

ге (1613), правда, четверик ее покрыт на восемь скатов (рис. 4, вклейка). Четвериковых церквей с многочастным покры-

тием, выполненным наподобие фронтовых поясов, до нашего времени не сохранилось, но на их существование в прошлом указывают старинные изображения, например, церкви в Нарве по А. Олеарию (рис. 33)¹¹² или церкви в Торжке по А. Мейербергу.¹¹³

Несложно догадаться, что подобные покрытия в эксплуатации были достаточно неудобны из-за большого числа вогнутых частей (ендов). В некоторой степени этот недостаток должен был устраняться за счет устройства крутого повала и большого свеса кровли на восьмерике. Действительно, на церкви в Мегреге повал небольшого восьмерика непропорционально велик. Восьмерик церкви в Нарве изображен вообще в виде перевернутого конуса, каким он в реальности быть не мог. Возможно, так пытались передать характерную особенность постройки – крутой повал. Для развития подобных структур очень логично увеличение восьмерика и соответственно превращение конструктивного фронтового пояса в декоративный. И главное, что эта трансформация соответствовала тенденции к увеличению и усилению композиционной значимости верха, раз-

112. Даль Л.В. Историческое исследование памятников русского зодчества // Зодчий. 1872. № 7. С. 104.

113. Мейерберг А. Виды и бытовые картины России XVII века. СПб., 1903. Рис. 40.

вивавшейся в XVI–XVII вв. и в деревянной и в каменной архитектуре.

Для народного зодчества характерно длительное параллельное существование прототипов и их производных.¹¹⁴ Постройки типа «восьмерик на четверике» с конструктивными фронтовыми поясами не сохранились, возможно, потому, что будучи сложны в эксплуатации, не получили устойчивого распространения и были вытеснены иными типами, имевшими более рациональные для дерева архитектурные решения. Тем не менее, фронтовые поясы стали традицией, зафиксированной на протяжении почти полутора столетий и повлиявшей на развитие деревянного зодчества Обонежья.

Устройство отдельных диагонально ориентированных кокошников, по сравнению с фронтальными поясами, – традиция более крупного масштаба. Их распространение, как мы уже отмечали, охватывает почти всю центральную и восточную части Русского Севера при наибольшем сосредоточении объектов вдоль течения Онеги. Имея каркасную конструкцию и будучи размещенными на кровле, они не отличались долговечностью. Поэтому в подлинном виде кокошники известны нам лишь по единичным образцам или по старым фотографиям. Значительно чаще их наличие обнаруживается по следам на срубе.

Форма кокошников на всех поонежских постройках примерно одинакова. Различие в их устройстве наблюдается на сопредельных с Поонежьем территориях. Так, на Ваге и близ устья Двины известно три храма, имевших рубленые кокошники с небольшим постаментом: Троицкая церковь в селе Шеговары (1668) (рис. 34),¹¹⁵ Троицкая и Никольская церкви

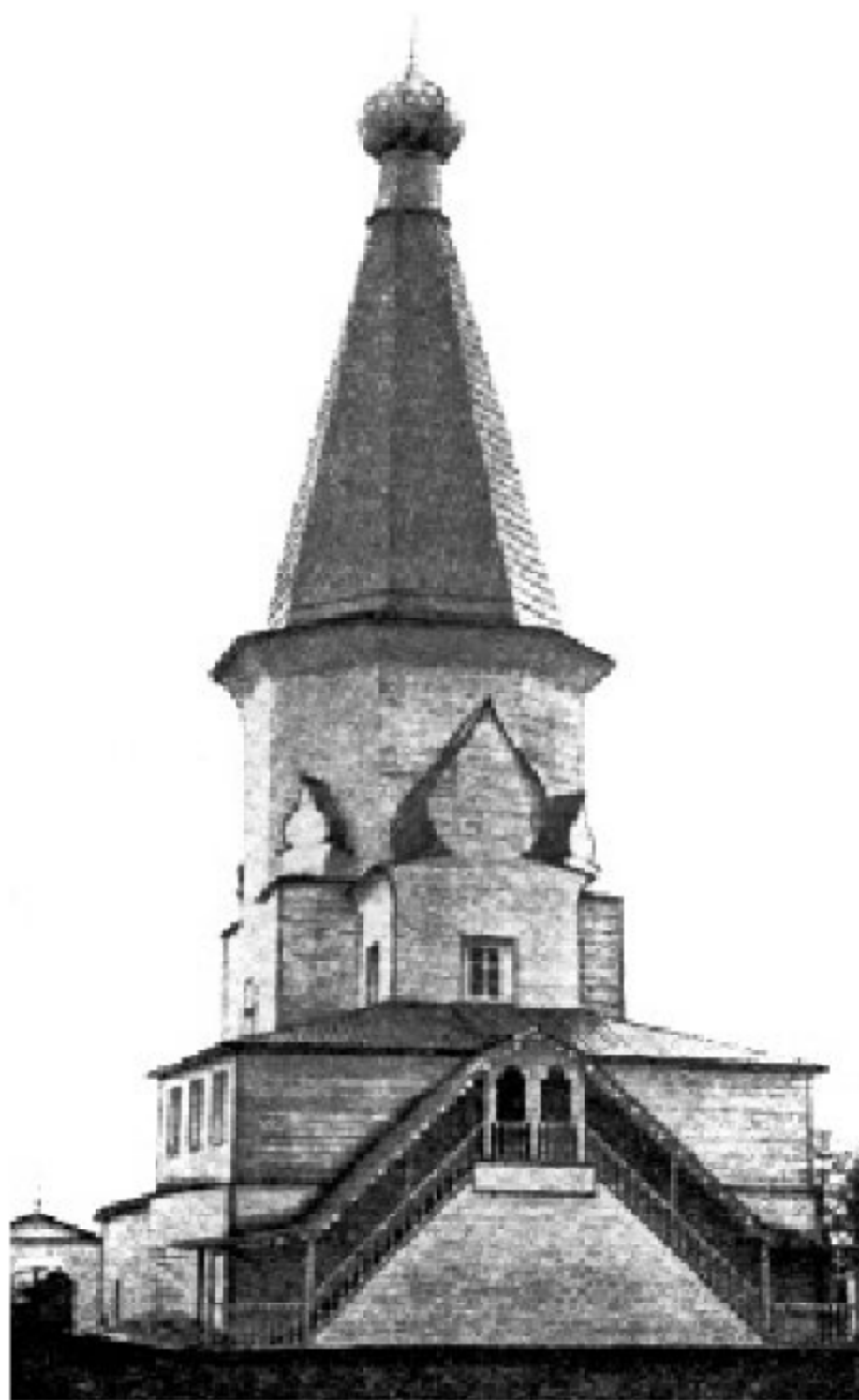

Рис. 34. Троицкая церковь (1668) в селе Шеговары. Фотография начала XX в.

114. Орфинский. В.П. Особенности деревянного культового зодчества Карелии // Архитектурное наследство. М., 1983. Вып. 31. С. 20.

115. Известия Императорской археологической комиссии. В. 41. СПб., 1911. С. 217.

в селе Нёнокса 1727 г. и 1762 г. (см. рис. 8). В Карелии мы находим пример объемных, сильно выдвинутых кокошников с размещенными на них главками – церковь Иоанна Предтечи XVIII в. в селе Шуя.¹¹⁶

Итак, судя по особенностям устройства кокошников и количеству объектов, этот прием, будучи известен на Севере достаточно широко, в наиболее устойчивом (не переработанном) виде использовался в деревянном зодчестве Поонежья. В этом регионе в XVII–XVIII вв. имел распространение еще ряд архитектурных приемов и форм, имеющих стилистическое сходство с кокошниками. Наиболее ранние известные из них это поставленные одна на другую и убывающие по высоте бочки, служившие переходом от крещатого основания к храмовому завершению (Вознесенская церковь (1654) в селе Пияла, Успенская (1674) в селе Варзуга, Преображенская (1687) в селе Чекуево¹¹⁷). Самая яркая особенность деревянного зодчества Поонежья – завершение церквей кубом, который по форме и очертаниям сродни бочке. На нижней Онеге сформировался оригинальный тип покрытия трехлопастной бочкой, представляющей собой систему из нескольких скомпонованных в одной плоскости бочек. Кроме того, в районе верхнего течения Онеги известен ряд достаточно редких построек с покрытием основного объема бочкой. В целом для деревянного зодчества Поонежья характерны формы, образованные на основе бочки, использовавшиеся в качестве завершений крупных архитектурных объемов и в качестве деталей.¹¹⁸

Использование бочек и композиций из них представлено несколькими примерами деревянных храмов XVII в., расположенных в центре России (церковь Никольского монастыря по рисунку Э. Пальмквиста,¹¹⁹ Успенская церковь (1671) в селе Подсосенье¹²⁰). Подобные решения встречаются и на Урале (Преображенская церковь (1707) из села Янидор) и в Сибири (Казанская церковь-часовня (1675) Илимского острога). Очевидно, что разнообразные приемы использования бочек были известны почти повсеместно и распространялись из центра страны. Строившиеся здесь храмы служили образцами для подражания или творческой переработки в провинциальном строительстве. Многочисленные примеры использования формы бочки в архитектуре Поонежья свидетельствуют, что в период расцвета данной традиции регион имел тесные связи с центральными областями. Это могло быть в XVI в., когда путь по Онеге, свя-

116. Забело С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. С. 184.

117. Там же. С. 46.

118. Бодэ А.Б. Архитектурная сокровищница Поонежья. М., 2005. С. 177–178.

119. Забело С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. С. 41.

120. Шургин И.Н. Исчезающее наследие. М., 2006. Рис. 7.4.

завывавший среднерусские земли и Поморье, был особенно оживленным, благодаря торговле солью. С последней четверти XVI в., в связи с централизацией международной морской торговли в Архангельске, основной транспортной артерией Русского Севера стала Двина.

Таким образом, распространение в Поонежье бочек и композиций, состоящих из них, мы связываем с московским влиянием. О раннем проникновении московских архитектурных традиций в Поонежье говорит еще и тот факт, что на их основе в конце XVII–XVIII вв. здесь сформировались собственные приемы, не встречающиеся в других регионах.

В развитии зодчества Поонежья мы видим собственно те же процессы, что и на северо-западных территориях. Приемы, сформировавшиеся под непосредственным влиянием каменного зодчества, а именно системы поставленных одна на другую бочек, которые аналогичны ступенчатым закомарам каменных церквей, в дереве оказались трудоемки в исполнении и неудобны в обслуживании. Распространившись в регионе, они не получили устойчивого применения, но послужили основой для развития ряда местных традиций.

Как мы уже отмечали, о древности деревянных церквей типа «восьмерик на четверике» свидетельствует географический разброс и многочисленность объектов первой половины XVII в. Кроме того, рассмотренные нами различия в архитектурных решениях и их аналогии с особенностями древнего новгородского и московского зодчества также позволяют предполагать, что этот архитектурный тип существовал в дереве и до XVII в.

Относительно происхождения церквей с основанием в виде «восьмерика на четверике», опять же на основании рассмотренных аналогий с каменным зодчеством, можно заключить, что их архитектурное решение является переработкой форм каменного одноглавого храма, происходившей в соответствии с тенденциями, общими для всего русского зодчества. Сказанное отнюдь не содержит утверждение, что в развитии деревянного зодчества преобладали влияния каменной архитектуры. Древнерусское деревянное и каменное зодчество являлись частями единой культуры и развивались вместе, органично дополняя друг друга на разных этапах по-разному. Важно, что на рассмотренном материале мы показываем принципиальное единство процессов формообразования в дереве и в камне.

ЦЕРКВИ С ШАТРОВЫМ НА КРЕЩАТОЙ БОЧКЕ ЗАВЕРШЕНИЕМ

Производной от простой бочки является крещатая бочка. Она образуется путем пересечения двух бочек под прямым углом. Применение крещатых бочек в деревянном церковном строительстве достаточно широко и разнообразно, хотя в чистом виде крещатые бочки как церковные завершения встречаются редко. Обычно они включаются в более сложные ярусные структуры завершений.

Одним из вариантов композиций с использованием крещатых бочек в дереве – так называемые шатровые на крещатой бочке завершения. Архитектурное решение всех известных объектов, имевших подобные завершения, в общих чертах одинаково. Высокие четверики завершаются повалами, поверх которых устроены полицы, т.е. основание четко отделяется от завершения. Над полицами возвышается шатер с врезанной в него крещатой бочкой, ориентированной по сторонам света. Торцы бочек находятся в плоскости стен, находящихся под повалом. На коньках бочек остается сравнительно немного места, поэтому боковые главы стоят близко к шатру. Крещатая бочка, шатер, главы образуют плотную компактную группу.

Рис. 35. Церковь Михаила Архангела (1685) Юромского погоста (справа).
Фотография начала XX в.

Церкви с шатровым на крещатой бочке завершением наибольшее распространение получили на отдаленных северо-восточных территориях – в бассейне рек Пинеги и Мезени. Однако исследования последних лет показывают, что подобные формы использовались и в храмовом строительстве Поважья, которое относится к центральной части европейского севера России.

Классическим образцом храма с шатром на крещатой бочке и одним из наиболее ранних известных примеров подобных построек считается церковь Михаила Архангела (1685) Юромского погоста на средней Мезени (рис. 35).¹²¹ Решение основного объема храма полностью соответствует приведенному выше описанию. Особенности этой церкви являются вытянутые вверх пропорции. Это относится и к самому шатру, и к главам, и к бочкам, килевидная часть которых сильно заострена. К основному четверику примыкают пятистенный алтарь и трапезная. Церковь Михаила Архангела известна нам по обмерам Ф.Ф. Горностаева и фотографиям конца XIX – начала XX в. Ансамбль в Юроте, который кроме рассмотренного храма, составляла Ильинская церковь (1727) и коло-

121. Красовский М. Курс истории архитектуры. Вып. 1. Деревянное зодчество. С. 256-259.

Рис. 36. Никольская церковь (XVII–XIX вв.)
в селе Сура. Фотография начала XX в.

колья, несомненно, был одним из самых красивых на Русском Севере.

Тем же 1685 г. датируется церковь Дмитрия Солунского в селе Челмохта на Северной Двине.¹²² По другим источникам церковь была построена в 1681 г.¹²³ Постройка отличается тем, что ее крещатая бочка была развернута по диагоналям основания. Вследствие чего выступающие части бочек получились более объемными и главы на них стояли более свободно.

Никольская церковь в селе Сура на Пинеге была построена в 1696 г. В 1894 г. она была перенесена на другое место. Отмечается, что при этом была укорочена трапезная, снижен шатер, растесаны окна.¹²⁴ Имеется старая фото-

графия, сделанная уже после переноса храма (рис. 36). Судя по пропорциям, формы основного сруба и алтаря остались без изменений. Может быть, даже и бочки перенесенной церкви сохраняют формы XVII в., но шатер, по сравнению с другими известными аналогичными постройками Пинеги и Мезени, занижен.

Церковь, завершенная шатром на крещатой бочке, существовала в селе Бестужево на реке Устье. К такому выводу пришли М.И. Мильчик и Ю.С. Ушаков, изучавшие историю храмового комплекса в Бестужево на различных строительных этапах. На иконе местного святого Прокопия Устьянского имеется изображение деревянной церкви, по предположению исследо-

122. Грабарь И.Э. История русского искусства. Т. 1. Деревянное зодчество. М., 1910. С. 395.

123. Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 41. СПб., 1911. С. 177.

124. Забело С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942. С. 128. Ил. 293.

вателей – Введенской церкви (1696).¹²⁵ Это приземистая постройка, над крещатой бочкой которой поднимается невысокий шатер с центральной главой. Однако на графической реконструкции исследователи показывают церковь с высоким шатром как на пинежско-мезенских аналогах.

Изображение церкви на иконе Прокопия Устьянского изобилует деталями, которые свидетельствуют о его реалистичности. Например, показано, что углы стен рублены в чашу, бочки и главы покрыты лемехом, на торцах бочек – причелины. Обратим внимание на слабо выраженный повал на основном срубе – едва заметное расширение, тогда как на приделе, покрытом бочкой, повал нарисован вполне отчетливо. Кроме того, рубленый торец бочки сливается с нижележащей стеной, тогда как при наличии крутого повала он отсекается полицами. Вопросом остается высота шатра Введенской церкви.

В Северодвинском поречье известны примеры устройства невысоких шатров в сочетании с окружавшим их многоглавием. Ильинская церковь (1659) в селе Чухчерьма¹²⁶ и Сретенская (1683) в селе Заостровье (рис. 13, вклейка) отличаются девятиглавыми завершениями, где центральная глава приподнята на небольшой шатер. Кстати и сами авторы реконструкции церкви в Бестужево приводят интересный отрывок из текста порядной второй половины XVII в. на строительство церкви в неизвестной Сухановской волости: «...верх срубить бочка с четырех сторон крестообразно и на тех бочках сделать четыре главы, а на середине учинить шатрик маленькой...».¹²⁷ Следовательно, в древности на крещатые бочки ставили и невысокие шатрики, подобные тому, что изображены на иконе и известны нам по перестроенным в XIX в. объектам (Никольская церковь в Суре).

Таким образом, вырисовывается еще один вариант решения шатрового на крещатой бочке верха: на четверике без повала, со слитными с нижележащими стенами торцами бочек и невысоким шатром.

По старинному рисунку известна Георгиевская церковь (1697) в селе Пильегоры на средней Пинеге. Шатер здесь также невысок, бочка показана слитной со стеной четверика, который не имеет повала.¹²⁸ Заметим, что низкие шатрики встречаются в архитектурном решении двух часовен, расположенных выше по течению реки недалеко от Пильегор

125. Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура Русского Севера. Страницы истории. Л., 1981. С. 69, 73.

126. Забело С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. С. 179-181. Ил. 396-400.

127. Цит. по: Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Указ. соч. С. 70.

128. Известия... Вып. 41. СПб., 1911. С. 131.

(Никольская в деревне Усть-Ёжуга¹²⁹ и Георгиевская в Шотогорке, обе начала XVIII в.). Эти часовни, в основании имеющие четверик, над четырехскатной крышей которого возвышаются укороченные шатрики. По видимому, церковь в Пильегорах – еще один пример низкого шатрового на крещатой бочке завершения, рассмотренного выше.

Покрытие в виде шатра на крещатой бочке, видимо, имел Благовещенский собор в Шенкурске (1697–1698). Опираясь на текст порядной, М.И. Мильчик и Н.И. Барулин графически реконструируют основной объем собора по известным пинежско-мезенским аналогам, хотя шатер здесь мог и не быть таким высоким. Текст порядной содержит много неопределенностей: «Бочки учинить каким переводом и колько, они ж, ключарь с товарищы велят. Крыть тесом или где чешуею плотно пять верхов или како велят... Средней верх зделать на шатре или как пристойне и прикажут...».¹³⁰ Замысел заказчиков строительства понятен, но многочисленные оговорки допускают, что реализоваться он мог и по иному.

Никольская церковь Чухченемского погоста (близ деревни Едома) относится к 1700 г.¹³¹ Решение ее типично для подобного рода построек: четверик, пятистенный алтарь, трапезная (рис. 37). В конце XIX в. здание ремонтировалось с подведением каменного фундамента и обшивкой стен. Завершение церкви отличалось стройными пропорциями. Интересной особенностью было покрытие бочек, шатра и глав лемехом, имевшим закругленный нижний край. Создавалось впечатление подобия рыбьей чешуи.

В селе Челмохта рядом с рассмотренным выше Дмитриевским храмом стояла церковь Рождества Богородицы (1709).¹³² Постройка отличалась несколько более приземистыми пропорциями по сравнению с соседней Дмитриевской церковью. Со стенами, покрытыми позднейшей обшивкой, и полуразрушенным завершением церковь дожила до 1990-х гг., но погибла от пожара. Возможно, под дощатым карнизом четверика не было повала, и Дмитриевская церковь оставалась единственной подобной постройкой. К сожалению, церковь в Челмохте принадлежит к числу объектов, исчезнувших и так и оставшихся мало обследованными.

Этой участи миновала Одигитриевская церковь в селе Кимжа на одноименной реке в низовьях Мезени (рис. 34, вклейка). Памятник об-

129. Мильчик М.И. По берегам Пинеги и Мезени. М., 1971. С. 79. В настоящее время часовня стоит с обрушившимся завершением.

130. Мильчик М.И. Деревянный собор Благовещения конца XVII века в Шенкурском остроге (по письменным источникам) // Народное зодчество. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 2004. С. 167.

131. Мильчик М.И. По берегам Пинеги и Мезени. С. 50.

132. Известия... Вып. 41. СПб., 1911. С. 177.

стоятельно исследован, известна его строительная история. Благословенная грамота на строительство храма была дана в 1700 г., к 1709 г. было окончено строительство, но освящена церковь была только в 1763 г., по-видимому, из-за затянувшейся отделки.¹³³

Интересным историческим документом является рисунок 1709 г., выполненный в связи с окончанием строительства и контролем Архиерейского духовного приказа.¹³⁴

Завершение церкви изображено в точности как оно было на самом деле: четверик завершается повалом, бочки отделены карнизом полиц, доминирует высокий шатер. Четкость прорисовки деталей на этом раннем рисунке косвенно подтверждает, что на рассмотренных выше изображениях церквей в Бестужево и Пильегорах их решения и пропорциональный строй представлены верно.

Одигитриевская церковь выделяется своей звонницей, надстроенной в XIX в. над западной частью здания. В ее завершении, выполненном в виде шатра на крещатой бочке, отразились пинежско-мезенские традиции. Покрытие глав церкви было выполнено закругленным лемехом также в соответствии со сложившимися местными традициями. Конструк-

Рис. 37. Никольская церковь (1700)
Чухченемского погоста (близ деревни Едома).
Фотография М.П. Волковой, 1970-е гг.

133. Лютикова Н.П. «Шатровая о пяти главах...» (новые материалы об Одигитриевской церкви в с. Кимжа Мезенского района Архангельской области) // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Межвуз. сборник. Петрозаводск, 1989. С. 136-145.

134. Там же. С. 139.

Рис. 38. Воскресенская церковь (1710) в селе Кеврола (справа). Фотография начала XX в.

ция верха Одигитриевской церкви сочетала рубленую и каркасную части. Крещатая бочка была рублена «в режь», а шатер держался на стропилах, нижние концы которых были вставлены между бревнами.

Воскресенская церковь (1710) в пинежском селе Немнюга (бывшая Кеврола) отличалась масштабом и величию архитектурного решения (рис. 38).¹³⁵ В древности здесь находился центр Кеврольского воеводства, о чем сейчас напоминает только название окола – Большой погост и сильно перестроенная вторая Благовещенская церковь XVIII в. Шатром на крещатой

бочке был покрыт не только основной Воскресенский храм, но и северный Ильинский придел, только завершался он не пятью, а одной главой.

Георгиевская церковь (1717) в пинежском селе Пиринемь имела решение, сходное с Воскресенской церковью в Кевроле. К основному храму с севера примыкал придел Параскевы, завершенный шатром на крещатой бочке и одной главой.¹³⁶ Придельные церкви с подобным одноглавым завершением были не редкостью в Пинежско-Мезенском крае. Таковым был и придел Ильинской церкви (1727) Юромского погоста.

Общая структура и пропорциональный строй Воскресенской церкви в Кевроле, Георгиевской в Пиринемь и Рождества Богородицы в Мезени (рис. 39)¹³⁷ примерно одинаковы. Они не такие стройные, как церковь

135. Забело С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. С. 130. Ил. 295-296.

136. Ушаков Ю. С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. Л., 1982. С. 136.

137. Известия... Вып. 41. СПб., 1911. С. 88.

Рис. 39. Церковь Рождества Богородицы (1718) в Мезени.
Фотография начала XX в.

Михаила Архангела в Юrome, но все же обладают четко выраженным башнеобразным характером. В более поздней постройке – Троицкой церкви (1781) в селе Лампожня пропорции уже иные.¹³⁸ Основной четверик приземист и широк настолько, что с восточной стороны к нему примыкают два алтарных прируба. Шатер сохраняет свою высоту, из-за широкого основания крещатая бочка более размашиста и боковые главы расставлены более широко. Образ постройки иной – это уже не башня, а пирамидальный объем.

Рассматриваемый ряд шатровых на крещатой бочке храмов завершает Ильинская церковь, стоящая около Веркольского монастыря на Пинеге (рис. 35, вклейка). Она была построена в XIX в. и является возобновлением своей предшественницы XVII в.¹³⁹ По общему архитектурному решению церковь, видимо, повторяет предшествующую постройку, но первоначальный пропорциональный строй храма, очевидно, был иной. Завершение заметно измельчено относительно основания.

В самом Веркольском монастыре были тоже две подобные церкви – Никольская церковь (1697) и св. Артемия (1713). Об их архитектуре

138. Забело С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. С. 129. Ил. 294.

139. Мильчик М.И. По берегам Пинегы и Мезени. С. 39-40.

мы можем судить по иконописному изображению.¹⁴⁰ Одна из них имела одноглавое завершение, другая – пятиглавое.

Итак, вырисовываются два варианта завершений, сочетающих крещатые бочки с шатрами. Основные различия между ними это наличие повала на четверике и пропорциональный строй. В первом варианте торцы бочек являются продолжением нижележащих стен, во втором – торцы бочек отделяются от них повалом и полицами. Кроме того, первое решение сочеталось с низким шатром, а второе – преимущественно с высоким.

Происхождение крещатых бочек легко связывается с решениями, выработанными в каменном зодчестве. Как бочки подобны цилиндрическому своду с килевидным верхом, так две перекрещивающиеся бочки аналогичны структуре покрытия одного компартимента крестово-купольного храма. Затруднительность прямого воспроизведения в дереве форм покрытий каменных храмов породило их разнообразные интерпретации. Преобладание получило использование крещатых бочек в качестве перехода от основания к верхнему столпообразному ярусу. Собственно ту же композиционную роль играют и закомары каменных храмов – переход от основания к главе (главам) или от одного яруса к другому на башнеобразных шатровых церквях.

В деревянном зодчестве есть примеры покрытий основного объема крещатыми бочками, что является сильным упрощением по сравнению с решениями каменных храмов. Покрытие ярусами крещатых бочек – это уже не упрощение решений, свойственных каменному зодчеству, а их переработка применительно к особенностям дерева как строительного материала. Завершения деревянных церквей шатром на крещатой бочке – это уже более смелая интерпретация форм, некогда появившихся под влиянием каменного московского зодчества.

Заметим, что среди рассмотренных вариантов решений шатровых на крещатой бочке завершений, храмы с бочками, слитными со стенами четверика, и низкими шатрами по образу более приближены к каменным церквям. Здесь бочки еще сохраняют композиционную связь со стеной и некое подобие закомарам. Шатры с крещатыми бочками над повалом и полицами представляют собой уже чисто декоративное завершение основного объема. Показателен в этом отношении характер распространения рассмотренных выше объектов. Местоположение церквей с низкими шатрами и без повалов приближено к центру страны, откуда и распространялись влияния образцов. Чем дальше мы удаляемся на север, тем встречаем более вольные переработки исходных мотивов.

140. Мильчик М.И. Веркольский монастырь в иконографии XVII–XVIII вв. // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1986. Л., 1987. С. 487-496.

Пинежско-мезенские храмы с шатрами на крещатой бочке уникальны по своей выразительности, остроте силуэта, силе художественного образа. Усиление их высотности по сравнению с аналогами, расположенными южнее (в Поважье), по-видимому, еще связано с разнообразным составом северо-восточных окраин. Подобное явление, выразившееся в расширении храмового столпа за счет промежуточных повалов, характерно и для западного Прионежья, где также соседствовали несколько этносов.¹⁴¹

Ныне от бывшего величия пинежско-мезенских храмов практически ничего не осталось. Церковь Чухченемского погоста стоит без завершения, которое было разобрано в конце XX в. ввиду его аварийного состояния. До недавнего времени церковь в Кимже была единственным на Русском Севере памятником, сохранявшим в подлинности свое завершение в виде шатра на крещатой бочке. Сейчас осуществляется реставрация церкви с переборкой, и будет ли в итоге сохранена аутентичность памятника – вопрос открытый. Остается церковь близ Веркольского монастыря, но, как уже отмечалось, это постройка поздняя, и ее художественный образ лишен цельности и выразительности, свойственной храмам конца XVII – начала XVIII вв.

141. Орфинский В.П., Гришина В.П. Типология... С. 46-47.

ЦЕРКВИ С КУБОВАТЫМИ ПОКРЫТИЯМИ

Кубоватым или кубастым обычно называют квадратное в плане покрытие, образуемое пересечением двух бочек и имеющее одинаковый для всех фасадов здания силуэт, напоминающий крупную луковичную главу. Этим же термином иногда называют не только квадратные в плане, но и близкие им по силуэту восьмигранные покрытия. На самом деле, кубоватые завершения и аналогичные им по силуэту восьмигранные являются различными архитектурными формами. Первое и самое существенное различие между ними – это форма плана, второе – завершение главами. Пятиглавие типично для кубоватых покрытий, восьмигранные покрытия венчались одной главой.

Наиболее четко определял кубоватые покрытия как четырехгранные формы М.В. Красовский.¹⁴² И.Э. Грабарь, А.В. Ополовников, Ю.С. Ушаков допускали несколько вольное отношение к определениям. Учитывая отмеченную разницу между близкими по очертаниям, но квадратными и восьмигранными в плане формами, а также их различные ареалы, и во

142. Красовский М. Курс истории архитектуры. Вып. 1. Деревянное зодчество. Пг., 1916. С. 282.

избежание терминологической путаницы, кубоватыми мы называем только четырёхгранные завершения.

Храмы с кубоватыми завершениями составляют наиболее яркую особенность деревянного зодчества Поонежья и побережья Онежской губы Белого моря. Строительство их прослеживается с последней трети XVII в. и вплоть до последней четверти XIX в.

Самой ранней известной кубоватой постройкой считается Пятницкая церковь (1666) в селе Шуерецкое (рис. 40). Она отличалась от других кубоватых церквей по масштабу, пропорциям, форме покрытия. Ее куб был сильно вытянут вверх и завершался единственной главой. По ребрам куба были поставлены декоративные кокошники, но располагались они необычно

– по два, один над другим. Согласно историческим источникам, выявленным Е.Б. Заручевской, Пятницкая церковь вместе с рядом стоявшей Никольской в середине XVIII в. были перестроены. Допускается, что Пятницкая церковь первоначально имела иное покрытие, возможно – бочкой.¹⁴³

Некоторые исследователи, например Г.В. Алферова,¹⁴⁴ считали, что кубоватые церкви могли существовать раньше, чем это представлено известными объектами. Автор настоящей работы, основываясь на отличиях Пятницкой церкви от других кубоватых храмов, предполагал, что это первый пример использования куба в качестве церковного завершения.¹⁴⁵ Однако сейчас при более внимательной оценке архитектурных решений кубоватых церквей в зависимости от их местоположения, представляется,

Рис. 40. Пятницкая церковь (XVII–XVIII вв.) в селе Шуерецкое. Фотография начала XX в.

143. Заручевская Е.Б. Василий Корсаков и его храмы // Деревянное зодчество. Новые исследования и открытия. М. – СПб., 2010. С. 158.

144. Алферова Г.В. Каргополь и Каргополье. М., 1979. С. 47.

145. Бодэ А.Б. Деревянное зодчество Русского Севера. Архитектурная сокровищница Поонежья. М., 2005. С. 52.

Рис. 41. Никольская церковь (1678) в селе Бережная Дуброва.

Фотография начала XX в.

что особенности Пятницкой церкви могут объясняться и ее расположением на периферии ареала. Выводы Е.Б. Заручевской усугубляют сомнения.

Кроме того, следующая кубоватая церковь – Вознесенская (1669) в селе Кушерека представляет собой полностью сформировавшийся тип четверикового храма с кубоватым верхом, имеющий среди более поздних построек немало аналогов (рис. 36, вклейка). Между архитектурными решениями церквей в Шуерецком и Кушереке слишком большая разница при столь малом временном промежутке, чтобы видеть в них последовательные звенья одной эволюционной цепи. Выразительность архитектуры Вознесенской церкви построена на контрасте лаконичного рубленого основания и пластичного декоративного верха. Это, пожалуй, самая красивая кубоватая церковь, храм-башня, столп.

Сретенская церковь (1677) в селе Чекуево известна по единственной фотографии, сделанной В.В. Суловым в 1886 г.¹⁴⁶ и составленному им описанию.¹⁴⁷ Церковь была утрачена еще в конце XIX в. По архитектурному решению основного объема и пропорциональному строю она очень близка к церкви в Кушереке.

Один из немногих кубоватых храмов, сохранившихся до наших дней, – Никольская церковь (1678) в селе Бережная Дуброва (рис. 41). Древнейшую часть здания составляет массивный четверик и почти равный ему по ширине двухчастный алтарь, покрытый бочкой очень больших раз-

146. Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. Л., 1982. С. 117.
 147. Сулов В.В. Древние деревянные церкви Северных губерний. Церковь в селе Чекуево // Художественные сокровища России. 1901. №4. С. 54.

Рис. 42. Преображенская церковь (1687) в селе Чекуево.

Фотография начала XX в.

меров. Завершение Никольской церкви отличается особой сложностью. По рёбрам куба традиционно размещены боковые главы. В верхнюю половину куба врезана крещатая бочка, на коньках которой поставлены ещё четыре главы меньшего размера. Центральная глава приподнята на квадратный в плане постамент.

Кубоватая Климентовская церковь (1685) в селе Пияла входила в состав храмового комплекса.¹⁴⁸ К основному четверику храма примыкали прямоугольный алтарь и трапезная, представлявшая собой самостоятельный сруб. Четверик церкви завершался кубом, отличавшимся очень большими размерами.

Преображенская церковь (1687) в селе Чекуево¹⁴⁹ отличалась тем, что основу здания составлял крещатый сруб, несущий четверик с кубоватым верхом (рис. 42). Каждая ветвь крещатого сруба была покрыта двумя поставленными одна на другую бочками, нижние из которых несли главы. Подобный архитектурный приём, характерен для некоторых более ранних крещатых шатровых церквей Поонежья и Беломорья (Вознесенская церковь (1651) в селе Пияла, Успенская (1674) в селе Варзуга). В архитектуре Преображенской церкви пластика верха выражена с особой полнотой. Бочки и кокошники создают мощную аранжировку кубоватому завершению, несущему пять крупных глав.

148. Забело С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942. Ил. 8.

149. Там же. С. 46.

Рис. 43. Климентовская церковь (1695) погоста Усть-Кожа. Фотография начала XX в.

Климентовская церковь (1695) погоста Усть-Кожа¹⁵⁰ по пропорциям напоминает Вознесенскую церковь в Кушереке и Сретенскую в Чекуево. Стройный четверик с выразительным повалом также завершается крупным кубом с компактным пятиглавием, декорированным кокошниками (рис. 43). Только Климентовская церковь отличается сравнительно небольшими размерами.

Петропавловская церковь в селе Вирма определенной датировки не имеет. По сведениям духовной консистории она построена в 1659 г. Надпись на кресте говорит об освящении храма в 1696 г.¹⁵¹ В.П. Орфинский относит памятник к 1696 г.¹⁵² А.В. Ополовников считал наиболее вероятной датой постройки церкви середину XVIII в.¹⁵³ Особенности архитек-

турного решения памятника также не позволяют уточнить время его постройки: невысокий четверик характерен для кубоватых церквей XVIII в., кубоватое по-

крытие, по ширине приближенное к основанию, в сочетании с крупными главами, напротив, свойственно постройкам последней трети XVII в.

Также несколько неопределенную датировку имеет Тихвинская церковь в селе Верховье. Есть сведения о ее постройке в 1675 г. Здание перестраивалось в 1783 г. После очередной перестройки храм был

150. Там же. Ил. 337-340.

151. Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 39. СПб., 1911. С. 141-142.

152. Орфинский В.П., Гришина И.Е. Типология деревянного культового зодчества Русского Севера. Петрозаводск, 2004. С. 193.

153. Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. Памятники шатрового типа. Памятники клетского типа и малые архитектурные формы. Памятники ярусного, кубоватого и многоглавого типа. М., 1986. С. 255.

вновь освящен в 1865 г.¹⁵⁴ Основной сруб церкви в Верховье отличался сложной ярусной структурой. Покрытие его нижней части было похоже на крещатое, но усеченное с восточной стороны, где примыкал пятистенный алтарь, по ширине равный верхнему четверику. Подобные решения основных объемов, являющиеся преобразованием правильных крещатых срубов, мы встречаем во второй половине XVIII в.¹⁵⁵

Кубоватые храмы последней трети XVII в., расположенные в районе нижней Онеги, отличаются наиболее выразительными архитектурными решениями. Для них характерны высокие четверики, где высота превосходит длину стороны более, чем в полтора раза. Кубоватые завершения по ширине равны четверику или даже превышают его. Очертания куба пластичные, напоминающие луковичные главы с подтянутой нижней частью. Завершаются кубы компактно стоящими пятью достаточно крупными главами. Все эти признаки определяют типичный для того времени облик кубоватого храма.

Уже в этот период заметны различия между архитектурными решениями церквей в основной части ареала и на его окраинах. Так, церковь в Бережной Дуброве находится в среднем течении Онеги и обладает наиболее сложной структурой верха. Церковь в Шуерецком, отстоявшая далеко на запад, напротив, имеет упрощенное решение.

В XVIII в. ареал распространения кубоватых церквей расширяется. Он охватывает все Поонежье вплоть до верховьев и даже немного выходит за пределы бассейна Онеги. В первой половине столетия архитектурно-художественные качества кубоватых церквей по сравнению с XVII в. заметно снижаются. Постройки этого периода не обладают былой стройностью и изяществом. Особенно это заметно на примере кубоватых церквей верхней Онеги. Кубы формально повторяются в архитектурных решениях многих поонежских церквей, но композиционной роли верха и его декоративной обработке уже не придается столько значения, как в предшествующем столетии.

Характерным примером кубоватого храма XVIII в. является церковь Архангела Михаила в селе Архангело, построенная в 1715 г. (рис. 37, вклейка).¹⁵⁶ К основному массивному четверику примыкают два прируба. Кубоватое покрытие уменьшено относительно основания и завершено пятью некрупными главами.

154. Кольцова Т.М. Иконы северного Поонежья. М., 2005. С. 161.

155. Бодэ А.Б. Указ. соч. С. 86-87.

156. В некоторых изданиях эта церковь ошибочно именуется Сретенской. Храмовый комплекс в селе Архангело включает две церкви – рассматриваемую Михаило-Архангельскую и Сретенскую, построенную в 1803 г.

Рис. 44. Церковь Алексия Человека Божьего (1721) в деревне Куртяево. Фотография начала XX в., предоставлена И.Н. Шургиным

Церковь Алексия Человека Божьего (1721) в деревне Куртяево, которая находится не в Поонежье, а прилегает к западному берегу Двинской губы, выделяется среди других кубоватых церквей своим одноглавым завершением (рис. 44).

Троицкая церковь (1724) в селе Пабережское, известная по снимкам А.А. Каретникова¹⁵⁷ и краткому описанию,¹⁵⁸ отличалась более сложным решением и величиной. Церковь была двухэтажная, четырёхпрестольная. Алтарные прирубы были перекрыты крупной растянутой по поперечной оси здания бочкой. Возможно, северный придел был пристроен позже.

Троицкая церковь (1727) в селе Подпорожье отражает дальнейшее усложнение объемной композиции поонежских кубоватых храмов. К основному четверику, завершенному кубом с пятиглавием, с северо-восточной стороны был пристроен Богоявленский придел, также покрытый кубом, но имевшим только одну главу. В основании всех глав, включая придел, располагались декоративные кокошники, ориентированные

157. Каретников А.А. Деревянное церковное строительство. Архангельск, 2010. С. 83, 85.

158. Известия... В. 41. СПб., 1911. С. 108.

по сторонам куба. Это последняя известная кубоватая церковь, где были использованы кокошники в основании глав.

Вершиной развития кубоватых храмов XVIII в. являются Владимирская церковь (1757) в селе Подпорожье (рис. 39, вклейка) и близкая ей по архитектуре Преображенская церковь (1786) в селе Турчасово. Владимирская церковь трёхпрестольная, южный придел Никольский, северный – Пятницкий. Композиция здания развита на основе крещатого плана. Северная, западная и южная ветви основания прямоугольны и покрыты бочками. Восточная часть образована тремя смежными одинаковыми пятистенными алтарными прирубам, объединёнными большой трёхлопастной бочкой. Над средней частью основания возвышается четверик, завершающийся кубом с пятью главами. Центральное пятиглавие и приподнятые на небольших шатрах боковые главы образуют очень выразительную пирамидальную девятиглавую структуру завершения.

Преображенская церковь в Турчасово (рис. 38, вклейка) по общей объёмно-пространственной структуре близка к Владимирской. Выступающие части основания также покрыты бочками, алтарные прирубы – трёхлопастной бочкой, только главки на них не подняты на шатры, а врезаны прямо в коньки кровель. Куб Преображенской церкви в верхней части имеет волнообразные очертания граней и по силуэту несколько напоминает трёхлопастную бочку.

Группа кубоватых церквей, близких друг другу по времени строительства и архитектурному решению, находится на верхней Онеге недалеко от Каргополя. Среди них церковь Рождества Богородицы (1750) Ольгинского прихода,¹⁵⁹ Покровская церковь (1758) Ольховского погоста,¹⁶⁰ Ильинская церковь (1777) в селе Устьволгское (рис. 45).¹⁶¹ Эти постройки отличаются массивными основными четвериками, невысокими растянутыми по ширине кубами с пятиглавым верхом.

Под Каргополем сохранилась только одна кубоватая Никольская церковь в селе Нокола на озере Лача, датируемая XVIII в.¹⁶² Правда, сейчас она лишена завершения. На старой фотографии, хранящейся в

159. Шайжин Н. Сведения о церквях Олонецкой епархии, построенных ранее XIX столетия // Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников Московского археологического общества. Т. 5. М., 1911. С. 89; Известия... Вып. 52. Пг., 1914. С. 160. Старинная фотография храмового комплекса Ольгинского прихода хранится в Каргопольском государственном историко-архитектурном и художественном музее.

160. Известия... Вып. 55. Пг., 1914. С. 17.

161. Там же. С. 170.

162. Гунн Г.П. Каргопольский озерный край. М., 1984. С. 21.

Рис. 45. Ильинская церковь (1777) в селе Устьволгское.
Фотография начала XX в.

Каргопольском музее, можно увидеть небольших размеров куб, завершающий четверик, отличающийся чуть более стройными пропорциями.

Единственная постройка с кубоватым верхом, расположенная далеко от Онеги и даже не в бассейне Белого моря, – это Ильинская церковь (1798) Ильинско-Водлозёрского погоста (рис. 46). Высокий четверик завершается небольшим кубом с одной главой. Четыре стройные боковые главки размещены не на ребрах куба, как обычно, а на полицах. В облике храма доминирует монументальный четверик, кубоватому покрытию отводится достаточно скромная композиционная роль. Водлозеро расположено между Онежским озером и Онегой, но исторически оно тесно связано с Поонежьем. Водлозёрская волость в XVI–XVII вв. входила в состав Каргопольского уезда. Проходивший здесь древний новгородский путь в Заволочье после объединения русских земель ещё долго сохранял местное значение. Покрытие Ильинской церкви, несомненно, появилось в результате влияния архитектурных традиций Поонежья.

Традиция возведения кубоватых церквей не угасает и в XIX в. В 1801 г. было завершено строительство Никольской церкви в селе Надпорожье. Это было очень крупное сооружение, по структуре напоминающее церкви в Подпорожье и Турчасове, но с некоторым упрощением форм.

Рис. 46. Ильинская церковь (1798) Ильинско-Водлозёрского погоста, Карелия. Фотография автора

Никольская церковь в поморской деревне Унежма датируется 1824–1826 гг.¹⁶³ Церковь в Унежме небольшая, одноглавая, кубоватое покрытие невысокое. С более ранними кубоватыми завершениями его роднят выпуклые боковые части, придающие постройке силуэт, характерный для храмов Поонежья.

К середине XIX в. относятся две схожие друг с другом церкви – Вознесенская в селе Вазенцы¹⁶⁴ (утрачена) и Никольская в деревне Сырья (рис. 47). По своему облику они существенно отличаются от более ранних кубоватых церквей: основание еще более занижено, кубоватое покрытие с единственной главой на постаменте по очертаниям приближено к форме купола.

Среди поздних кубоватых храмов выделяется Богоявленская церковь в селе Поле, построенная в 1852–1857 гг. Она обладает также приземистым основанием, но ее кубоватое покрытие по величине и пластичным очертаниям повторяет лучшие образцы XVII в. Правда завершался куб дощатым постаментом и главкой, которая ныне утрачена.

163. Федосеева Е.Е. Архитектурный ансамбль Унежемского прихода // Деревянное зодчество. Вып. 1. Новые исследования и открытия. М. – СПб., 2010. С. 201-226.

164. Известия... Вып. 41. СПб., 1911. С. 94.

Рис. 47. Никольская церковь (сер. XIX в.) в деревне Сырья, Архангельская обл. Фотография автора

Еще более поражает Преображенская церковь (1878) в поморской деревне Нименьга. Это поистине грандиозное двухэтажное сооружение с двухсветным верхним храмом. Массивное основание несет кубоватое покрытие, в очертаниях которого просматривается традиционная пластика, но вследствие своей величины куб чрезмерно растянут по ширине.

Кубоватое покрытие присутствует в архитектурном решении Спасской церкви в Каргополе «на Валушках». Хотя строительство церкви относится к 1662 г.,¹⁶⁵ здание перестраивалось с разборкой в 1905 г.¹⁶⁶ Облик Спасской церкви, зафиксированный на фотографиях начала XX в.,¹⁶⁷ по-видимому, далек от первоначального. Небольшим кубом здесь покрыт четверик-ярус над срубом молитвенного помещения.

Решения кубоватых церквей, расположенных за пределами Поонежья, как мы видим на примере построек XVIII в., отличаются от тех, что возводились по берегам Онеги. Не исключено, что и восьмигранные луковцеобразные завершения, характерные для среднего течения Двины и Поважья, являются переработкой формы куба применительно к распространенным там восьмигранным церковным срубам. Ареал их распростране-

165. Шайжин Н. Указ. соч. С. 87.

166. Известия... Вып. 52. Пг., 1914. С. 153.

167. Там же. С. 158.

ния включает часть бассейна Северной Двины, прилегающую к Поонежью.

Таким образом, на протяжении всего известного периода строительства кубоватых церквей нижняя Онега остается центром распространения традиции. В этом районе сформировались и отличались особой устойчивостью приемы, типичные для устройства кубоватых покрытий. По мере удаления от нижней Онеги решения кубоватых церквей меняются, отступая от онежских образцов, причем везде по-разному.

Если распространение кубоватых церквей видится вполне отчетливо, то происхождение их несколько неопределенно. Отмечалось, распространение кубоватых покрытий связано с заменой шатра на иные типы завершений в силу требований высшего духовенства. Однако массовое возведение церквей с шатровыми завершениями на Севере вплоть до конца XVIII в. не позволяет однозначно связывать появление кубоватых покрытий с церковными реформами, на что справедливо указывали многие исследователи деревянного зодчества.

Предположение И.Э. Грабаря об украинском влиянии на образование формы куба выглядит неправдоподобно. Сводчатые, по очертаниям близкие к кубоватым завершения в деревянном зодчестве Украины, действительно, имели широкое распространение. Но это были преимущественно восьмигранные формы – так называемые «бани». Четырехгранные покрытия в большинстве своём были прямоскатные в виде приземистых шатров, а если криволинейные, – то небольшие по величине, сочетавшиеся с ярусной структурой основания.

М.В. Красовский полагал, что «форма куба настолько проста и так близка к луковичным главам и бочкам наших церквей, что легко могла зародиться на русской почве сама собой, без каких-либо посторонних влияний».¹⁶⁸ А.В. Ополовников появление куба связывал с общим поворотом русской эстетики XVII в. в сторону большей живописности.

Кубоватые завершения ранее последней трети XVII в. не встречаются ни на каменных, ни на деревянных храмах. Единственным известным примером использования кубоватых покрытий в гражданской архитектуре является деревянный царский дворец в Коломенском, в комплекс которого входила завершавшаяся кубом столовая палата, построенная в 1681 г. Саввой Дементьевым, крепостным боярина И.П. Шереметьева.¹⁶⁹

Некоторые исследователи проводили параллель между кубоватыми церквями и хоромами.¹⁷⁰ В развитии хоромной и культовой архитекту-

168. Красовский М. Указ. соч. С. 273.

169. Забело С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. С. 208.

170. См., например: Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. Памятники шатрового типа. Памятники клетского типа и малые архитектурные формы. Памятники ярусного, кубоватого и многоглавого типа. М., 1986. С. 254.

ры, несомненно, присутствовали одни и те же тенденции, выражавшиеся в пластическом и декоративном усложнении завершений, что в целом соответствовало общей направленности в русском зодчестве второй половины XVII в. Церковные постройки в то время обильно насыщаются декоративными деталями, в том числе заимствованными и из гражданской архитектуры. И все же кубоватые завершения, так же как и бочки, были достаточно непривычной для церковного здания формой.

Вопрос происхождения кубоватых церквей, по-видимому, надо рассматривать в контексте развития архитектурных традиций Поонежья. Характерной особенностью поонежских и поморских крещатых шатровых храмов в период до последней трети XVII в. было покрытие выступающих частей основания системой поставленных одна на другую бочек, сочетающееся с обработкой декоративными кокошниками (Никольская церковь Александро-Ошевенского монастыря середины XVI в. по иконописным изображениям XVII в.,¹⁷¹ Вознесенская церковь (1654) в селе Пияла, Климентовская церковь (1501 или XVII в.) в селе Уна¹⁷²). Устройство отдельных диагонально ориентированных кокошников в Поонежье и на побережье Онежской губы Белого моря нашло применение в архитектурном решении шатровых церквей и колоколен с основанием в виде восьмерика на четверике (Никольская церковь (1618) в селе Пурнема, церковь Иоанна Златоуста (1665) в селе Саунино, колокольни в деревнях Макарьинской,¹⁷³ Унежме¹⁷⁴).

Основной отличительной особенностью деревянного культового зодчества Поонежья до последней трети XVII в. было широкое применение бочек и кокошников в качестве покрытий соподчинённых объёмов и деталей. Предполагается, что именно это и послужило причиной появления здесь формы куба как церковного завершения¹⁷⁵.

Важным подтверждением генетической связи куба и бочки служит упоминаемая Е.Б. Заручевской порядная запись на реконструкцию Пят-

171. Мильчик М.И. Северный деревянный монастырь на иконах XVII–XIX вв. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978. Л., 1979. С. 333–346.

172. Забело С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. С. 93. Ил. 205–207.

173. Колокольня в деревне Макарьинской (погост Усть-Кожа) датируется началом XVIII в. или более обобщенно XVII–XVIII вв. (Орфинский В.П., Гришина И.Е. Указ. соч. С. 199).

174. Колокольня в Унежме В.В. Сусловым была датирована ориентировочно XVII в. (Памятники древнего русского зодчества. Сост. Суслов В.В. Вып. 1. СПб., 1895. Табл. 1–18). Эта дата повторена во многих изданиях, однако архивные данные, выявленные Е.Е. Федосеевой, относят время ее постройки к 1792 г. (Федосеева Е.Е. Указ. соч. С. 203.).

175. Бодэ А.Б. Указ. соч. С. 165–173.

ницкой церкви в Шуерецком середины XVIII в., где куб назван «бочкой на четыре ската».¹⁷⁶ Собственно такое же определение мы встречаем у И.Н. Шургина, высказанное независимо от Е.Б. Заручевской: «бочка на четыре ската (или пучины)»¹⁷⁷.

Небезосновательно и сопоставление четвериковых кубоватых церквей с каменными бесстолпными храмами, завершившимися горкой кокошников.¹⁷⁸ Образное сходство между ними очевидно, и нельзя не согласиться с тем, что на формообразование завершений кубоватых храмов также оказывала влияние архитектура каменных посадских храмов середины – второй половины XVII в. Достоверно неизвестно, применялась ли форма куба в качестве церковного завершения в деревянном зодчестве среднерусских земель, но отсутствие подобных решений в других регионах страны склоняет к мысли, что нет. Особая устойчивость использования кубоватых покрытий в культовом зодчестве нижней Онеги в XVII–XIX вв. и различные изменения в архитектурных решениях кубоватых церквей на окраинах ареала свидетельствуют о том, что это местная традиция.

Появление и локальное распространение кубоватых церквей органично вписывается в общий ход развития традиционного деревянного зодчества Севера. В последней трети – четверти XVII в. черты местного своеобразия в деревянном зодчестве Севера проявляются особенно ярко. Развивавшиеся местные направления соответствуют общим для всей русской архитектуры тенденциям – распространению новых типов завершений, всё большему проникновению светского начала, повышенному интересу к декоративному убранству зданий. В XVIII в. деревянное зодчество Поонежья продолжает своё развитие в рамках традиционной народной культуры, переживая второй период расцвета во второй половине столетия.

176. Заручевская Е.Б. Указ. соч. С. 158.

177. Шургин И.Н. О возможных путях образования кубоватой формы завершений деревянных храмов // Ильинский погост: история, архитектура, эстетика, этнография. Петрозаводск, 2009. С. 53.

178. Там же. С. 52-62.

ЦЕРКВИ С ЛУКОВИЦЕОБРАЗНЫМИ ОДНОГЛАВЫМИ ЗАВЕРШЕНИЯМИ

Известный исследователь русского деревянного зодчества В.В. Суслов, проезжая в конце XIX в. поселения Поважья, в числе характерных архитектурных особенностей отмечал, что здесь встречаются церкви с основанием в виде восьмерика на четверике и луковицеобразным верхом.¹⁷⁹ Отдельные поважские деревянные церкви представлялись в обобщающих работах по деревянному зодчеству.¹⁸⁰ Однако нет ни одной публикации, специально посвященной деревянной культовой архитектуре Поважья. В районе среднего течения Ваги в окрестностях Вельска сохранилась значительная группа церквей типа «восьмерик на четверике» с восьмигранным луковицеобразным покрытием и одной главой. Причем эта форма покрытия так и не получила определенного названия. Ее называют «баня» (термин, взятый из украинского зодчества), «пучина», «купольный шатер».

179. Суслов В.В. Очерки по истории памятников древнерусского зодчества. О древних деревянных постройках северных окраин. СПб., 1889.

180. См., например: Забело С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942. С. 143.

Рис. 48. Церковь Рождества Богородицы (1764) в деревне Никифорово.
Фотография XX в.

Самая ранняя из рассматриваемых построек – Ильинская церковь (1756) в селе Ростовское расположена на левом берегу реки Вель недалеко от Вельска (рис. 40, вклейка). В плане здание образует трехчастную структуру, состоящую из разновеликих объемов: широкая трапезная, четверик молитвенного помещения, пятистенный алтарь. Основной четверик завершается повалом, отделяющим нижний сруб от вышележащего восьмерика. В интерьере четверик и восьмерик образуют единое трехсветное пространство. Снаружи стены церкви покрыты позднейшей обшивкой, луковичеобразное завершение и главка имеют металличе-

ское покрытие. Церковь находится в относительно хорошем состоянии. По крайней мере, она более или менее защищена уцелевшей кровлей. Внутри сохраняется каркас иконостаса стоечно-балочной конструкции с ордерными элементами.

Деревня Никифорово расположена сравнительно недалеко от Ростовского на берегу небольшой реки Пезмы, так же как и Вель, впадающей в Вагу. Церковь Рождества Богородицы (1764) обладает близким архитектурным решением с тем отличием, что ее трапезная по ширине равна основному четверику. Памятник находится в плохом состоянии: покрытие основного сруба провалилось внутрь, почти разрушилось покрытие алтаря, стены угрожающе покосились. По старой фотографии, хранящейся в Вельском краеведческом музее, видно, что церковь имела луковицеобразное одноглавое завершение, покрытое железом (рис. 48). Стены церкви обшиты досками и окрашены охрой. Интересной деталью является роспись в два цвета на повале-карнизе четверика и восьмерика.

Сейчас обшивка во многих местах утрачена и обнаружались следы более ранних строительных этапов. Больше всего их в трапезной. На южной стене есть след от первоначального небольшого косячатого окна, на западной стене – следы от крыльца и галереи. Под свесом кровли видны следы от куриц – элементов безгвоздевой конструкции покрытия. Внутри на западной стене сохранились следы потолка по балкам из досок-плах внахлест. Однако многие следы первоначальных деталей оказываются не на своих местах. Это свидетельствует о том, что здание перебиралось, и при этом некоторые бревна заняли не свои места. Это особенно заметно по внутренней отеске стен. В основном четверике также имеются старые бревна со следами первоначальных оконных проемов, но здесь сруб включает большое число новых вставок, причем плохо подогнанных. Очевидно, что сруб собирался сразу под обшивку. Следовательно, эта переборка производилась на последнем строительном этапе, видимо, в середине – второй половине XIX в. Возможно сруб молитвенного помещения первоначально имел вообще другую форму.

Никольская церковь (1790–1792) в деревне Гридинская (Гора) отделена от Вельска примерно на 60 км (рис. 41, вклейка). Деревня находится в стороне от основных дорог на берегу маленькой речки Елюги. Общее архитектурное решение памятника такое же, как и церкви в Никифорово, но вся постройка поднята на подклет. В связи с этим было устроено высокое крыльцо, расположенное по продольной оси с западной стороны. От него сохранились только выпуски бревен, поддерживавшие верхнюю площадку, а на стене – следы от двухскатного покрытия. Стены здания имеют обшивку, кровли алтаря, трапезной, полец – металлические, но на

Рис. 49. Воскресенская церковь (1791) в селе Козловское (Ракуло-Кокшеньгское), Архангельская обл. Фотография автора

луковицеобразном завершении сохранилось старое покрытие лемехом со следами окраски в зеленоватый цвет. В тех местах, где утрачена обшивка, видно, что высокие окна имеют косячатое обрамление с выразительными затесками, т.е. они не растесывались, и величина их первоначальная. Церковь отличается очень красивым подчеркнуто пластичным очертанием верха.

Село Козловское (Ракуло-Кокшеньгское) расположено на берегу реки Кокшеньги. Сохранившаяся здесь Воскресенская церковь 1791 г., обладая аналогичной общей структурой и формой завершения, отличается очень большими размерами (рис. 49). Здание двухэтажное и, кроме того, поднято на высокий подклет, имеет значительную ширину, соответственно большое молитвенное помещение, трехчастный алтарь со сложной многогранной восточной стеной. Судя по выпускам бревен, раньше на второй этаж вела открытая лестница. При реконструкции был устроен вход в церковь через подклет. При этом снаружи было сделано невысокое крыльцо, а лестницы были убраны внутрь здания. Масштаб постройки

ки объясняется, наверное, величиной поселения. Так же как и остальные рассмотренные постройки, Воскресенская церковь обшита и покрыта железом. Тяжеловесное напоминающее купол завершение храма начало разрушаться, глава утрачена.

Завершить перечисление ряда храмов в окрестностях Вельска можно Успенской церковью, построенной в 1796 г. в самом городе на кладбище. Сейчас этот памятник поновлен, но в общих чертах сохраняет традиционные формы.

Территория распространения церквей с основанием в виде восьмерика на четверике и луковицеобразным покрытием включает не только Поважье, но и среднее течение Северной Двины. Большинство объектов датируется второй половиной XVIII – началом XIX вв., но есть постройки, относящиеся и к первой половине столетия. Среди наиболее ранних известных примеров Введенская церковь (1717) в селе Пингишское Холмогорского уезда,¹⁸¹ Иоанно-Златоустовская церковь (1733) в селе Березницкое Шенкурского уезда.¹⁸² К более позднему времени относятся Знаменская церковь (1762) в селе Кицкое,¹⁸³ Власьевская церковь (1795) в селе Тулгас, Никольская церковь (1799) в селе Верхняя Паденьга Шенкурского уезда,¹⁸⁴ церковь 1808 г. в селе Заячерицье Тотемского уезда¹⁸⁵ и др. Сейчас сохранилась в аварийном состоянии только церковь в Тулгасе (рис. 42, вклейка). Пример подобного завершения есть и в каменном зодчестве Поважья – утраченная Благовещенская церковь в Шенкурске (1735–1741).

Кроме перечисленных церквей типа «восьмерик на четверике» луковицеобразное покрытие имеется на восьмигранной в основании Никольской церкви в селе Зачачье (рис. 43, вклейка). В силу величины восьмерика покрытие Никольской церкви отличается наибольшими размерами. Эта церковь стояла в Емецком остроге, но в 1687 г. была перевезена в Зачачье. Очевидно, что первоначально она имела шатровое завершение. Считается, что луковицеобразное покрытие храм получил после того, как в 1748 г. здание было повреждено в результате удара молнии.¹⁸⁶ Церковь была воссоздана в новом материале в 1909 г., сохранив при этом свои основные формы, и таким образом дошла до нашего времени.

181. Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 41. СПб., 1911. С. 158.

182. Известия... Вып. 26-31. СПб., 1909. С. 12.

183. Известия... Вып. 41. СПб., 1911. С. 197.

184. Там же. С. 33.

185. Известия... Вып. 34. СПб., 1910. С. 25.

186. Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Ч. I. Деревянное зодчество. СПб., 2005. С. 273; Забело С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. С. 154.

Относительно происхождения этой формы покрытия высказывались И.Э. Грабарь, В.В. Суслов, М.В. Красовский, полагая, что они появились на Севере под влиянием украинского зодчества.¹⁸⁷ Однако эти предположения не конкретизировались.

Результаты архивных изысканий, проведенных Е.Б. Заручевской, позволяют по-новому взглянуть на строительную историю церкви в Зачачье и на распространение луковицеобразных покрытий в деревянном зодчестве Поважья и Северодвинского поречья. На основании исторических документов Е.Б. Заручевская делает вывод, что в середине XVIII в. верх церкви не перестраивался, следовательно, его форма существовала с 1687 г. Более того, приводятся сведения, что было предписание после переноса на церкви не делать шатрового завершения, которое, видимо, было выполнено. Указывается, что после переноса храма из Емецка, он завершался пятью главами, которые по прошению 1727 г. были удалены из-за протечек.¹⁸⁸ Никольская церковь оказывается самым ранним известным примером использования луковицеобразного верха, причем в сочетании с пятиглавием, примеров чего мы не находим больше нигде.

Зачачье находится недалеко от устья реки Емцы – небольшого притока Двины, берущего начало близ Онеги. Издревле по Емце проходил водно-волоковый путь, связывавший Поонежье и Северодвинское поречье. Кроме того, в XVI–XVII вв. почти весь район течения Емцы входил в территорию Каргопольского уезда, что предопределяло его тесные связи с Поонежьем. Одной из ярких характерных особенностей поонежских деревянных церквей было устройство кубоватых завершений – сомкнутых четырехскатных форм, по очертаниям напоминающих бочку. Верх церкви в Зачачье имеет точно такой же силуэт, но восьмигранную форму в соответствии с основанием.

Учитывая связь Поонежья и Северодвинского поречья по Емце, новое покрытие Никольской церкви, по-видимому, появилось под влиянием кубоватых завершений онежских церквей. Но если боковые четыре главы, размещавшиеся на ребрах куба, были защищены от стока атмосферных осадков за счет скатов, то основания боковых глав на восьмигранном покрытии оказывались подверженными непосредственному воздействию влаги, вследствие чего и были удалены на зачачьевской церкви. В дальнейшем все более поздние церкви с луковицеобразными завершениями имели только одну главу.

187. См., например: Красовский М. Указ. соч. С. 272-273.

188. Заручевская Е.Б. Церковь Николая Чудотворца в селе Зачачье Архангельской области. Строительная история // Архитектурное наследство. Вып. 54. М., 2010 (в печати).

Рис. 50. Трехсвятительская церковь (1783)
в селе Богословское. Фотография начала XX в.

О связи Поонежья и Северодвинского поречья по Емце свидетельствует то, что в конце XVIII в., когда луковичеобразные одноглавые завершения широко распространились в Поважье, подобное решение появляется и на Онеге – в селе Шелекса, расположенном близ верховьев Емцы. Это Никольская церковь в селе Шелекса (1792).¹⁸⁹

Предположение о влиянии поонежских традиций на формирование решений, характерных для храмового зодчества Поважья, не исключает и украинскую версию. Формы завершений, использовавшиеся в архитектуре церквей Украины, сродни луковичеобразным куполам русских храмов

и легко могли соединяться с их архитектурными решениями. Происходить это могло параллельно в русле общего стремления к декоративности и усилению пластики верха. Известно, что особенности, свойственные украинскому церковному зодчеству, получили широкое распространение в Сибири в связи с тем, что многие священники были выходцами с Украины.

Пластическое усложнение верхов в XVIII – начале XIX вв. в Поважье и в среднем Северодвинском поречье проявлялось по-разному. Например, церковь Иоакима и Анны (1726) в селе Моржегоры имела шатровые завершения не полностью прямоскатные, а с зауженной поджатой

189. Известия... Вып. 32. СПб., 1910. С. 88.

нижней частью.¹⁹⁰ Соединение шатра с пучиной мы видим на старинном рисунке церкви Флора и Лавра (1753) Федорогорского прихода Шенкурского уезда.¹⁹¹ Отсюда следует предположение, что восьмигранные луковичеобразные покрытия могли появиться и сами собой путем искривления скатов обычного шатра по форме бочки. В конце концов, это не настолько замысловатая форма, которая должна была появиться в результате какого-либо влияния.

Наиболее усложненное решение верха имела Трехсвятительская церковь (1783) в селе Богословское близ Шенкурска (рис. 50).¹⁹² Три последовательно уменьшающиеся пучины с одной стороны демонстрируют максимальную пластическую насыщенность верха, с другой по образуемому ими силуэту напоминают шатер.

Половина луковичеобразного покрытия, т.е. пятискатная криволинейная форма, по очертаниям напоминающая бочку, иногда использовалась в качестве покрытия алтарных прирубов, например: Никольская церковь (1727) в селе Ратонаволоок,¹⁹³ Васильевская церковь (XVII–XIX вв.) в селе Чухчерьма, Георгиевская церковь (1697) в селе Пильегоры.¹⁹⁴ Ареалы распространения подобных покрытий алтарей и луковичеобразных церковных завершений близки друг к другу, но первый несколько сдвинут на северо-восток. Столь разнообразное, разновременное и географически разбросанное применение криволинейных покрытий свидетельствует об общей тенденции к пластическому усложнению завершений, свойственной деревянному зодчеству Севера XVIII в. Примерно те же явления можно увидеть и в Поонежье, где в течение столетия кубоватые покрытия распространились по всей Онеге, и в районе Онежского озера, для которого в это время характерны ярусные многоглавые завершения.

190. Забело С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. Ил. 324.

191. Известия... Вып. 41. СПб., 1911. С. 222.

192. В настоящее время завершение церкви утрачено. В неразрушенном состоянии памятник зафиксирован: Забело С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. Ил. 325.

193. Известия... Вып. 41. СПб., 1911. С. 161.

194. Там же. С. 131.

ЦЕРКВИ С ЯРУСНО-МНОГОГЛАВЫМИ ЗАВЕРШЕНИЯМИ

Ярусное решение основного объема как средство архитектурной выразительности широко использовалось в строительстве деревянных церквей и сочеталось с различными формами плана. Многоглавие также использовалось в различных архитектурных решениях. В районе Онежского озера в XVIII в. был построен ряд замечательных храмов, где ярусная структура завершения сочеталась с многоглавием. Их отличительными особенностями было пирамидальное построение верха, использование бочек и крещатых бочек в качестве покрытий ярусов.

Самой ранней известной подобной постройкой в Обонежье была Покровская церковь (1708) Вытегорского погоста (рис. 51).¹⁹⁵ Церковь имела план в виде восьмигранника с четырьмя прирубами. Традиционное для такого плана шатровое покрытие здесь уступило место ярусной структуре. Первый ярус был покрыт восемью бочками, завершающими каждую сторону сруба, с восемью главами. Следующий восьмигранный ярус за-

195. Ополовников А.В. Сокровища Русского Севера. М., 1989. С. 71-73.

Рис. 51. Покровская церковь (1708) Вытегорского погоста.
Фотография начала XX в., предоставлена И.Н. Шургиным

Рис. 52. Завершение Преображенской церкви (1714) Кижского погоста, Карелия. Фотография автора

вершён крещатой бочкой с пятью главами, центральная из которых преобладала по величине. Покрытия прирубов, поддерживая характер построения верха, образовывали ещё два яруса бочек и куполов. В целом создаётся многоглавая центрическая композиция, при кажущейся сложности имеющая чёткую и ясную объёмно-пространственную структуру.

Церковь Вытегорского погоста на своем веку неоднократно ремонтировалась: сначала был подведен каменный фундамент, затем устроена обшивка стен и железная кровля, а также изменен интерьер. В таком виде она и была зафиксирована А.В. Ополовниковым, который выполнил обмеры памятника и проект его реставрации. В 1963 г. церковь сгорела.

Покровская церковь послужила образцом для строительства Преображенской церкви (1714) Кижского погоста (рис. 44, вклейка). Действительно, архитектурное решение обеих церквей принципиально одинаково. Покровская церковь отличалась отсутствием постамента под центральной главой, за счет чего ее силуэт был чуть менее заостренный. Паперть была не прямоугольная в плане, а пятистенная. Кроме того, у вытегорской церкви было три алтаря.

Предполагается, что эти два храма были построены одними и теми же мастерами, причем архитектурно-композиционные приемы, использованные в Покровской церкви, в кижской постройке были развиты и усовершенствованы.¹⁹⁶ Ярусно-многоглавое завершение Преображенской церкви стало более выразительным (рис. 52). Преображенская церковь относится к лучшим произведениям русского деревянного зодчества. Храмы, образно схожие с церквями вытегорского и кижского погостов, возводились в Прионежье вплоть до конца XVIII в.

Незадолго до постройки Преображенской кижской церкви в 1712 г. была возведена Троицкая церковь в Климецком монастыре, располагавшемся на Большом Климецком острове, сравнительно недалеко от острова Кижы.¹⁹⁷ Она имела основание в форме правильного креста, стороны которого были покрыты бочками с главами. Возвышавшийся над крещатым срубом четверик завершался крещатой бочкой с пятиглавием. Верх Троицкой церкви представлял собой тоже ярусно-многоглавую

196. Орфинский В.П. Деревянное зодчество Карелии. Петрозаводск, 1972. С. 96-99; Орфинский В.П. Преображенская церковь в Кижях и ее место в истории русской архитектуры // Актуальные проблемы исследования и спасения уникальных памятников деревянного зодчества в России. Ненокса – Петрозаводск – Кижы. СПб., 1999. С. 78-79.

197. Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 57. Пг., 1915. С. 154.

Рис. 53. Никольская церковь (1791) в селе Ошта.
Фотография начала XX в.

убывающую вверх композицию, но в несколько упрощенном виде.

Более поздние ярусно-многоглавые церкви Обонежья, например, в Палтоге, Шуге, Девятинах, Оште и др., отличались основанием в виде простого четверика. Богоявленская церковь в селе Палтога была построена в 1733 г. (рис. 45, вклейка). Типологически памятник относится к ярусным храмам типа четверик на четверике. В покрытии ярусов бочками, многогла-

вом завершении и общей пирамидальной структуре воплотились знакомые

нам обонежские архитектурные традиции. Композиция верха довольно лаконична и, вместе с тем, очень живописна и выразительна. Церковь долго стояла в аварийном состоянии и в 2009 г. обрушилась. К сожалению, судьба церкви в Палтоге не исключение, такая же участь постигает многие памятники русского деревянного зодчества.

Успенская церковь (1770) в селе Девятины¹⁹⁸ и Никольская (1791) в селе Ошта¹⁹⁹ обладают сходным с Богоявленской церковью общим решением, но более усложненным верхом. В основании их также были четверики, покрытые крещатыми бочками, но имевшими ломаные очертания, напоминающие каскадные покрытия. Церковь в Оште отличается двумя четвериковыми ярусами с подобными крещатыми бочками (рис. 53). Об-

198. Известия... Вып. 52. Пг., 1914. С. 133.

199. Известия... Вып. 57. Пг., 1915. С. 129.

Рис. 54. Церковь Иоанна Предтечи (XVIII в.) в селе Шуя.
Фотография начала XX в.

щей особенностью церквей в Палтоге, Девятинах и Оште было то, что их покрытия представляли собой несколько видоизмененные крещатые бочки.

Церковь Иоанна Предтечи в селе Шуя датируется ориентировочно XVIII в. (рис. 54)²⁰⁰. Основной объем храма решен в виде восьмерика на четверике. Над углами четверика расположены объемные бочки-кокошники с главками. Восьмерик завершается крещатой бочкой с пятью главами, образующими вместе с покрытием нижнего яруса пирамидальную девятиглавую композицию.

Дмитриевская церковь (1783) в селе Щелейки представляет собой совсем простое архитектурное решение (рис. 46, вклейка). Покрытие ее основного четверика выполнено в виде крещатой бочки, несущей компактное пятиглавие. Центральная глава приподнята над остальными на небольшом восьмерике. Памятник в Щелейках относится к поздним многоглавым храмам Прионежья. Завершение Дмитриевской церкви производит впечатление далёкого отголоска великолепных многоглавых композиций начала XVIII в. Двухвсходное крыльцо соединено висячим переходом с колокольной, размещённой по продольной оси церкви. Аналогичное архитектурное решение имела ныне разрушившаяся Ильинская церковь (1781) в деревне (Шустрочей) Кипрушино.

Преображенская церковь Кижского погоста вместе с вытегорским аналогом является ключевым объектом в развитии архитектурных традиций Обонежья XVIII в. Исследований, посвященных Преображенской церкви и ансамблю Кижского погоста, много. Ввиду широкой известности объекта и его уникальности внимание привлекают, главным образом, его архитектурно-художественные достоинства, проблемы его сохранения и реставрации. Вместе с тем подробно рассматривались и пространственная организация кижских памятников, архитектурные решения каждого из них, закономерности композиционного построения, строительная история. Обстоятельно исследованы особенности развития деревянного зодчества Обонежья, влиявшие на него межэтнические взаимодействия, т.е. условия, в которых создавался рассматриваемый памятник. Однако при достаточно отчетливом понимании места Преображенской церкви в истории русского деревянного зодчества, недостаточно изучены конкретные связи ее архитектурного решения с различными региональными традициями.

Мы заострим внимание на вопросах формообразования и попытаемся сопоставить архитектурные приемы и формы вытегорской и

200. Забело С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942. С. 184.

кижской церквей с решениями, развивавшимися в деревянном культовом зодчестве Посвирья, Обонежья, Поонежья и других территорий Русского Севера.

Восьмигранные «круглые» храмы, каковыми в своей основе были рассматриваемые памятники, относятся к одному из древнейших известных типов церквей. Наиболее широко они были распространены на северо-востоке – в бассейне Двины. На Онеге и в Обонежье число подобных построек ограничено и находятся они преимущественно в южных районах, тяготеющих к центральной России. Объемные решения большинства известных восьмигранных церквей в Подвинье и Поонежье близки, различаясь между собой пропорциями, количеством прирубов и в редких случаях – ярусным построением основного сруба.

Отличительной особенностью восьмериковых церквей Посвирья является их ярусное решение, сочетающееся с покрытием ярусов так называемыми фронтовыми поясами (рис. 55). Подобное решение имеют церкви конца XVII в. Никольская в Согиницах, Преображенская в Пидьме²⁰¹ и храмы более раннего времени, изображенные на старинных планах Олонца и Тихвинского посада, имевшие, судя по изображению, по два фронтовых пояса.²⁰² Все эти постройки предшествовали вытегорской и кижской церквям. Отметим, что рассматриваемые храмы Посвирья и Обонежья, находясь на периферии ареала распространения восьмериковых церквей, отличаются наибольшим разнообразием архитектурных решений. Подобное явление мы наблюдаем на примере церквей с кубоватыми покрытиями, распространенными в Поонежье. Все наиболее

Рис. 55. Фронтонный пояс Никольской церкви (1696) в селе Согиницы, Ленинградская обл.
Фотография П.В. Степанова

201. Известия... Вып. 57. Пг., 1915. С. 144-145.

202. Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура Русского Севера. Страницы истории. Л., 1981. С. 121.

удаленные от Онеги постройки, так или иначе, отличаются от типичных для поонежских кубоватых церквей завершений.

Особенности посвирских восьмериковых церквей, очевидно, не случайные трансформации, а закономерные влияния местных архитектурных традиций. Фронтонные пояса составляют характерную особенность другого типа шатрового храма с основанием в виде восьмерика на четверике в южном и западном Прионежье. Некий переходный вариант от конструктивных фронтонных поясов к декоративным представляют церкви Богородицкая в Гимреке и Варлаамовская в Рыбреке конца XVII в.²⁰³ Как мы видим, всем высотным церквям Посвирья и южного и западного Прионежья свойственно членение основного храмового столпа на ярусы в сочетании с фронтонными поясами. Причем диапазон размерных соотношений ярусов очень широк: от сужающихся до расширяющихся кверху, в зависимости от чего и «фронтонные пояса» достаточно свободно видоизменяются. Этот же принцип использован и в архитектурном решении вытегорской и кижской церквей, только прямоскатные покрытия здесь заменены бочками.

Что касается форм покрытий, то на северо-западе заметно преобладание прямых скатов. Это прослеживается на примерах как коньковых, так и сомкнутых покрытий, особенно наиболее ранних. На многих церквях Посвирья и западного Прионежья XVII в. даже алтарные прирубы покрыты не бочками, столь широко распространенными на Севере, а простыми двухскатными покрытиями. На этом фоне покрытия вытегорской и кижской церквей, состоящие из многочисленных бочек, представляются достаточно необычными.

Тенденция к декоративному и пластическому усложнению завершений, свойственная северо-восточным территориям, отмечается В.П. Орфинским. Об этом свидетельствуют и характер кровли, например, на шатрах. Покрытие лемехом или гонтом, которое более логично для криволинейных форм, преобладает на северо-востоке, покрытие тесом, напротив, – на северо-западе.²⁰⁴ Распространение прямоскатных (в том числе каскадных и крещатых восьмискатных) и пластичных покрытий (бочек и образованных на их основе) автор связывает с отголосками соответственно древних новгородских и московских традиций.

203. Макарова Т.Л. Графическая реконструкция Варлаамовской церкви в вепском селе Рыбрека // Народное зодчество. Межвуз. сб. Петрозаводск, 1998. С. 213-223.

204. Орфинский В.П., Гришина И.Е. Типология деревянного культового зодчества Русского Севера. Петрозаводск, 2004. С. 56-57.

В архитектуре завершения Преображенской церкви, несомненно, прослеживаются северо-восточные влияния, но по сравнению с другими постройками, здесь декоративная и пластическая насыщенность верха необычайно велика. Предполагается возможность связи этих особенностей вытегорской и кижской церквей с этническим самовыражением русских в зонах контактов с соседствующими народами.²⁰⁵

При определенной новизне архитектурного решения верха рассматриваемым церквям предшествовал ряд построек, сходных с ними по структуре завершения и формам покрытий. Во-первых, это церкви, изображенные на упоминавшемся выше плане Тихвинского посада (1678). Одна из них – церковь Флора и Лавра, в основании имеющая четверик, завершенный крещатой бочкой и одной главой. Начало формирования пирамидального силуэта задают два симметричных завершенных главами боковых придела. Вторая аналогичная постройка, изображенная справа от Спасо-Преображенской церкви, также четвериковая, покрытая крещатой бочкой, но завершенная уже пятью главами. И, наконец, наибольшее развитие центричности композиции мы видим в структуре тихвинской Преображенской церкви. Ярусное построение основного храмового объема образуют симметричные прирубы, четверик, покрытый крещатой бочкой с четырьмя главами на коньках, и над ними – восьмерик, завершенный шатром.²⁰⁶

Следующая постройка с еще более отчетливо выраженной ярусной пирамидальной структурой – Егорьевская церковь Минецкого погоста, графически реконструированная М.И. Мильчиком и Ю.С. Ушаковым по порядной 1700 г.²⁰⁷ По архитектуре она близка к тихвинской Преображенской церкви, только восьмерик завершается не шатром, а крещатой бочкой с пятью главами, центральная из которых приподнята на постамент. В завершении этой церкви присутствует прием постановки одной бочки над другой, но еще более ярко он выражен в архитектурном решении церквей Никольской (1674) в Дмитриево²⁰⁸ и Успенской (1694) в Нелазском (рис. 9, вклейка). Бочки, заметим, выстраиваются в определенную структуру: одна над другой, сверху меньшая по величине и так по всем четырем сторонам.

205. Орфинский В.П. Народное деревянное зодчество в зонах этнических контактов на Севере России // Архитектура мира. Материалы конференции «Запад – Восток: взаимодействие традиций в архитектуре». М., 1993. С. 46-47.

206. Красовский М. Курс истории архитектуры. Вып. 1. Деревянное зодчество. Пг., 1916. С. 211. Рис. 260-261.

207. Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Указ. соч. С. 58-62.

208. Шургин И.Н. Исчезающее наследие. М., 2006. Рис. 7.2.

В архитектуре этих немногочисленных примеров можно увидеть основные композиционные приемы, блестяще развитые в решении вытегорской и кижской церквей. Первый – это ориентация одинаковыми бочками на все четыре стороны, предопределяющая центрическую уравновешенную структуру. Вторым приемом – ярусное построение основного объема. Устройство покрытия восемью перекрещивающимися бочками восьмигранного основания, несомненно, несет влияние фронтовых поясов посвирских восьмериковых храмов. Не исключено, что такое решение применительно к деревянным сооружениям, здесь было использовано впервые.

Хотя аналогичные пояса, состоящие из кокошников, широко известны в каменном шатровом зодчестве XVI – первой половины XVII вв., где они всегда фиксировали переход от одной формы к другой: от нижнего четверика к восьмерику, от восьмерика к шатру. Этот прием, очевидно, восходит к решению канонического каменного храма, где основной близкий к кубическому объем завершается рядом закомар. В архитектуре высотных шатровых церквей он преобразовался в декоративный элемент, в некоторых случаях измельчился, умножился, формы приобрели иные очертания.

В архитектурном решении вытегорской и кижской церквей под основным рядом бочек, венчающим восьмерик, намечается еще один, расположенный на уровне верхних бочек прирубов. По диагоналям восьмерика размещены декоративные накладные элементы, повторяющие очертания бочек. Композиционно они не равноценны остальным бочкам и играют соподчиненную роль. Отдельные диагонально ориентированные кокошники в деревянном зодчестве известны практически по всему Северу, но наибольшее распространение они имели на Онеге. Кокошники использовались в структуре, состоящей из восьмерика на четверике, над углами последнего, как на церквях, так и на колокольнях. Кокошники предполагают устройство прямых полиц и не сочетаются с фронтовыми поясами, которые образуют над углами четверика вогнутые с ендовой по середине покрытия. Соответственно, если фронтовые пояса, как мы уже отмечали, встречаются только в северо-западных районах, то кокошники относятся к традициям, получившим распространение, главным образом, на северо-востоке.

Довольно необычны ступенчатые покрытия прирубов вытегорской и кижской церквей. Самый ранний известный в деревянном зодчестве пример ступенчатого построения объема можно увидеть в архитектуре церкви Ризоположения (1485) из села Бородава (рис. 19, вклейка), где алтарь, будучи расположенным в едином срубе с молитвенным помеще-

нием, внешне выделен пониженным покрытием. Аналогичную структуру, но уже с покрытием бочками, имела церковь Спасозерской пустыни XVIII в.²⁰⁹ Таково же покрытие прирубов Климентовской церкви в селе Уна, датируемой 1501 г. или XVII в.²¹⁰ Ступенчато понижающиеся бочки деревянных церквей напоминают ступенчатые системы закомар каменных храмов. В каменном зодчестве этот прием восходит к концу XII – началу XIII в. (Пятницкая церковь в Чернигове). Пример, наиболее приближенный по местоположению и времени к рассматриваемым деревянным постройкам, – Рождественский собор Ферапонтова монастыря (1495). Судя по графической реконструкции, ступенчатая система закомар, переходящая в декоративные кокошники, здесь отличается особой стройностью и упорядоченностью.²¹¹ По-видимому, прообразами деревянных покрытий, состоявших из ступенчато понижающихся бочек, были решения, развивавшиеся в каменном раннемосковском зодчестве.

Одну из интерпретаций в дереве системы ступенчатых закомар представляют покрытия оснований церквей Вознесенской (1654) в Пияле (рис. 10, вклейка) и Успенской (1674) в Варзуге. Здесь покрытия состоят из трех, поставленных одна на другую и убывающих по высоте бочек. Средняя и верхняя бочки лишены срубных оснований и производят впечатление декоративных. В соответствии с процессом преобразования конструктивных элементов в декоративные, ступенчатые покрытия прирубов вытегорской и кижской церквей стадияльно более ранние, чем покрытия церквей в Пияле и Варзуге. Ступенчатые, состоящие из закомар (бочек) структуры покрытий составляют одну из особенностей архитектуры сложившегося централизованного государства. В архитектурном решении рассматриваемых деревянных церквей господствует тема ступенчатого пирамидального построения основного объема. Ступенчатые покрытия прирубов здесь использованы как нельзя более органично.

Мы рассмотрели архитектурные приемы, использованные в решении Преображенской церкви, относящиеся, главным образом, к формам покрытий и ярусному построению основного сруба. Правда, именно характер покрытий составляет основное различие между западными и восточными традициями в деревянном зодчестве Севера, впрочем, так же, как и различие в каменном зодчестве древнего Новгорода и Москвы. Как отмечалось, архитектура Преображенской церкви является послед-

209. Известия... Вып. 52. Спб., 1914. С. 166.

210. Известия... Вып. 32-36. Спб., 1910. С. 125-129.; Красовский М.В. Указ. соч С. 250-251.

211. Архитектура эпохи централизованного Русского государства // История русской архитектуры. М., 1956. С. 106.

ним «всплеском» взаимодействия западных и восточных (новгородских и московских) традиций.²¹² Действительно, рубеж, когда отголоски древних новгородских традиций исчезают практически полностью, приходится на начало XVIII в.²¹³ К этому времени в деревянном зодчестве Севера укореняются приемы и формы, составляющие общерусские традиции. Аналогичное явление, происходившее примерно столетием раньше, наблюдается и в каменном зодчестве. В северо-западных землях в течение XVI в. еще сохранялись архитектурные решения, восходящие к периоду самостоятельности Новгородской земли. В следующем XVII в. эти различия стираются, и архитектура здесь приобретает общерусский характер.

В архитектуре Преображенской церкви, из тех решений, что мы рассмотрели, к северо-западным традициям относится только принцип построения покрытия из восьми бочек наподобие фронтовых поясов. Сами формы покрытий и их ступенчатая структура относятся к распространившимся на Севере влияниям зодчества Московской Руси. В соответствии со временем создания Преображенской церкви в ее архитектуре эти влияния преобладают.

212. Орфинский В.П. Храмостроительные школы в народном деревянном зодчестве Русского Севера // Локальные традиции в народной культуре русского Севера: Материалы IV международной научной конференции «Рябининские чтения – 2003». Петрозаводск, 2003. С. 398.

213. Бодэ А.Б. Древние новгородские традиции в деревянном культовом зодчестве северо-западных областей России XVI–XVIII вв. // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 6. «Переломы эпох». М., 2005. С. 68-89.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Памятники деревянного зодчества, составляя выдающуюся часть российского архитектурного наследия, вместе с тем очень уязвимы. Дерево гниет, горит. «Самая хрупкая часть отечественной культуры», «исчезающее наследие» – так исследователи называют деревянное зодчество. Действительно, утраты следуют одна за другой. В среднем каждые один-два года мы теряем по значительному памятнику, а сколько небольших часовен, старинных крестьянских домов и хозяйственных строений обрушиваются от ветхости, бесследно исчезают целые деревни? Русское деревянное зодчество, представленное произведениями самого высокого искусства, исчезает тихо, незаметно, как убывает вода или истекает время.

На реставрацию памятников деревянного зодчества государство выделяет немалые средства, но использование их малоэффективно в связи со специфическими российскими условиями. Бывает, что частные инициативы опережают государственные программы и дают более быстрый и качественный результат. Бывает и наоборот: самодеятельные ремонты начисто стирают исторический облик здания, превращая его в

грубый новодел. В целом, надо признать, в обществе преобладает равнодушное отношение к судьбе собственного культурного наследия и непонимание его ценности.

В отличие от объектов, расположенных в городах, сельские деревянные постройки, в основном, не представляют ценности с точки зрения их использования. Многие из них стоят вообще вне населенных пунктов. Они не нужны государству, не нужны оставшимся местным жителям и оказываются совершенно заброшенными. Многие памятники деревянного зодчества едва держатся. Таковы церкви в Подпорожье, Турчасове, Меландово, Тулгасе, Сельце, Унежме и др. Некоторые церкви, например, в Патрикеевке, Едоме, Волосово стоят с разобранными или с разрушившимися завершениями, но для их восстановления, очевидно, нет средств. На иных памятниках когда-то были начаты реставрационные работы, но так и не были завершены, и они продолжают разрушаться вместе с поставленными строительными лесами.

Не все объекты, конечно, в столь удручающем состоянии, но число качественно отреставрированных памятников по-прежнему невелико. Многие перевезены в музеи под открытым небом, но общепризнано, что наибольшую ценность представляют постройки, сохранившиеся на своих местах. Реставрация не всегда осуществляется должным образом. Есть примеры, когда работы, проведенные с очень низким качеством, наносят памятнику непоправимый ущерб. Да и целесообразность решений, содержащихся в некоторых проектах реставрации, вызывает сильное сомнение. Сложившаяся в стране ситуация с сохранением памятников деревянного зодчества очень сложная, и кажется невозможным принципиально что-либо изменить.

Тем не менее, в России еще сохраняется около двухсот деревянных церквей XVII–XVIII вв. и более раннего времени. Без преувеличения их можно назвать генофондом национальной культуры или, по крайней мере, одной из самых главных составляющих, на которых основывается своеобразие отечественной архитектуры. Но, кроме того, традиционные деревянные сооружения сами по себе удивительно красивы, художественно выразительны, поэтичны. Величественный шатровый храм или небольшая часовенка, будучи памятниками истории и культуры, являются прекрасными произведениями искусства и обладают огромной силой эмоционального и духовного воздействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алферова Г.В. Каргополь и Каргополье. М., 1979.

Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Этнографические очерки. Л., 1983.

Бодэ А.Б. Древние новгородские традиции в деревянном культовом зодчестве северо-западных областей России XVI–XVIII вв. // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 6. Переломы эпох. М., 2005. С. 68-89.

Бодэ А.Б. Деревянное зодчество Русского Севера. Архитектурная сокровищница Поонежья. М., 2005.

Бодэ А.Б. Храмовое зодчество Кенозерского края // Небеса и окрестности Кенозерья. Расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка Кенозерский. М., 2009. С. 66-73.

Бондаренко И.А. Народное и царственное зодчество Древней Руси. К проблеме общности традиций и идеалов // Народное зодчество. Петрозаводск, 1992. С. 7-18.

Бубнов Е.Н. Русское деревянное зодчество Урала. М., 1988.

Вахрамеев Е.В. Новые исследования Варваринской церкви в д. Яндомозеро Карельской АССР (проблемы реставрации) // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 81-94.

Вахрамеев Е.В. Концепция реставрации архитектурного комплекса в поморском селе Ковда // Народное зодчество. Петрозаводск, 1999. С. 249-264.

Гемп К.П. Каргополь. Архангельск, 1968.

Гнедовский Б.В. Русский Север. М., 1972.

Голашевич А.А. Художественные памятники Селигерского края. М., 1983.

Грабарь И.Э. История русского искусства. Т. 1. Деревянное зодчество Русского Севера. М., 1910. С. 331-508.

Гунн Г.П. Каргопольский озерный край. М., 1984.

Гунн Г.П. Каргополье – Онега. М., 1989.

Даль Л.В. Историческое исследование памятников русского зодчества // Зодчий. 1872. № 7. С. 104.

Даль Л.В. Древние деревянные церкви в России // Зодчий. 1875. № 6.

Забело С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942.

Заручевская Е.Б. Василий Корсаков и его храмы // Деревянное зодчество. Новые исследования и открытия. М. – СПб., 2010. С. 147-164.

Заручевская Е.Б. Церковь Николая Чудотворца в селе Зачачье Архангельской области. Строительная история // Архитектурное наследство. В. 54. М., 2010 (в печати).

Иванова Т.Г. Заонежская былинная традиция и проблема географического распространения былин // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры русского Севера «Рябининские чтения – 95». Сб. докладов. Петрозаводск, 1997. С. 82-91.

Известия Императорской археологической комиссии. В. 32–36, 39–44, 52, 57. СПб., 1908–1915.

Ильин М.А. Деревянное зодчество первой половины XVIII в. // История русско-

го искусства. Т. V. М., 1955. С. 272-283.

Иоаннисян О.М. Деревянные храмы домонгольской Руси // Успенская церковь в Кондопоге: сб. статей по материалам конференции. Кондопога – СПб., 1996. С. 4-46.

Каретников А.А. Деревянное церковное строительство. Архангельск, 2010.

Кольцова Т.М. Иконы Северного Поонежья. М., 2005.

Коляда М.И. Памятник народного деревянного зодчества в селе Юксовичи // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С. 59-62.

Коляда М.И. Реставрация церкви Рождества Богородицы в деревне Лиственка // Народное зодчество. Петрозаводск, 1998. С. 235-247.

Комаров Б. Чертеж города Твери до перепланировки XVIII в. // Архитектурное наследство. Вып. 6. М., 1956. С. 150-158.

Красноречьев Л.Е. Исследование и реставрация памятников деревянного зодчества. СПб., 1999.

Красноречьев Л.Е., Тынтарева Л.Я. ...Как мера и красота скажут. Памятники древнего деревянного зодчества Новгородской области. Л., 1971.

Красовский М.В. Курс истории архитектуры. В. 1. Деревянное зодчество. Пг., 1916.

Крохин В.А. Реставрация Вознесенской церкви в селе Кушерека Архангельской области // Архитектурное наследие и реставрация. М., 1988. С. 59-70.

Кудряшов Е.В. О времени постройки церкви Спаса Преображения из села Спас-Вежи Костромской области // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Материалы и исследования. М., 1980. С. 100-102.

Кутькова Г.А. Ильинская церковь на Водлозере // Народное зодчество. Петрозаводск, 1999. С. 139-146.

Лютикова Н.П. «Шатровая о пяти главах...» (новые материалы об Одигитриевской церкви в с. Кимжа Мезенского района Архангельской области) // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера. Петрозаводск, 1989. С. 136-145.

Макаров Н.А. Церковные приходы и монастыри Кенозерья и Среднего Поонежья. Архангельск, 2007.

Макарова Т.Л. Графическая реконструкция Варлаамовской церкви в вепском селе Рыбрека // Народное зодчество. Межвуз. сб. Петрозаводск, 1998. С. 213-223.

Максимов П.Н. Особенности русского деревянного зодчества // История русской архитектуры. М., 1965. С. 111-117.

Максимов П.Н., Воронин Н.Н. Деревянное зодчество XIII–XVI вв. // История русского искусства. Т. III. М., 1955.

Марков Б.Г., Сацук Е.Ю., Степанова О.А. Графическая реконструкция погоста Задняя Дуброва // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей. Петрозаводск, 1985. С. 75-79.

Мейерберг А. Виды и бытовые картины России XVII в. СПб., 1903.

Мильчик М.И. По берегам Пинеги и Мезени. М., 1971.

Мильчик М.И. Северный деревянный монастырь на иконах XVII–XIX вв. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1978. Л., 1979. С. 333-346.

Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура Русского Севера. Страницы истории. Л., 1981.

Мильчик М.И. Веркольский монастырь в иконографии XVII–XVIII вв. // Памят-

ники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1986. Л., 1987. С. 487-496.

Мильчик М.И. Заонежье в старых фотографиях. СПб., 2001.

Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. Памятники шатрового типа. Памятники клетского типа и малые архитектурные формы. Памятники ярусного, кубоватого и многоглавого типа. М., 1986.

Ополовников А.В. Сокровища Русского Севера. М., 1989.

Орфинский В.П. Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972.

Орфинский В.П. Особенности деревянного культового зодчества Карелии // Архитектурное наследство. В. 31. М., 1983. С. 17-27.

Орфинский В.П. Народное деревянное культовое зодчество Российского Севера: истоки развития // Народное зодчество. Петрозаводск, 1992. С. 32-62.

Орфинский В.П. Народное деревянное зодчество в зонах этнических контактов на Севере России // Архитектура мира. Материалы конференции «Запад – восток: взаимодействие традиций в архитектуре». М., 1993. С. 46-47.

Орфинский В.П. Преображенская церковь в Кижях и ее место в истории русской архитектуры // Актуальные проблемы исследования и спасения уникальных памятников деревянного зодчества России. СПб., 1999. С. 72-81.

Орфинский В.П. Храмостроительные школы в народном деревянном зодчестве Русского Севера // Локальные традиции в народной культуре русского Севера. Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения – 2003». Петрозаводск, 2003. С. 396-400.

Орфинский В.П. Отголоски храмостроительных традиций Древнего Новгорода на восточной периферии бывшей Новгородской земли (XVI–XIX вв.) // Православие в Карелии: материалы 2-й научной конференции, посвящённой 775-летию крещения карелов. Петрозаводск, 2003. С. 17-23.

Орфинский В.П., Гришина И.Е. Простейшие деревянные постройки как источник для изучения крестьянского жилища // Народное зодчество. Петрозаводск, 1992. С. 19-31.

Орфинский В.П., Гришина И.Е. Народное зодчество села Суйсарь // Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск, 1997. С. 63-68.

Орфинский В.П., Гришина И.Е. Типология деревянного культового зодчества Русского Севера. Петрозаводск, 2004.

Орфинский В.П., Яскеляйнен А.Т. Хронологическая атрибуция сооружений деревянного культового зодчества Карелии // Народное зодчество. Петрозаводск, 1999. С. 147-160.

Памятники древнего русского зодчества / Сост. В.В. Суслов. Вып. 1. СПб., 1895.

Подъяпольский С.С. Собор Белозерского Горицкого монастыря // Древнерусское искусство. Русский Север. М., 1989. С. 334-339.

Раппапорт П.А. Древнерусская архитектура. СПб., 1993.

Савандер К.Ю. К вопросу о пропорционировании деревянных шатровых храмов Российского Севера // Народное зодчество. Петрозаводск, 1999. С. 104.

Сидорова Т. Реалистические черты в архитектурных изображениях древнерусских миниатюр // Архитектурное наследство. В. 10. М., 1958. С. 73-100.

Судьба культурного наследия России XX века. Черная книга. Утраты. М., 2003.

Суслов В.В. Путевые заметки о севере России и Норвегии. СПб., 1889.

Суслов В.В. Древние деревянные церкви Северных губерний. Церковь в селе

Чекуево // Художественные сокровища России. 1901. №4. С. 54.

Суслов В.В. Очерки по истории памятников древнерусского зодчества. О древних деревянных постройках северных окраин. СПб., 1889.

Уткин Н.Н. Теплые церкви Архангельского севера // Памятники архитектуры Севера. Архангельск, 1998. С. 94-115.

Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. Л., 1982.

Ушаков Ю.С. Народное деревянное зодчество // История русской архитектуры. Л., 1984. С. 7-79.

Федосеева Е.Е. Архитектурный ансамбль Унежемского прихода // Деревянное зодчество. Вып. 1. Новые исследования и открытия. М. – СПб., 2010. С. 201-226.

Филиппова Л.А. Витославицы. Новгородский музей народного деревянного зодчества. М., 2004.

Ходаковский Е.В., Курина Н.Н. Никольская церковь в селе Пурнема и деревянная храмовая архитектура Беломорья XVII-XVIII вв. // Архитектурное наследие. В. 55. М., 2011. (в печати)

Шайжин Н. Сведения о церквях Олонецкой епархии, построенных ранее XIX столетия // Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников Московского археологического общества. Т. 5. М., 1911. С. 83-96.

Шаповалова Л.Г. Каргопольские храмы с бочечным завершением // Историко-культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения, сохранения, использования. Каргополь, 2006. С. 204-212.

Шургин И.Н. Исчезающее наследие. Очерки о русских деревянных храмах XV –XVIII веков. М., 2006.

Яскеляйнен А.Т. Новое об эволюции часовни Архангела Михаила на острове Кижь // Народное зодчество. Петрозаводск, 1992. С. 155-166.

Pettersson L. Aanianiemen kirkollinen puuarkkitehtuuri. Helsinki, 1950.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

Алтарь – восточная часть храма, отделённая от основного помещения преградой или иконостасом.

Балясина – точеная стойка ограждения. В деревянном зодчестве элементы, подобные балясинам, выполнялись в виде вертикально поставленных резных досок. Иногда их называют плоскими балясинами.

Безгвоздевая (самцовая) кровля – способ покрытия, когда доски укладываются на горизонтальные брёвна-слегги, врубленные в поперечные стены сруба. Снизу тесовое покрытие поддерживается выдолбленными брёвнами – «потоками», опирающимися на «курицы», а сверху прижимается мощным бревном-охлупнем.

Бочка – форма двухскатного покрытия с криволинейными очертаниями, в нижней части выпуклая и имеющая килевидный верх.

Венец – один горизонтальный ряд брёвен в срубе.

Висячее крыльцо – крыльцо, опирающееся на «выпуски» – концы брёвен, выступающие из самого сруба.

Волоковое окно – вырубленное в двух смежных брёвнах сруба, закрываемое изнутри задвижкой.

Восьмерик – восьмиугольная в плане часть рубленной постройки.

В ус – способ соединения брусков (косяков), обрамляющих дверные и оконные проемы, при котором обрез каждого бруска образует острый угол.

Выпуски – концы брёвен, выпущенные из сруба для поддержки свесов кровли, балкона, галереи или крыльца.

Глава – купол в виде луковицы с крестом, который завершает культовое здание или его часть.

Гонт – короткий, тонкий кровельный тёс, дощечки.

Городчатый лемех – короткие кровельные дощечки со ступенчато обрезанным нижним краем.

Гульбище – наружная крытая галерея или терраса, огибающая здание с нескольких сторон, опирающаяся на выпуски бревен, столбы или аркаду.

Дынька – декоративная деталь в виде дыни, применяется для украшения столбов галерей, порталов, оконных наличников.

Ендова (яндова) – стык двух скатов крыши, образующих вогнутый угол.

Закомара – полукруглое или килевидное завершение верхней части стены каменного храма, обычно соответствующее форме внутреннего свода.

Заплечики – окончания верхней перемычки косячатого проема, выступающие за боковые грани косяков. Они прикрывали сквозные щели и нередко обрабатывались резьбой.

Звонница (колокольня) – сооружение для подвески колоколов, которое может быть отдельно стоящей постройкой или частью здания храма.

Клеть – прямоугольный сруб, состоящий из уложенных друг на друга венцов.

Клинчатое покрытие – островерхое двухскатное покрытие, широко распространенное в деревянном храмовом зодчестве.

Клирос – место для певчих в молитвенном помещении церкви в виде небольшого огражденного возвышения.

Кокошник – декоративный элемент, повторяющий форму бочки.

Косяки – бруски, обрамлявшие оконные или дверные проемы и служившие укреплению перерубленных бревен стены.

Косячатое (красное) окно – обрамленное брусьями-косяками, которых могло быть от двух (по бокам) до четырех (по всему периметру).

Красный тес – верхний слой кровельного теса с резными окончаниями в виде пик (перьев).

Крещатая бочка – форма покрытия, состоящая из двух взаимно пересекающихся бочек.

Куб (кубоватое завершение) – деревянное квадратное в плане покрытие, образуемое пересечением двух бочек и имеющее одинаковый для всех фасадов здания силуэт, напоминающий крупную луковичную главу.

Курица – деталь безгвоздевой кровли, предназначенная для поддержания потока или водотечника. Представляет собой ствол небольшой ели, срубленной с одним из ответвлений корня.

Лапа, рубка «в лапу» – способ соединения бревен в углах, при котором концы бревен не выходят за пределы наружной плоскости стены.

Лемех – небольшие дощечки для устройства кровель преимущественно криволинейных поверхностей, укладываемые подобно черепице.

«Небо» – дощатый потолок в северных деревянных церквях, каркас которого напоминает рисунок солнца с расходящимися лучами.

Обло, рубка «в обло», «в чашу» или «с остатком» – способ соединения бревен, укладываемых в округлые углубления, при котором концы бревен – остатки – выходят за пределы наружной плоскости стены.

Окончина – оконная рама с слюдяным или стеклянным наборным заполнением.

Охлупень или шелом – отесанное бревно, закрывающее верхний стык двух скатов кровли.

Паперть – западная входная часть церкви, открытая или закрытая, менее капитальная по сравнению с основным срубом.

Переруб – бревенчатая стена, соединяющая две противоположные стены в срубном сооружении.

Плаха, пластина – половина бревна, расколотого или распиленного в продольном направлении.

Повал – верхняя, расширяющаяся подобно карнизу часть сруба.

Погост – в древности административно-территориальная единица и ее центр, позднее – кладбище с церковью или одно кладбище, обнесенное оградой.

Подзор – доска с резным нижним краем, размещавшаяся под скатами кровли, на крыльцах, лавках.

Подклет – нижний этаж срубной постройки, обычно служебно-хозяйственного назначения.

Полица – нижняя пологая часть крутой кровли.

Полотенце – короткая резная доска, закрывающая стык причелин.

Портал – архитектурно оформленный вход в здание.

Поток – элемент безгвоздевой кровли – брус или лоток, в который упираются нижние концы кровельного теса.

Придел – пристройка к церкви или встроенное помещение, представляющее собой дополнительный храм меньшего размера.

Прируб – второстепенная по отношению к главной и более низкая в сравнении с ней часть рубленого здания, включенная в его общую композицию.

Притвор – сравнительно небольшая пристройка к храму с западной стороны, входная часть.

Причелина – доска, обычно резная, закрывающая наружные торцы подкровельных слег.

Пучина – восьмигранное криволинейное сомкнутое покрытие, по силуэту похожее на крупную луковицу и завершенное одной главой. Встречаются разные названия этой формы: баня (из украинского зодчества), купольный шатер, луковичный купол.

Режь, сруб «в режь» – тип сруба, в котором бревна уложены не плотно, а на некотором расстоянии друг от друга и связаны между собой только в углах.

Рундук – верхняя площадка крытого крыльца, нависающая над входом амбара, часть сруба.

Свод – перекрытие из кирпича или камня, имеющее в разрезе криволинейное очертание.

Скала – береста, укладываемая под слой кровельного теса для предохранения постройки от протекания.

Сруб – сооружение, стены которого состоят из горизонтально уложенных бревен, связанных по углам врубками.

Стулья – короткие отрезки толстых бревен, вертикально вкопанные в землю и служившие опорами для постройки.

Тесовая кровля – деревянная кровля, выполненная из теса. В своем наиболее совершенном варианте состояла из первого чернового слоя теса, поверх которого укладывалась береста, прижимаемая еще двумя слоями теса.

Тёс – доски, полученные путем раскалывания вдоль волокон бревен и затем отесанные.

Трапезная – обширная пристройка к церкви с западной стороны, служившая местом общественных собраний. Считается, что трапезные могли быть не только пристроенными, но и отдельно стоящими со встроенным престолом.

Тябла – горизонтальные брусья – полки, на которые ставились иконы в древних иконостасах, наклонные балки в потолке – «небе».

Тябловый иконостас – наиболее простой и древнейшей конструкции, состоящей из нескольких узких полок, на которые ставились иконы.

Частослеговое покрытие – разновидность самцово-слеговой конструкции, где слезы врубались в каждое бревно торцевых стен. Считается очень архаичным приемом.

Четверик – квадратная или близкая к квадрату в плане часть рубленой постройки.

Шатёр, шатровое покрытие – высокое четырех-, шести- или восьмигранное пирамидальное покрытие сруба.

Шея – глухой деревянный барабан, несущий церковную главу.

Шпонка – деревянная вставка прямоугольного или трапециевидного сечения для сплачивания досок или плах.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.	3
Особенности архитектурных решений деревянных церквей.	5
Клетские церкви с клинчатым покрытием с полицами.	17
Клетские церкви с покрытием основного объема бочкой.	30
Клетские церкви с каскадными покрытиями.	45
Церкви типа «восьмерик на четверике» с шатровым завершением.	62
Церкви с шатровым на крещатой бочке завершением. .	72
Церкви с кубоватыми покрытиями	82
Церкви с луковицеобразными одноглавыми завершениями.	96
Церкви с ярусно-многоглавыми завершениями.	104
Заключение.	117
Библиографический список.	119
Краткий словарь специальных терминов.	123

Научное издание

Андрей Борисович Бодэ

ДЕРЕВЯННЫЕ ХРАМЫ РУССКОГО СЕВЕРА. АРХИТЕКТУРА И МЕСТНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Редактор *Н.А. Котова*

Технический редактор *С.М. Сивоконева*

Корректор *О.А. Гладкова*

Компьютерная правка и верстка *Н.А. Котовой*

Редакционно-издательский отдел. Тел. (499) 183-97-95. E-mail: rio@mgsu.ru

Подписано в печать 20.06.2011 г. Формат 60×84 1/16 Печать офсетная
И-91 Объем 8 п.л. + вклейка цветная 16 полос Т. 100 Заказ 227

ГОУ ВПО Московский государственный строительный университет.
Типография МГСУ. 129337, Москва, Ярославское шоссе, 26.
Тел.: (499) 183-91-90, (499) 183-67-92, (499) 183-91-44.
E-mail: info@mgsuprint.ru

